

Ирина МАЛЬЧУКОВА

Рисунки на пару,
или
Сказка для Машеньки
сказочная повесть

содержание

Трельяжный Князь Сморчок в ранге обыкновенного смертного сослан на Землю отбывать наказание за преступления, совершенные им против Антресолии – страны забытых желаний. Тень по имени Ахуратс добровольно разделила с хозяином участь падшего. Сосланный, но несломленный старик мечтает вернуться домой. Помочь в этом деле бывшему тёмному колдуна может только человеческий детёныш с Чистым Сердцем. Волею судьбы роль адвоката падшего досталась шестилетней Машеньке Журавлёвой. Малышка заступилась за Сморчка перед лицом самого Хранителя. Но этого оказалось мало. Чтобы отбелить своё имя, колдун должен заручиться поддержкой тридцати трёх букв волшебного алфавита.

Старик и девочка отправляются в Антресолию, задействовав древнее «двери отпирающее» заклинание: «Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да». За Дверью их ждут фантастические приключения и невероятные испытания. Парной космос, зонтичные города, в которых живут ангелы, Лес Совести, молочная река, халвовые горы, Океан Слёз, радужные межмирные переходы, паучья швейная фабрика, яблочные космолёты – все эти и многие другие чудеса, которые встретят на своём пути малышка, под угрозой гибели. Их точат Черви Сомнения, порождённые людьми, которые утратили веру в чудо.

Справится ли Машенька с возложенной на неё миссией? Поможет ли колдуну, спасёт ли Антресолию от монстров? Насколько велика сила её Чистого Сердца? Об этом, друзья, вы узнаете, совершив вместе с главной героиней путешествие по моей сказке.

Глава 1.	
Происшествие на дороге	9
Глава 2.	
Любимые игрушки Машеньки.....	11
Глава 3.	
Лица в зеркале.....	13
Глава 4.	
Сюрприз	16
Глава 5.	
Скрип, скрип... Помоги!	19
Глава 6.	
Стук в окно.....	21
Глава 7.	
Кто там?	22
Глава 8.	
Явление Хранителя, или Временный пропуск	26
Глава 9.	
Окно размякло	31
Глава 10.	
Парная за стеклом	32
Глава 11.	
Зонтичный город.....	36
Глава 12.	
Номер на 548 этаже, или Трень, трень, трень!	40
Глава 13.	
Червяки Сомнения	42
Глава 14.	
ЯЛО – яблочный летательный объект	45

Глава 15. Команда пароспасателей, или Что скажет босс?	50	Глава 30. Рецепт по приготовлению красок от Сыра Ивановича.....	92
Глава 16. Чёрные дырки.....	52	Глава 31. Радуга готова!.....	96
Глава 17. Лес Утраченной Совести	55	Глава 32. Испытание портала	98
Глава 18. Верёвочная пирамида.....	58	Глава 33. Спасаем Тень	101
Глава 19. Работа кипит, или Чайный перерыв.....	61	Глава 34. Сердце-планета, или Исповедь Сморчка.....	103
Глава 20. ГРУЗКОСМРОМ, или Ёй-ёй, пожар!	65	Глава 35. По ту сторону портала	107
Глава 21. Бунт гномиков.....	68	Глава 36. Халвовые горы	109
Глава 22. Ох, милиция!	69	Глава 37. Старик под деревом.....	111
Глава 23. Отдел № 147	73	Глава 38. Кто меня звал? Ык!	113
Глава 24. Зелье правды.....	75	Глава 39. Чёрный рыцарь верхом на пауке	116
Глава 25. И снова Лес Совести.....	78	Глава 40. Тьма из пропасти	119
Глава 26. Тучкины слёзы	80	Глава 41. Будь с нами, будь, как мы	123
Глава 27. Подсолнечная заправка	82	Глава 42. Вестницы зари.....	125
Глава 28. Ёй, радуги нет?!	86	Глава 43. Паучий десант и гостеписец.....	129
Глава 29. Жуж-ж-жа!	90	Глава 44. Допрос, или Как есть ваше имя?.....	131

Глава 45.	
Швейная фабрика	135
Глава 46.	
Проверка сердца, или Хряуша.....	138
Глава 47.	
Подготовка к отлёту	141
Глава 48.	
Запасная Дверь	145
Глава 49.	
По ту сторону портала, или Янтарный город.....	148
Глава 50.	
Людокрабы, или Всеводная конференция	150
Глава 51.	
Да здравствует мудрая Яхтар, или Червь на голову.....	155
Глава 52.	
Ещё одно Сомнение долой!!!.....	159
Глава 53.	
Всплытие.....	164
Глава 54.	
Стволы, подпирающие небо, и древесный лифт	166
Глава 55.	
Верхний ярус леса и гнездовая больница	169
Глава 56.	
И снова в путь!.....	172
Глава 57.	
Яблоневый сад.....	175
Глава 58.	
Совет Тридцати Трёх.....	180
Глава 59.	
Обратно в Надмир	184
Глава 60.	
Ангелодракон	186
Глава 61.	
Штопаем дыру, или Подари одну слезу.....	190
Глава 62.	
Возвращение	193
Глава 63.	
Пост сдан – пост принят.....	195

Глава 1. Происшествие на дороге

Лето подошло к концу. Осень, пока несмело, пока ненавязчиво, заявила о своих правах: ранними сумерками,очной прохладой,тихими долгими дождями и особенным, ни с чем не сравнимым запахом влажной земли. Машенька Журавлёва закрыла глаза и глубоко вдохнула. Она улыбалась, чувствуя, как ветер треплет её непослушные белокурые волосы и игриво натирает щёчки до появления свежего румянца.

– Золотце, закрой окно, – попросила мама, оторвав от уха с большой, в виде ягодки винограда, серёжкой серебристый мобильный телефон. – Насморк нам не нужен. Завтра в садик.

Мама всегда так делала: вела машину и щебетала по телефону, обсуждая с подружками последние новости. Папа не раз ругал её за это, говорил, что за рулём отвлекаться не стоит, что такая беспечность когда-нибудь доведёт до беды. Но мама не слушала его. Она вообще никого не слушалась, любила всё делать по-своему. Вот и сейчас, небрежно бросив через плечо указание дочке относительно окна, мама продолжила увлечённо щебетать:

– Слушай, Анжелка, ну ты даёшь! Я бы так не смогла. Я бы так не сделала...

На дорогу выскочила чёрная собака размером с раскормленного телёнка. Мама нажала на тормоза. Машина, противно взвизгнув, резко повернула влево и упёрлась носом в пыльную траву на обочине. Телефон выбросило в окошко, прямо в колючие заросли чертополоха. Шур-шур – всё шуршали колёса, недоумённо переговариваясь друг с другом. Мол, что случилось? Как это так?

А собака как ни в чём не бывало растянулась на асфальте, подставив осеннему солнышку чёрные лохматые бока. Над ней склонился неизвестно откуда взявшийся убогий старик в лохмотьях. Он причмокивал губами и осуждающе качал огромной, словно раздутой, головой, на которой красовалась не по сезону тёплая шапка – зелёный берет с рыжей меховой опушкой. Слишком большой даже для такой тыквоголовы, как у старика, берет непременно сполз бы набок, если бы не красные ленты, завязанные бантом под узким небритым подбородком.

– Эй, дамочка! – гневно крикнул незнакомец, тыкнув грязным пальцем в капот. – Смотреть на дорогу надо, а не по телефону трещать! Чуть не задавила мою животинушку... И кто вам только права выдаёт?

– Не бойся, всё хорошо, – успокоила мама Машеньку, которая, пискнув от страха, вжалась в спинку сидения.

Невозмутимо оправив узкую юбку и примерив на лицо дружелюбную улыбку, мама вышла из машины. Дверца осталась открытой. Маша провожала её испуганным взглядом. Она сама не знала, почему, но что-то в облике странного старика в шапке казалось ей зловещим.

– Уважаемый, – подчёркнуто вежливо обратилась к незнакомцу мама, – но ведь ваш пёс цел и невредим? Зачем тогда ругаться?

- Это девочка... Черныш её зовут... - угрюмо буркнул старик.
- Ага, понятно. Девочка?.. И Черныш? - пожала плечами мама и по привычке деловой леди достала из кармана изящного жакета купюру. - Это вам в качестве компенсации.

Весь вид её говорил: сумасшедший, что с него взять? Небрежно бросив деньги старику, мама отвернулась, даже не удосужившись проверить, поймал ли их убогий. Цветная бумажка потрепетала немного на ветру и плавно опустилась у ног незнакомца. Старик не взял деньги, набрал побольше слюны в рот и сплюнул на купюру, припечатав её к растрескавшемуся асфальту.

Мама таки заметила плевок. Подобная выходка рассердила её не на шутку. Копаясь в траве в поисках обронённого телефона и время от времени бросая взгляды на оплётанные деньги, она бубнила:

- Сумасшедший... Грубиян!

Пока двуногие выясняли отношения, собака, из-за которой загорелся весь этот сыр-бор, встала, сладко потянулась и потрусила к машине. По-хозяйски засунув любопытный нос в салон, она уставилась на девочку густо-чёрными, не по-собачьи умными глазами.

Маша любила животных. Всегда находился какой-нибудь котёнок, которого она брала под свою защиту. Тайком, чтобы мама не ругалась, малышка стаскивала из холодильника колбасу, а из старых вещей мостила своим пушистикам уютные гнёздышка. Но вот собаки? Они ведь зубастые?! Их, признаешься, девочка побаивалась.

На всякий случай Машенька отодвинулась подальше от мохнатой гостьи. А вдруг укусит? Собака, к её облегчению, вела себя дружелюбно: зевнула и положила голову на водительское сидение, не сводя, впрочем, с девочки пристального взгляда. У Маши сложилось впечатление, что Черныш изучает её, приценивается. Вдоволь наглядевшись, собака коротко гавкнула и метнулась в кусты, перепрыгнув через голову Машиной мамы, которая, наконец, нашупала в траве свой телефон.

- Ай-ай-ай, разбился, - причитала мама.

Тук, тук - неожиданно постучал по стеклу стариик. Девочка вздрогнула. На неё смотрели два белых, абсолютно белых глаза. Круглых, как блюдца. И никаких бровей. Старик улыбнулся, показав мелкие, на удивление здоровые зубы.

- Скоро начнётся сказка, - прошептал незнакомец. - Тебя уже ждут.

- Ай-ай, - не унималась мама, оплакивая свой телефон, - родненький, как же я теперь без тебя?

Машенька сочувственно посмотрела на маму и снова прильнула к окошку, однако за стеклом, покрывшимся мелкими капельками (дождик припустил!), уже никого не было. Странный старик исчез так же неожиданно, как и появился.

Рядом фыркнула мама, устраиваясь в кресле.

- Ходят тут всякие, тьфу! - процедила она сквозь зубы, а затем, бросив взгляд на телефон, всхлипнула: - Ай-ай, милый мой, разбился... Ай...

Глава 2. Любимые игрушки Машеньки

После месяца, проведённого в деревне у бабушки, Машенька вернулась домой. Посвежевшая, загорелая. Её роскошные белокурые кудри, щедро приголубленные южным солнышком, приобрели янтарный блеск. Будто лучики, собранные в два пышных хвостика, ниспадают они до нежных детских плеч. Со стороны, пожалуй, многим кажется, что девочка светится изнутри, а голову её венчает золотой лучистый нимб. Как на любимой иконе Машиной бабушки, что в углу стоит, у самого окна.

- Золотце наше! Наш Солнечный Зайчик! - раскрыл объятия, встречая дочку, папка.

Его усы кололи шею и щёку Машеньки, но девочка не жаловалась, теснее прижалась к отцу, соскучившись по его запаху, по его ласке. Вот по кому она скучала больше всего! А ещё по друзьям из детского садика и двора. Их у Маши много, особенно из числа мальчишек. По застеленной розовым покрывалом кроватке, на которой слаще всего спится. По игрушкам, книжкам, карандашам - по всему тому родному и милому, что зовётся домом.

Даже по ночному грохоту вагонов, которые сталкиваются, соединяясь в состав! Шум железнодорожного депо, расположенного поблизости с домом, где проживают Журавлёвы, особенно раздражает маму. Как только вечер на порог, она начинает ворчать на папу, Машу и на весь свет, жаловаться, грозя кулаком в сторону окна, что опять не сможет из-за них, железяк окаянных, уснуть. И ведь действительно не уснёт, пока не засунет в уши ватные беруши.

А вот Машенька к грохоту, как ни странно, привыкла. Он ей по-своему нравится. Лёжа в кроватке, девочка представляет себе, что где-то там, в поле, борются закованные в доспехи великаны, боятся грудь с грудью, высекают мечами искры. Всё из-за чего? Из-за любви, конечно! К некой прекрасной даме, у которой, как положено в сказке, звезда во лбу горит, а из-под косы месяц серебристый выглядывает.

- Хи-хи, - часто смеётся, натянув до подбородка одеяльце, Маша, когда фантазирует вот так, перед сном. - Интересно, эта сказочная красавица, когда голову моет, вынимает месяц из-под косы? Хи-хи... Он ведь может заржаветь? Или месяцы не ржавеют? Хи-хи!

Машенька очень любит мечтать и фантазировать. Хотя какой ребёнок этого не любит? Ведь в мечтах так легко играется! И неважно, что у тебя в руках: дорогие куклы, которые обычно покупает мама, или какая-нибудь чепуха. Это мамино слово - чепуха. Она всегда так говорит и брезгливо поджимает губы, застав дочку за играми с «неприличными», то есть не из фирменных магазинов, игрушками.

«Мама не понимает, - сердится малышка, - что так интереснее, что гораздо приятнее придумать самой игрушку, а затем состряпать её своими руками».

Другое дело – Петюнька с Яшкой. Лучшие друзья! Они понимают Машеньку. Они и научили её фантазировать с чепухой. Особенно горазд на выдумки Петюня. Головастый мальчик! Если нужно придумать что-нибудь красивое, романтичное, без него не обойтись. Это он, между прочим, назвал Машу Солнечным Зайчиком! И теперь с его подачи девочку с золотистыми локонами все так зовут – и на улице, и дома. Яшка же больше по шалостям мастер, что тоже иногда неплохо.

– Здравствуйте, мои дорогие! Здравствуйте, мои родные! – торжественно здоровается Маша и, от волнения закусив губу, достаёт из-под письменного стола коробку с «драгоценностями» – шахматными фигурами, крупными, вырезанными из дерева неизвестным мастером.

Их папка нашёл как-то на лавочке, во дворе. Долго потом он соседей расспрашивал, чьи шахматы, но, так и не найдя хозяина, принёс коробку домой. Поскольку в доме Журавлёвых шахматами никто не увлекался, находку отдали Машеньке.

– Пусть балуется, – сказал папка, почесав лысину.

Вот и балуется дочка: налепила на фигурки пластилин – это волосы, обмотала их блестящими фантиками от конфет – это платья и фраки. Из домино и шашек, которые Машенька тоже присвоила, она обустроила в деревянной коробке дворцовые покои для своих шахматных человечков.

«Не нужна мне дорогая кукла, – размышляет, облокотившись о стол, Солнечный Зайчик. – Возьму-ка я белый пластмассовый кувшинчик, вставлю в него дулом вниз водяной пистолет – подарок Яшки. Зачем он мне? Не по воробьям же стрелять? А так сойдёт за «лицо» фигуристой «куклы». Чем кувшин не фигура? И талия, и бёдра имеются, и даже грудь! Привяжем к рукоятке ленточки или ниточки. Получаются отличные волосы! Из пластилина налепим глаза, нос, губы. Вот краля выйдет! Загляденье!»

Если скучно играться дома, Машенька закапывает в дворе клад. Мальчишки ей всегда помогают искать для клада НУЖНЫЕ вещи. Бусинки, например, монетки, камешки необычной формы, ракушки и прочие диковинки. Нередко в поисках участвует Вовка – известный на весь двор хулиган и забияка. Его все побаиваются, в том числе Яшка, который и сам не против похулиганить. В том смысле, что фингал обидчику запросто поставить может...

Но это ладно. Солнечный Зайчик разным мальчишкам позволяет за собой ухаживать: и тихоням вроде Петюньки, и драчливым, как Яшка с Вовкой. Ей интересно наблюдать, как соперничают мальчики, как борются за её внимание. Прямо как те воображаемые великаны, грюкающие по ночам железом из-за дамы со звездой и косой, под которой месяц. Только мальчики доспехами не звенят, а локтями толкаются и коленками пинаются, норовя первым пропасть к Машеньке и протянуть ей на ладошке пёрышко, скрепку, брелок, огрызок карандаша, спичечный коробок, фрагмент от разорванной цепочки или засущенный цветочек... Всё это «добро» помещается в ямку, цветным стёклышком закрывается и прикапывается. А на следующий день раскапывается, поскольку малышам непременно надо знать, цел ли клад.

После чего перепрятывается в другое место, которое надёжней. И так много раз, по всему двору, до автостоянки, где начинается асфальт и копать уже негде...

Да, фантазировать Машенька любит, и получается это у неё исправно. Порой и выдумывать ничего не нужно для своих игр. Фантазии сами находят девочку и вовлекают её в игру. Самую интересную и забавную игру в мире!

Глава 3. Лица в зеркале

Маша всегда любила подолгу купаться в тёплой ванне. Она брала с собой кучу пластмассовых и резиновых игрушек, на руку наматывала длинную жёлтую мочалку, представляла себе, что это хвост русалки, и от души плескалась, разговаривала разными голосами, рассказывая самой себе сказку. Частенько девочка так увлекалась водными процедурами, что забывала о времени. Мама покрикивала на неё из-за двери: «Простудишься! Вода уже давно остыла!» Папка же шутил, что его Солнечный Зайчик когда-нибудь превратится в лягушку. Где тогда он будет искать сказочного принца, чтобы расколдовать квакушку обратно в его любимую дочурку? С принцами в нашей стране напряжёнка!..

– Маша, иди купаться, – позвала из ванной мама. – Только игрушки не бери. Уже поздно. Нечего часами в воде отмокать. Знаю я тебя... Не бери!

– Ну, мам? – жалобно пискнула малышка. – Я только одну? Дельфинчика белого можно? Или лебедя? Или крокодила?

– Нельзя, – строго сказала мама, сложив руки на груди. – Времени мало. По-быстрому давай. И сразу же в постель. Завтра рано вставать.

– Ой, – горько вздохнула Машенька, расстёгивая пуговки клетчатого платьица, – так же скучно?

От обиды, чтобы немного отомстить маме, девочка, та ещё строптивица, налила в воду щедрую порцию ароматной жидкости из голубой бутылки. Маминой! Насколько помнила Маша, это был дорогущий шампунь. Мама никому не разрешала пользоваться своей косметикой. Ведь эксклюзив! Импортный!

– Ля-ля-ля, – тоненько запело довольная Машенька, поднимая из шипящей белой пены то одну, то другую ножку с розовыми пятёйками.

Душистый пар зашторил тесную ванную комнатку, осел сизой дымкой на круглом зеркале над умывальником. Постепенно остывая, зеркало заплакало. Несколько пузатых капелек растеклись по его запотевшей поверхности, оставляя за собой причудливый рисунок. Там, где дорожки, прокладываемые каплями, пересекались, появлялись глаза, нос, губы. Глаза моргали, тонкий нос раздувал ноздри, вдыхая сладкий аромат шампуня, губы улыбались. Вслед за первым лицом показалось второе, абсолютно такое же, как первое, за вторым – третье. Загадочные лица

поглядывали друг на друга и кивали в сторону Машеньки, будто соглашались с чем-то, одобряли.

Девочка ничего не замечала, продолжала намыливать плечики и петь весёлую песенку, слова которой она тут же придумывала. Это игра такая: поёшь обо всём, о чём думаешь.

– Вот я плечики намылила, ля-ля-ля, – пискляво затянула малышка, – ля-ля-ля, водичкой сполоснула, ля-ля.

– Ты там зубы почистить не забудь, певунья, – напомнила мама, постучав с той стороны в дверь, – и закругляйся давай.

Машенька вздохнула, потянулась за зубной щёткой, которая стояла в стаканчике перед зеркалом, и обомлела: за ней внимательно следили шесть любопытных глаз! Смотрели и моргали. Моргали и смотрели. А когда Машенька убрала руку с щёткой и тюбиком зубной пасты, три лица дружно, словно по команде, улыбнулись.

– Ма-а-ам! – со страха позвала девочка.

Лица, отпечатавшиеся на пару, удивлённо подняли брови.

– Ой, мамочка!!! – взвизнула Маша.

Дверь распахнулась. Мама, на ходу накручивая волосы на бигуди и всем своим видом показывая, что недовольна (она всегда была недовольна, когда её отрывали от любимого сериала), спросила:

– Ну, что случилось? Ты зубы почистила?

Девочка настолько была напугана, что не могла толком объяснить маме, в чём дело. Она только указывала рукой, в которой всё ещё сжимала тюбик с щёткой, на зеркало.

– Что-о-о? – мама недоумённо уставилась на умывальник.

– Выше смотри, – оправившись от испуга, пояснила Машенька. – Видишь там, в зеркале? Кто-то оттуда смотрит?!

Мама, пожав плечами, приблизила лицо к зеркалу. Три лица игриво подмигнули даме в бигудях, но, убедившись, что их подмигивания не возымели действия, поскольку мама ничего не видела в запотевшем зеркале, скривились и все разом сплюнули:

– Тьфу-у-у!

Маша готова была поклясться, что услышала их! Три капли извилисто поплыли вниз, к полочке, где стояли разноцветные баночки, бутылочки, тюбики и в жёлтой мыльнице розовое детское мыльце.

– Что за глупости? – рассердилась мама. – Вечно ты что-нибудь придумываешь, лишь бы время потянуть. И вообще, чем это здесь пахнет? Ты что? Ты брала мой шампунь??!

– Я... Это... Того... – неуклюже оправдывалась девочка, чем насмешила лица в зеркале, которые ехидно захихикали.

– Ну же, Марья Журавлёва? – повысила голос мама, назвав дочку по фамилии, что означало – мама ОЧЕНЬ рассержена.

Назревала нешуточная гроза. К счастью, вмешался папка, чья круглая лысая голова просунулась в дверной проём. Папа всегда выручал Машеньку в таких, как сейчас, сложных ситуациях.

- Милая, - уткнулся подбородком в мамины шею отец, - там Хулио делает предложение Лусинде. Твой любимый эпизод. Пропустишь ведь?

- Э-э-эх, - махнула рукой мама. - Вы сговорились, что ли? Хоть бы раз меня поддержал! Э-э-эх...

Последние слова прозвучали уже за дверью, которую неплотно прикрыли, и она начала со скрипом открываться, выпуская пар. Маша, насупившись, обтиралась полотенцем и то и дело бросала на зеркало хмурые взгляды.

- Ух, - не выдержала всё-таки малышка и погрозила кулаком смешливым рожицам. - Я вам дам! Ишь ты? Вздумали надо мной смеяться?

- Хи-хи! Хи-хи! - расплылись в улыбках лица и размазались, поскольку вода остыла и весь пар развеялся.

В зеркале прояснилось. Маша стала на цыпочки и, наклонив голову набок, рассматривала его, но таинственные изображения на стекле исчезли. По ту сторону умытой зеркальной глади только её собственное отражение недоумённо хлопало ресницами.

- Было это или нет? - спросила саму себя девочка и провела пальцем по стеклу.

- Нет? Или это было? - спрашивало её отражение, произнося слова в обратном порядке.

Глава 4. Сюрприз

- Солнечный Зайчик! Солнечный Зайчик! - кричали ребята, встречая Машеньку, и хлопали в ладоши.

Шутка ли? Целый месяц они не видели всеобщую любимицу!

Особенно старались показать свою радость Яшка Ермолаев и Вовка Заречный, которые зачем-то высунули языки, будто щенки, испытывающие жажду.

«Если бы у них были хвосты, они, наверное, ими сейчас виляли?» - подумала вдруг Маша и улыбнулась этой своей нелепой мысли.

Петюнька Ложкин, скромно потупившись, стоял в сторонке и вздыхал. Временами, когда девочка отворачивалась, он поднимал голову и нежно смотрел на своего Солнечного Зайчика. В такие моменты его добрые карие глаза, спрятавшиеся за огромными уродливыми очками, светились надеждой и лаской. Но стоило Машеньке повернуться к Петюне лицом, он снова превращался в незаметный, безмолвный столб, который, разве что, иногда вздыхает.

После обеда, когда Галина Сидоровна отдала приказ «Отбой!», малыши и девочки разбрелись по своим кроваткам. Маша потянулась и сладко зевнула, радуясь возможности отдохнуть. Ночью ей не удалось хорошо выспаться. Всё не лезли из головы мысли о странных событиях прошедшего дня: сначала собака и белоглазый нищий, затем эти рисунки в зеркале. Да и вообще, девочка (вся в папу!) очень любила послеобеденный сон. В отличие от некоторых... Таких, как рыжий Яшка, который топтался сейчас, как глупый бычок, у изголовья

Машиной кроватки и громко сопел. За его спиной спрятался щупленький Петюнька. Как всегда, малыш жутко стеснялся.

- Мы тут... Тут мы... Вот... - от волнения писклявым голосом начал объяснять что-то Яшка, но запнулся, не найдя нужных слов.

- Сюрприз вот приготовили, - вместо друга закончил Петюня, несмело выглянув из-за Ермолаевского плеча.

- Да? - сделала вид, что удивилась Маша.

Подозрительное поведение этих двух мальчишек, с самого утра ходивших за ней гуськом, улыбающихся и молчавших, навело её на мысль, что стоит ждать сюрпризов. Только вот приятных ли?

Яшка вытер пальцем конопатый нос, хотя тот был совершенно сухой, почесал правую бровь, поковырялся в ухе, хотел сплюнуть, но вовремя одумался. Петюня, видя такое безобразие, дёргал друга за рукав. Да, оба мальчика явно нервничали!

- Ну что же вы? - не выдержала Машенька и всё-таки решила подбодрить друзей. - Смелее давайте. Я не кусаюсь. Что у вас там случилось?

- Э-э-э, - смешно заэкал Ермолаев.

Петюнька махнул на него рукой, закрыл глаза и так, крепко зажмутившись, шагнул вперёд и протянул Солнечному Зайчику коробку из-под пластилина. Старую, потрёпанную, засаленную.

Маша таки удивилась. Бровки домиком выдавали её растерянность. Неужели мальчишки так нервничают из-за картонной коробки, из-за обычновенного пластилина?

- Это мне? - спросила девочка.

Ей передалось волнение друзей, и она всё время поправляла свои белокурые пышные волосы, отчего они только растрёпывались.

- Тебе, - разом кивнули Петюнька с Яшкой.

- Пластилин? - совсем растерялась Маша, которая, открыв коробку, ничего, кроме ожидаемого пластилина, в ней не обнаружила. Да и тот был использованный...

- Это не простой пластилин, - поспешил заверить её Яшка.

- Это пластилиновые буквы, - уточнил Петюня. - Волшебные!

- Да, это ключ, - вернул себе слово Ермолаев, - с помощью которого можно отворить дверь в сказку. У каждого, понимаешь, сказка своя, но ключ общий - буквы. Нужно только назвать их по именам.

- Вот это, - перебил друга Петюнька, указав пальцем на букву «А», - Абра-ар. Профессор! Буква «Б» у нас Бурундун. Он заикается, бурчит и ходит босиком. «В» - это Вьюга-вьюн. Хулиганистый, скажу я, субъект.

- Держи подальше от него свой нос, - подсказал Яшка.

Петюня хихикнул, чем вогнал в краску своего друга.

- Понимаешь, - принялся объяснять Ложкин, поймав вопросительный взгляд Солнечного Зайчика и не обращая внимания на кулак, которым грозил ему Яшка, - Вьюга-вьюн любит раздавать щелчки. Яшенька успел опробовать это на собственном носе.

- Ха-ха! – засмеялась девочка, представив себе, как пластилиновая буква щёлкает по носу Ермолаева.

- Кстати, насчёт смеха, – поднял палец Петюня. – На смехе у нас специализируется Гагатун – буква «Г».

- Да, только и делает, что хохочет, – буркнул нахмутившийся Яшка.

Маша внимательно всматривалась в лица своих друзей. Не похоже было, что мальчики врут. Уж слишком они серьёзны. Даже Яшка, тот ещё шутник и балагур, нахмурился?!

«Неужели они сошли с ума? – предположила девочка и тут же сама с собой не согласилась: – Да нет?.. Чтобы оба сразу? Здесь что-то другое».

Мальчики, тем временем, продолжали удивлять Солнечного Зайчика. Петюня бережно вынул из коробки пятую букву. Яшка ласково погладил её. Оба друга проявляли небывалую нежность к голубому кусочку пластилина, из которого была выплита буква «Д».

- Это особенная буква, – отчего-то шёпотом сказал Петя Ложкин. – Это девочка! Добрая и милая Дзинь-да-да.

- Да, – вздохнул Яшка и мечтательно повторил за Петюнькой странное, но очень красивое имя: – Дзинь-да-да!

Машенька закрыла рот рукой, чтобы не дать смешку сорваться с её губ. «Ладно бы девчонки. Они любят давать имена игрушкам. Но мальчики? – думала она. – Это, по крайней мере, странно».

Прежде чем спрятать коробку под подушку (чтобы не увидела Галина Сидоровна, а то отберёт), Маша по очереди потрогала пальцем каждую букву.

- Абра-ар, Бурундун, – начала перечислять она их имена, чтобы запомнить, – Вьюга-вьюн, Гагатун и ...

- Тише! Тише! – замахали руками, будто отгоняли мух, мальчишки.

- Дзинь-да-да, – назвала пятое имя девочка, не поняв, чего от неё хотят.

Мальчики притихли и испуганно оглянулись. Петюнька подбежал к окну. Яшка заглянул под Машину кровать.

- Вы что-то ищете? – опешила Машенька. – Да что это сегодня с вами?

Яшка поправил покрывало на кровати, вытер рукавом пижамы вспотевший лоб. К нему подошёл совсем огороженный Петюнька, который не высмотрел ничего интересного за окном.

- Фу-ух, кажется, на этот раз пронесло, – пропищал Ермолаев. – Только не пойму, почему?

- Наверное, ещё не время для сказки, – сделал вывод Петюня, задумчиво потирая подбородок. – Это Машенькина сказка. Не наша с тобой, Яша. Ей, сказке, виднее, когда начаться.

Вконец заинтригованная, Маша всплеснула руками.

- Ну вы меня доконаете сегодня, – надула губки девочка. – Хоть намекните, о какой сказке идёт речь?

- Ах, Антресолия! – закатил глаза Ермолаев. – Страна, где живут забытые желания, фантазии и мечты.

- Есть ещё Трельяжное Королевство, – добавил от себя Петюня и вдруг смутился, – то есть было... Я его нечаянно разрушил...

- А кто там жил? – искренне поинтересовалась Маша.

- Тоже забытые желания, но только злые, – охотно ответил Петя. – Да-да, и такие бывают.

- И где они теперь? – в один голос спросили Яшка с Машей.

- Не знаю, – пожал плечами Петюнька. Он действительно не знал.

- Почему вы до сих пор не в своих кроватях?! – возмутилась строгая Галина Сидоровна, которая стояла в дверях, подбоченившись. – Сами не спите и другим спать не даёте своей болтовнёй. А ну-ка, марш в кроватки! У нас тихий час!

Мальчишки, которых застали на горячем, нырнули под свои одеяла. Машенька повернулась набок, засунула под подушку ладошку, нашупала коробку, царапнула ногтем по картону. Её распирало любопытство. Уж больно необычны были рассказы друзей. Если бы только Яшка нёс всю эту нелепицу, Маша не поверила бы. Ни за что! Но Петюнька... Он другой. Он обманывать не станет.

- Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да, – шёпотом, уже засыпая, назвала малышка буквы по их волшебным именам.

- Апчхи-чхи-чхи! Аллергия! – разобрало кого-то под подушкой.

Но Машенька не услышала этот слабенький голосок, поскольку спала. Как и у папки, сон у неё был крепкий, Журавлёвский.

Глава 5. Скрип, скрип... Помоги!

Вечером родители запаздывали. Почти всех ребят разобрали. Остались только Вовка Заречный, пущающий мячом по забору, и Машенька, которая, понурив голову, сидела на краю скамейки и носком лакированной красной туфельки ковыряла песок. Рядом с ней лежала коробка с пластилиновыми буквами.

Вовка, злой, что о нём опять забыли, слишком сильно ударил ногой по мячу, перебросил его через забор, на улицу. Отбив чечётку на пыльном асфальте пешеходной дорожки, мяч выкатился на проезжую часть, где на него мчалась, не ожидая подвоха, зелёная легковушка. Вовка, повиснув на воротах, испуганно ахнул. Машенька вскочила, опрокинув коробку, подбежала к Вовке, схватила его за ногу, чтобы не упал.

- Ахуратс! – хриплым голосом крикнул кто-то с той стороны улицы.

На дорогу выскочила большая чёрная собака, уже знакомая Маше, только по кличке Черныш. Собака изловчилась, клацнула зубами, поймав мяч, и в один прыжок очутилась у шатающихся под весом Вовки ворот. Два напуганных, забытых взрослыми ребёнка встречали её изумлёнными взглядами.

- Молодец, Черныш! Молодец, девочка! – хвалил любимицу белоглазый старик, потихоньку ковыляющий вдоль детсадовского забора к воротам.

Собака выпустила мяч, завиляла хвостом, гордая, что её похвалил хозяин.

- Хы-хы, - прыснул со смеху Вовка, отошедший, наконец, от испуга, - какой же это Черныш, если это девочка?

- Да, и что такое «ахуратс»? - поинтересовалась Машенька. - На каком это языке? Это команда такая? Что-то вроде «фас»?

Старик гладил собаку, чесал её за ухом, при этом хитро щурился и улыбался.

- Дедушка? Ну так всё же? - пристала к нему Маша. - Дедушка?

- Потом узнаешь, - загадками ответил старик и, охая да кряхтя, нагнулся, поднял мяч, забросил его в детсадовский двор.

Жутковатые белые глаза упёрлись взглядом в коробку, которая лежала возле скамейки. Картонная крышка приоткрылась. Разноцветные пластилиновые буквы вывалились из коробки прямо в песок. Выгнув то место, где должна быть правая бровь, старик радостно воскликнул:

- Абра-ар, Бурундуn?!

- Вьюга-вьюн, Гагатун, - машинально продолжила Машенька и осеклась.

- Дзинь-да-да! - закончил старик и счастливо улыбнулся. - Значит, ключ уже у тебя. Сказка началась раньше, нежели я предполагал. На то воля Хранителя.

Вовка непонимающе крутил головой, поглядывая то на девочку, то на чудика белоглазого. Он забыл и о мяче, и о воротах, на которых по-прежнему висел, будто мешок с картошкой.

- Но откуда вы?.. - вырвалось у Маши.

Старик прервал её громким «тс-с-с!».

- Это тайна, - заговорческим шёпотом сказал он и кивнул в сторону Вовки, который слушал, открыв рот. - Его черёд ещё настанет. Не сейчас... Потом.

- Эй, почтеннейший, вам что-то нужно? - крикнула с крыльца Галина Сидоровна, которая таки соизволила вспомнить о двух малышах во дворе, оставленных без присмотра. - Я что-то вас не припомню?.. Эй, проходите мимо, иначе я вызову милицию!

Старик сразу сник, повернулся было, чтобы уйти, но потом передумал, прильнул сморщенным лицом к решётчатым воротам, бросил на Машеньку взгляд - как показалось девочке, умоляющий.

- Помоги, помоги мне, - вдруг попросил он, ухватившись обеими руками за кованые прутья, отчего ворота зашатались сильнее, а бедный Вовка что есть силы запищал.

- Эй! Эй-эй! Что вы делаете?! - возмутилась воспитательница и решительным шагом направилась к воротам.

Мелкий гравий, которым была усыпана дорожка, угрожающе шуршал под её новенькими туфлями на высоких каблуках. Старик щёлкнул языком. Левый каблук застрял в гравийной крошке и сломался.

- Уй-уй, - послышались жалобные всхлипы воспитательницы.

Маша с Вовкой, которому удалось отлепиться от ворот, поспешили к ней.

- Помоги! - отчаянно крикнул старик за их спиной.

Девочка остановилась. Она совсем растерялась. Чего хочет от неё этот странный человек? Почему она? Что у них общего? Как может ребёнок

помочь взрослому? Задавая себе эти сложные вопросы, Машенька обернулась. Хлипкие ворота всё ещё шатались и жалобно плакали: скрип, скрип... Старики же и след простыл. Исчезла также собака. Скрежет заржавевшего железа ранил сердце малышки. Ей почему-то подумалось, что это не ворота стонут, что это рыдает человек. Уставший, раскаявшийся, несчастный... Как тот белоглазый старик...

Глава 6. Стук в окно

Наступила суббота. Выходной! В детский садик идти не нужно. Это радость для Машеньки и настоящая катастрофа для её мамы, которая всегда ужасно занята. Ей некогда сидеть с дочкой.

- Золотце, - извиняющимся голосом, впрочем, не совсем искренне, подлизывается мама, сужа Маше шоколадку, - один часок, хорошо? Я только в парикмахерскую. Туда и обратно. А ты посмотри мультики или разукрась раскраску. Вон книжки у тебя, куклы... В общем, не скучай.

Маша насупилась. Каждые выходные одно и то же: не скучай, на один часок... Да и папка вечно пропадает на своей ВАЖНОЙ работе. Более важной, чем она - Машенька... Надоели мультики, раскраски, книжки и куклы! Надоело всё время играться одной...

Девочка скакала кулачки, взгромоздилась на кухонный подоконник - свой любимый пункт наблюдения. Квартира Журавлёвых располагалась на первом этаже. Все окна выходят во двор с детской площадкой и палисадником. Там никогда не бывает скучно.

Малышке нравилось смотреть в окно, наблюдать за людьми, птицами и животными, за тем, как бурлит за прозрачным стеклом жизнь, как играет она звуками и красками. Теми красками и звуками, которых ей так не хватает. За стеклом, как наивно полагает Машенька, мамы детей не бросают. Даже на часок...

День явно не задался. Небо, будто чувствовало плаксивое настроение девочки, нахмурилось и брызнуло дождём. Похолодало. Стекло покрылось испариной.

- Ну вот, - разрыдалась малышка, - этого ещё не хватало. Даже окно закапризничало. Не хочет показывать мне краски...

Дождик пропустил.

- Тук! Тук! Тук! Мы тут, тут, тут! - деловито сообщают упавшие с неба капельки.

Малышка вздрогнула. Уж больно громко барабанил дождь. Тук, тук, тук! Тут, тут, тут!!!

- О боже! Это же кто-то стучит в окно?! - догадалась девочка, отказываясь верить в свою догадку.

Протерев запотевшее стекло ладошкой, она прильнула к нему и сразу же отпрянула - на неё смотрели до боли знакомые глаза сумасшедшего старика.

По-птичьи округленные, белые, будто наполненные молоком, блюдца. От неожиданности Маша свалилась с подоконника, больно ушибла плечо.

Чтобы не слышать стук, который становился всё громче, она закрыла уши руками и, пятаясь, натыкаясь то на стол, то на табурет, то на шкаф, покинула кухню. Стук прекратился, чтобы через минуту продолжиться, но уже в соседней комнате – детской, куда вбежала испуганная Машенька. На бегу девочка перевернула оранжевый чемодан из-под старой швейной машинки, которую мама, не интересующаяся шитьём, отдала дочке под игрушки. Чемодан легко распахнулся, клацнув давно поломанным и, чуть тронь его, открывающимся замочком. Игрушки рассыпались. С громким «тр-р-р!» покатились по полу карандаши. Коробка с пластилином, о которой Маша забыла, с тех пор как положила её в чемодан, выпала вместе с книжками и альбомом для рисования. Не стерпев грубого обращения (в самом деле, сколько можно ронять?), коробка развалилась.

Малышка поскользнулась на карандашах, упала прямо на груду игрушек. Ей было не до испорченной коробки. Пытаясь встать, она ненарочно хлопнула по ней рукой, отчего картонная крышка совсем сплющилась.

– Ой?! – расстроилась Маша, заметив, наконец, что натворила. – Это же подарок друзей?.. Ой... Что я наделала?

Будто озадаченное поставленным вопросом, окно умолкло. Стук стих. Капли застыли на стекле. Слой испарина стал гуще. В комнате потемнело.

Машенька сидела в чемодане, стараясь не шуметь. Она ждала, что будет дальше, прислушивалась. Тишина немного успокоила её. Возможно, старик ушёл? Выждав несколько минут, долгих и тягостных, девочка решилась – почесала нос. Он давно уже чесался. С Машей часто такое случалось – в самый неподходящий момент начинало что-то чесаться.

Когда страх ослабил хватку и выпустил трепещущее детское сердечко, вернулись неприятные мысли об испорченной коробке и о том, что скажут друзья.

– Что я наделала? Что я наделала? – шёпотом повторяла Машенька, склонившись над коробкой и пальцем пытаясь поддеть то, что недавно было крышкой. – А может, пластилиновые буквы целы? Пусть будут целыми! Пусть будут целыми! Родненькие мои, миленькие... Ну прошу вас... Ну?!

Глава 7. Кто там?

Коробка была пуста. Поначалу Машенька подумала, что буквы выпали и затерялись где-то в игрушках.

– Если это так, то не беда, – успокоила себя девочка и осторожно, не спеша, чтобы не повредить пластилиновые фигурки, принялась разгребать цветную

кучу, составленную из карандашей, фломастеров, книжек-раскрасок, куколок и пластмассовых деталек от разных конструкторов.

Одну за другой она вытягивала из общего беспорядка игрушки, разглядывала их, проверяя, не налип ли пластилин, и складывала в другую кучу. На все эти «раскопки» ушло достаточно много времени, ведь «добра» у Солнечного Зайчика за шесть лет накопилось немало. К тому же Маша не могла удержаться от соблазна полистать мимоходом книжечку, расчесать волосы куколкам или из листа цветной бумаги сложить самолётчик. Малышка очень старалась не упустить из виду что-либо интересное. Она внимательно осмотрела и ощупала дно чемодана, ковёр, полезла под стол, там похлопала ладошкой, заглянула в щёлку между кроватью и полом. Буквы как будто сквозь землю провалились...

– Но этого не может быть?! – пожала плечами девочка. – Никак не может быть. Не могли же они сами выбраться из коробки и уйти? Это же пластилин? Всего-навсего пластилин?

– А-апчхи, – чихнул кто-то совсем рядом, на подоконнике.

Испарина на окне расплылась, изобразив улыбку. Капельки, словно бриллианты, блестели, играя лучиками. И это несмотря на по-прежнему хмурое небо, по которому лениво дрейфовали тёмно-фиолетовые пузатые тучи. Улыбающееся окно, казалось, хотело показать Машеньке, что не надо бояться, и девочка, нервно сглотнув, решила, что не станет трусить. Далось это решение ей нелегко. В данной ситуации и взрослый вполне мог испугаться. Что уж говорить о ребёнке, который сам дома?..

На цыпочках, боком Маша подкралась к окну. Широкий подоконник был сплошь заставлен большими и маленькими, белыми и коричневыми цветочными горшками. Цветы, эта мамина слабость, стояли также на застеленном красной скатертью столе и низком журнальном столике, на телевизоре, на шкафу, на полу, висели на стене. В этом пышном зелёном оазисе, терпко пахнущем землёй и листьями, вряд ли мог притаиться кто-то, кто мог бы чихать. Тем не менее, под большим гладко-глянцевым листом растения, похожего на лилию, безудержно чихали, а также сморкались, всхлипывали, бормотали, смеялись и поддакивали. Лист слегка вздрогивал. Под ним явно кто-то копошился. И этих кого-то, судя по разным голосам, было несколько.

– Кто там? – тихонько спросила малышка. – Кто там чихает и копошится?

– Апчхи, – опять чихнули и затем жалобно добавили: – Аллергия на пыльцу...

Девочка замерла. Ей было страшно – это правда и то, что любопытство сильнее страха, о чём знает каждый ребёнок. Поэтому Машенька, глубоко вдохнув, протянула руку к цветочному горшку.

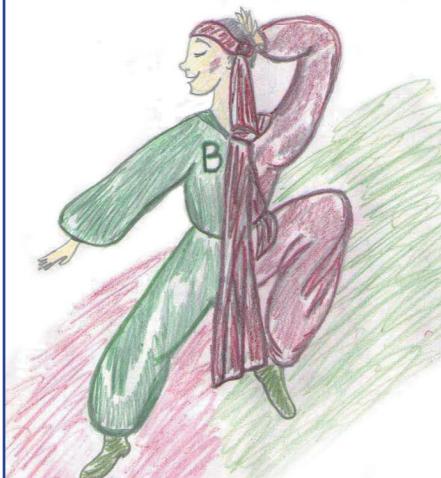
«Только одним глазком взгляну, – думала она. – Если загадочные болтуны поместились под листом, значит, они очень махонькие. Где им справиться с девочкой моего роста?»

Профессор АБРА-АР

БУРУНДУН

ВЬЮГА-ВЫОН

гриласничал, дёргался и смеялся, будто его щекотал кто-то под одеждой.

– Га-га-га! – заился смехом носатый человечек и картинно, словно актёр перед камерой, перебросил через плечо широкий шутовской плащ. – Гагатун я! Гагатун!!!

Машенька и себе засмеялась. Смех, как и зевота, заразителен. Страх окончательно отступил. Малышка приблизила лицо к подоконнику, чтобы

Резким движением, пока не передумала быть храброй, Маша раздвинула листья. На неё смотрели, кто радостно, кто вопрошающе, кто восхищённо, кто оценивающе, а кое-кто и вовсе возмущённо, пятеро миниатюрных, размером с мизинчик, человечков. Все они сидели на краю широкой расписной тарелки, в которой разместился цветочный горшок.

– Ой, – изумилась девочка, – а вы кто?

– Ах, сударыня... Апххи! Позвольте представиться! Профессор Абра-ар! – первым опомнился человечек в очках, с виду выпитый умник и чистюля: серая шляпа, элегантный плащ, белоснежная рубашка, штаны на подтяжках и галстук.

– Б-б-бурундун, – заикаясь, представился второй человечек – полная противоположность первому. Старые потёртые джинсы, засаленная клетчатая рубашка, бейсболка в пятнах и абсолютное отсутствие какой-либо обуви на грязных ногах говорили Машеньке, что перед ней неряха.

Девочка поморщилась, поскольку не любила грязнуть. Ивсё-таки кое-что из гардероба Бурундуна ей понравилось: длинный шарф и зонтик весёлой жёлто-зелёной расцветки. Они напомнили Маше весеннюю полянку, покрытую одуванчиками.

– Вьюга-вьюн, – горделиво сложив руки на груди, назвал своё имя третий гость на подоконнике.

Спортивный костюм, наполовину зелёный, наполовину бордовый, и повязка-косынка на голове наводили на мысль, что Вьюга-вьюн занимается спортом. «Наверное, бойцовским искусством? – предположила малышка, оценив его гибкую, стройную фигуру. – Как в тех кино, где дяденьки дерутся со смешным «ий-я-я!». Точно, точно!»

Четвертый гость из волшебной пятёрки с невероятно огромным носом, румянцем и улыбкой от уха до уха, в несуразном, аляповатом наряде, расшитом бубенцами, и колпаке с большущим помпоном был похож на клоуна. Он всё время

лучше рассмотреть гостей. Их забавные имена были ей уже знакомы по рассказам друзей – Петюньки с Яшкой. Так мальчишки называли пластилиновые буковки. А ещё Маша вспомнила, что пятой буквой должна быть девочка с очень красивым именем.

– Дзинь-да-да! – весело сказала малышка, указав пальцем на милую фигурку в роскошном сине-розовом наряде, достойном принцессы.

Юбка-колокольчик, балетные туфельки с лентами, кулончик на тонкой шее, диадема в кудрявых каштановых волосах, ниспадающих до колен, – бесспорно, последняя буковка была самой красивой, самой яркой, самой эффектной! Машенька поняла теперь, почему мальчишки так восторженно закатывали глаза, рассказывая о Дзинь-да-да. Сердце малышки даже кольнула ревность... Совсем чуть-чуть и ненадолго.

Дзинь-да-да легко вскочила с края тарелки, служившей скамейкой, поправила пышную колышущуюся юбку и, будто собираясь делать зарядку, расставила ножки, изобразив ножницы. Правую ножку она поставила на носок, левую слегка согнула в коленке, затем левую на носок, правую согнула. При этом улыбающаяся головка наклонялась то в одну, то в другую сторону.

– Дзи-и-инь! – нежно запела, словно колокольчиком зазвенела, девочка. – Да-да! Дон-ди-да! Да-ду-ди-да! Дзон!

«Это приветствие такое», – сделала вывод Маша и захлопала в ладоши. Ей определённо нравилась гостья. Такую милашку сложно было не полюбить.

– Так-так, – размышляла вслух девочка, любуясь своими новыми знакомыми, – значит, друзья меня не обманывали? Значит, буквы действительно волшебные?! И никуда они не пропали – просто превратились в человечков!

Вспомнив о белоглазом старике, Маша инстинктивно нагнулась, чтобы её не было видно из окна.

– Как я о нём забыла? – прошептала девочка побелевшими от страха губами. – Он, наверное, всё ещё стоит там? Сматривает сейчас на меня? Ой-ой...

Тук, тук, тук – словно в подтверждение слов Маши, постучали в окно с улицы. Буквы-человечки, все разом, подбежали к стеклу и прильнули к нему, высматривая, кто это там стучит. Запотевшее окно пустило слезу на их любопытные головы. Буквы, увлечённые чем-то, не обращали внимания на душ. Даже Бурундин не вспомнил о своём зонтике, который валялся без дела возле тарелки.

ГАГАТУН

ДЗИНЬ-ДА-ДА

Глава 8. Явление Хранителя, или Временный пропуск

– Что там? Кто там? Это он? Это он там? Да? Он? – спрашивала Машенька, обводя встревоженным взглядом волшебных человечков.

Буквы молчали. Но по их взволнованному виду девочка поняла, что они напуганы и удивлены не меньше, чем она. Абра-ар всё время качал головой и пожимал плечами. Бурундун тёр кулаком глаза, не веря в то, что видит. Вьюгавьюн задумчиво чесал затылок. Гагатун засунул в рот свой колпак, как раз пышным помпоном, и жевал его. Дзинь-да-да, по-девчачьему ойкнув, закрыла лицо обеими ладошками.

С той стороны в окно заглядывал старик. На стекле проявилось его сплющенное, умоляющее лицо. Маше даже стало жаль безумца, который явно просил её о помощи. Уже не в первый раз просил. Старик что-то говорил, но его не было слышно. Сердитый ветер, будто нарочно, уносил слова прочь. Отчаявшись, незнакомец хлопнул ладонью по стеклу. Испарина сразу же облепила её, осев на запястье старческой руки в виде серебристого наручника. Как ни старался, старик не мог отлепить от стекла руку, которой он так неосторожно размахивал. Испарина тем временем сгустилась в волчью морду, разинула пасть, готовясь проглотить голову несчастного, которая тоже приклеилась к окну.

– Ну нет! – крикнула Машенька. – Я не позволю здесь глотать!

Волк, буквы и старик недоумённо посмотрели на девочку. Маша и сама не могла поверить в то, что осмелилась так кричать. В самом деле, какое ей дело до старика, который только и делал, что пугал её в последнее время? С другой стороны, если хорошо подумать, этот странный человек с белыми глазами и чёрной собакой, его неизменной спутницей, не сделал ничего плохого Машеньке. Наоборот, он спас Вовкин мячик.

– Человеческий детёныш заступается за падшего колдуна, изгнанного из сказок? – строго спросил волк. – Каковы аргументы?

– Я... Я не знаю... – пробормотала Маша. – Но мне кажется... Я чувствую, что человек, голову которого вы так хотите проглотить, хороший!..

– Ну почему? – хором спросили волк и буквы.

Машенька рассердилась.

– Разве того, что подсказывает мне сердце, недостаточно? – она насупила брови.

– Разве всё объяснишь? Он хороший! Я это точно знаю. Он искренне привязан к своей собаке. Это раз! Дурной человек не способен жалеть и любить животных. Он не позволил машине переехать мяч. Это два! Это хороший поступок. Ведь так? Ведь так?

Волк моргал звёздчатыми глазами и выдувал из ноздрей клубы серебристого пара, который, оседая на стекле, расплывался в улыбке. Множество весёлых

рожиц, таких же, как в зеркале в ванной, смеялись, поддерживая девочку. Волк смягчился и тоже улыбнулся, не в силах противиться общему улыбчивому настроению.

- Ты хоть знаешь, с кем разговариваешь, девочка? - уже миролюбиво спросила голова, слепленная из пара.

Машенька отрицательно покачала головой. Откуда ей знать?

- Я, - гордо вскинул голову волк, вернее, голова сама вскинулась, поскольку тулowiща в окне не было видно. - Я - Хранитель утраченной веры в чудо. Я - Ключник, отворяющий двери в сказку перед теми, кто достоин этого, кто чист душой, и затворяющий перед недостойными. Колдун Сморчок, за которого заступилась земная девочка, в своё время натворил много зла. Он чуть было не стёр Границу Междумирья, чуть было не нарушил Всесказочный баланс... Сама Антресолия, розовая страна забытых желаний, едва не погибла тогда. Сморчку веры нет. Он изгнан из сказок. На сердце его клеймо предателя.

На этом месте волк вынужден был прерваться, поскольку буквы захали и заахали, вспоминая события прошедших дней. Видно, не совсем приятные. Выждав, пока человечки успокоятся, Хранитель продолжил:

- Колдун Сморчок заслужил кару. Он недостоин жалости. Как недостойна её и собака, которую якобы зовут Черныш. Довожу до сведения человеческого детёныша, что под личиной животного спряталась Тень по имени Ахуратс. Тень погибшей Старухи - злейшей и коварнейшей колдуньи, которую когда-либо знали сказки. Это само зло! Надеюсь, после сказанного мной девочка всё обдумает и изменит своё решение?

Все взгляды устремились на малышку, которая чувствовала себя уже не так уверенно. Причин не верить Ключнику, которого к тому же поддерживали буквы, у Маши не было. И всё же... И всё же чистое сердце ребёнка вопреки доводам разума подсказывало ей, что безумный старик нуждается в её помощи, что он достоин, что он хороший.

Машенька улыбнулась, чем очень удивила волка. Эта её улыбка, нежная и тёплая, была адресована старику, который не сводил с неё глаз, грустных и измученных.

- Я заступаюсь за человека, которого вы называете колдуном Сморчком, - медленно, делая паузы между словами, сказала девочка. - Я уверена, что он хороший. И собака его, как бы её ни звали, хорошая.

Где-то за окном радостно залаяла Ахуратс-Черныш. Буквы тяжело вздыхали. Им сложно было смириться с решением человеческого детёныша.

- Ну что же, - сощурил глаза Ключник, - мы учли мнение человека. Маленькая девочка доказала нам, что сердце у неё действительно ЧИСТОЕ. Но заступничества ребёнка мало, чтобы колдун получил амнистию. Прощение Сморчок заслужит лишь тогда, когда за него заступятся буквы. Все тридцать три буквы волшебного алфавита.

Человечки на подоконнике вдруг с завидным энтузиазмом принялись изучать свою обувь, у кого какая она была. Разве что, Бурундин, с роду не

обувавшийся, увлёчённо рассматривал потолок. Буквы усиленно делали вид, что не понимают, чего хочет от них Хранитель.

Волчья голова опустилась вниз, к самому подоконнику, дыхнула на человечков паром.

- Начнём с вас? - не столько спросил, сколько приказал Ключник.

Первым, как и положено букве «А», с которой начинается алфавит, подал голос Абра-ар:

- А-а-а... Ах... Надо доверять Чистому Сердцу. Я согласен с девочкой. Надо дать шанс Сморчку.

- Да-да-да! - горячо выкрикнула буковка «Д». - Мы обязаны поддержать девочку! Мы должны поверить Сморчку. Где-то в глубине его души, хоть и трудно это представить, живёт лучик добра. Да-да-да!

- Вай, неверю, - скептически заявил Вьюга-вьюн и демонстративно отвернулся, сложив руки на груди.

Больше он ничего не сказал, зато начал бубнить, ужасно заикаясь, Бурундин:

- Б-б-бардак! Б-б-беспредел! Он же б-б-бандит?! Разве можно верить б-б-бандитам? Кто предал раз, предаст и дважды... Я против! Категорически против! Б-б-беспорядок...

- Хватит! Мы поняли уже! - рыкнул на него волк и переключил внимание на букву «Г», которая отмалчивалась. - Господин Гагатун? Просим вас!

Гагатунчик неуверенно переминался с ноги на ногу. Во рту он по-прежнему, словно соску, держал свой цветастый колпак. Заметив, что на него все смотрят, ожидая ответа, Гагатун выплюнул помпон и соизволил, наконец, что-то сказать. Правда, весьма невразумительное.

- Г-г-га... - то ли хототнул, то ли слготнул Гагатун.

- Что-о-о? - нахмурился Ключник.

Буквы «Б» и «В» подавали знаки другу, пытаясь его таким образом переманить на свою сторону: подмигивали и махали Гагатуну, строили рожицы и даже зачем-то чесали верхнюю губу. Абра-ар нервно протирал очки. Дзинь-да-да подалась корпусом вперёд и сложила ладошки лодочкой, умоляя Гагатунчика быть милосердным. Чары красавицы подействовали на букву «Г» эффективнее, нежели кривляния Вьюна с Бурундином, поэтому решение Гагатунчика было следующим:

- Га-га-га! Надо простить старику. С кем не бывает? Каждый из нас может оступиться. Га!..

Вьюга-вьюн разочарованно показал другу кулак. Бурундин раскрыл зонтик и спрятался под ним, не желая больше кого-либо видеть. Из-под зонта доносился монотонный бубнёж:

- Б-б-бардак... Б-б-беспредел... Б-б-беспорядок...

Волк широко открыл пасть, зевнул, громко клацнув зубами. Ему надоели эти споры.

- Значит, так, - сделал вывод Ключник. - Три голоса «за» и два «против». Плюс человеческий детёныш ручается за падшего. Решением большинства Сморчок получает временный пропуск в сказки. Временный! Пока не заручится

поддержкой всего алфавита. В противном случае колдун Сморчок лишится своей головы, а Тень по имени Ахуратс будет сослана на Солнце. Девочка же как официальный поручитель отправится вместе с колдуном в путешествие по сказкам. Всё! Я всё сказал. Точка.

Глава 9. Окно размякло

Не успела Машенька опомниться, как окно вдруг размякло, будто стекло не стеклом было, а сметаной. Густые комки странного на вид вещества начали медленно оплывать, оставляя на белом подоконнике, куда с хлюпаньем падали они, жирные следы.

«Что скажет мама, когда увидит это? – подумала девочка. – Ох, и ругаться же будет она!..»

Жирная сметана, которая недавно была оконным стеклом, пошла кругами, будто кто-то бросил в неё тяжёлый камень. Посередине образовался проём. Сначала маленький, но с каждым новым кругом он увеличивался в объёме. Потянуло сквозняком. Там, в глубине оконной дырки, заработал насос, перекачивающий воздух из комнаты в неведомое сказочное пространство. Предметы, которые были полегче (альбом, бумажный самолётик, тряпичная кукла Глаша), взмыли над головой девочки. Очень скоро их участь постигла все Машины игрушки, разбросанные по полу вокруг чемодана, да и сам чемодан. За ними взлетели подушки и покрывала, табурет, цветочные горшки. Машенька особенно тревожилась из-за маминых цветов, пыталась вернуть их на место, но горшки упрямо вырывались из её рук.

Подхваченные вихрем вещи, будто они сошли с ума, пустились в пляс. В этом безумном «вещепотоке» кружились, дико визжа, крича, хохоча, человечки-буквы. Чтобы не потерять друг друга, они держались за руки. Машенька прищелилась и ухватила за ногу Абра-ара, но чуть было не упустила его, поскольку сама поплыла вверх, под потолок. В попыхах девочка засунула буквы, которые изо всех сил цеплялись друг за дружку, в карман своего домашнего, оранжевого в синий горошек, платьица.

Насос с капризным урчанием заработал сильнее. Малышку потянуло к окну. Как могла, она уворачивалась, стараясь избежать столкновения с табуретом, горшками и прочими предметами, которые грозили набить ей шишку. На лету, уже будучи почти засосанной в проём, Маша схватилась за карниз, сорвала штору, но рук не отцепила. Вися так, она случайно бросила взгляд на улицу, которая всё ещё просматривалась сквозь липко-жирную оконную сметану. Там хаотично размахивал руками Сморчок. У его ног с громким лаем вертелась собака. Старик подпрыгнул, слишком ловко, учитывая его возраст, прошёл сквозь стекло, обхватил руками Машеньку. Собака, приняв свой истинный облик бесформенной Тени, просочилась вместе с хозяином.

Девочку, старику и Тень затянуло в дырку, которая, насытившись, довольно почмокала и срослась. Оконное стекло приобрело прежний вид – твёрдый, прозрачный, обычный.

Испарина исчезла. Осеннее солнышко, устав отдохать, разбросало облачные подушки, зевнуло, томно потянулось лучиками и, поддавшись вдруг игривому настроению, принялось щекотать землю. Та ответила ему смехом – птичьими трелями и шорохом листвы.

Любопытным лучикам, которые вошли во вкус, мало было дразнить деревья и цветы. Ища, где бы ещё пошалить, лучи хлынули в комнату. Смакуя, они прощупывали каждую щель, каждый уголок. Их удивлению не было конца. В комнате, которая, судя по большому количеству игрушек, была детской, всё перевёрнуто вверх дном?!

– Что здесь было? Что произошло? – удивлённо перешёптывались солнечные зайчики, перепрыгивая с грязного подоконника на сорванную штору, которая обиженно растянулась на полу, со шторы на перевёрнутый табурет, с табурета на разбитый горшок и помятый цветок, похожий на лилию.

Далее допросу подверглись истерзанная книжка, рассыпанные скрепки, карандаши, плюшевый мишка, затерявшийся на антресолях... Бедолага, как его туда занесло? В комнате что-то произошло. Что-то явно необычное!

– Что? Что? Что? – спрашивали лучики у игрушек, кроватки и карандашей, но все молчали, поскольку, поражённые, они и сами не знали, что произошло. Вот недавно? Вот только что? И куда делась девочка? Как могла исчезнуть малышка среди бела дня, не выходя из комнаты?

Глава 10. Парная за стеклом

Первое, что увидела Машенька, очутившись по ту сторону размякшего стекла, – это её собственный чемодан, в котором она хранила игрушки. Оказывается, его тоже засосало в дырку. Под воздействием волшебства чемодан значительно увеличился в размерах. И раньше Машенька, когда раскладывала его на полу, без труда помещалась в нём. Теперь же раздувшийся чемодан напоминал кораблик, на борту которого могут уместиться сразу несколько таких, как она, девочек.

Мимо проплыли буквы-человечки, чьему малышка очень удивилась, так как помнила, что спрятала их в карман. Ощупав платьице, Маша удивилась ещё больше, поскольку кармана не было. Он оторвался! Буквы на глазах росли. А может, это девочка вместе со стариком Сморчком, который всё ещё цеплялся за неё, начали уменьшаться? Машенька не могла точно определить, что происходит. Но наблюдать за всеми этими превращениями ей было жутко интересно.

– Б-б-братцы, спасите! – истерично закричал Бурундун.

Смешно гребя руками, он улепётывал от своего полосатого зонтика, который преследовал его. Хлоп, хлоп! – закрывался и раскрывался зонт, норовя прищемить ногу хозяина. Наверное, мстил ему за небрежное обращение. Зонтик тоже вырос, достигнув размеров пляжного грибка. Бурунунчик изо всех сил дрыгал ногами, чтобы избежать укуса. Пока у него это получалось, однако силы у буквы «Б» были уже на исходе, движения становились вялыми. Ещё чуть-чуть, и рассерженный зонтик настигнет Бурундуна.

– Ой, что будет? Что будет? – воскликнула Маша.

Нет, ей не было страшно. Было скорее весело. Ведь такие чудеса расчудесные с ней ещё не случались.

Девочка осмотрелась по сторонам. Она хотела понять, куда попала и чем это ей грозит. Однако толком разглядеть что-либо было крайне сложно, потому что всюду, куда бы ни бросила свой пытливый взгляд малышка, волновалось, встречая гостей, море серебристого тёплого пара. Он щекотал ноздри сладким ароматом, оседал на волосах. Машенька часто моргала, чувствуя, как слиплись реснички. Её щёчки покрылись блестящими капельками, которые, хохоча, стекались к подбородку, там задерживались ненадолго, чтобы потолкаться, то есть поплескаться, а затем, распустив парашютики, плюхались на детскую грудь. Платынице, вдруг намокшее, прилипло к телу.

– Ах, жарко... Жарко-то как? – пожаловался профессор Абра-ар.

Он снял шляпу и вытер вспотевший лоб белоснежным платком.

– Где это мы? – спросил Гагатун, который висел на пару, распластав руки и ноги, словно парашютист.

– Вай, мы летим?! – взволнованно крутил головой Вьюга-вьюн.

Ему всё не удавалось понять, как они держатся на пару и не падают.

– Б-б-будто паром нас выталкивает вверх? – предположил Бурунунчик.

У буквы «Б» таки получилось оторваться от зонта. Разгневанное хлопанье раздавалось где-то там, за клубами сгустившегося пара.

Дзинь-да-да с трудом, поскольку ей мешала намокшая юбка, забралась в чемоданистый кораблик, устроилась удобнее, облегчённо вздохнула.

– Думаю, – сказала буковка «Д» после того, как хорошенько отышалась, – что мы не в Междумирье. Думаю, что, как-то миновав космический коридор, мы сразу попали в какой-то мир. Только в какой именно, я не знаю. Здесь я раньше не бывала. Настоящая парная! Действительно парная...

– Вы правы, мадмуазель, – согласился с Дзинь-да-да колдун Сморчок, примостиившийся рядом с ней в чемодане, – это парной мир, более известный как Надмир.

– Ах, как вы сказали? Надмир? – изумился профессор, успевший присоединиться к буковке «Д» и старику.

Его примеру последовали остальные буквы, в том числе и Маша. Путешествовать в кораблике, пусть он недавно был старым чемоданом, гораздо приятнее, нежели бессмысленно болтаться посреди пары.

– Вай, не может быть? – не верил Вьюн. – Надмир на самом деле существует?

– Конечно, существует, – ухмыльнулся колдун. – В сказках всё возможно. Вам ли этого не знать?

Мех на его шапке ожил, вытянул мордочку, которая тут же приняла озабоченное выражение, и замахал хвостом, отгоняя от лица хозяина надоедливый пар.

– Простите, а что такое Надмир? – поинтересовалась Машенька. По природе своей она была общительной девочкой, и ей трудно было так долго отмалчиваться.

– Ах, Надмир, – поспешил первым взять слово Абра-ар, заметив, как Сморчок открыл рот, чтобы что-то сказать, – это мир, существующий над Антресолией. Поэтому и НАДмир. Мир над миром, понимаете? В нём живут души умерших фантазий.

– Не совсем так, – перебил букву «А» Сморчок. – Я лучше поясню. Понимаешь, девочка, Антресолию называют верхним миром. В нём находят пристанище забытые людьми фантазии. Но и они, как люди, не живут вечно. Они тоже умирают. Это происходит тогда, когда человек окончательно утрачивает веру в чудо. И всё же мечты не исчезают бесследно. Волшебным паром они просачиваются в Надмир, где продолжают жить как память о тех великих и прекрасных фантазиях, которыми когда-то болело человечество.

– Значит, – подытожила малышка, – весь этот пар раньше был мечтами, сказками, фантазиями. А теперь просто пар? Печально. Я не хочу, чтобы мои мечты когда-нибудь испарились вот так... Не хочу!

– Вай, а ещё говорят, – вмешался в разговор Вьюга-вьюн, – что серебристый пар обитаем, что в нём кто-то живёт.

Вьюнчик выпучил глаза и начал вращать зрачками, желая таким образом произвести впечатление на девочку. Маша усмехнулась, вспомнив, что обычно так дурачатся мальчишки, когда пугают девчонок страшниками.

– Б-б-боюсь... Б-б-беспорядок... – забурчал в своём углу Бурунунчик.

– Да нечего бояться, – успокоила букву «Б» Дзинь-да-да.

– Ах, бояться в самом деле нечего, – согласился с ней профессор, но объяснить, почему, не успел, так как ему помешал Сморчок.

Поглаживая и почёсывая шапку-зверька, отчего та благодарно урчала, колдун рассказывал дальше:

– Фиолетовые ангелы здесь живут. Самые загадочные существа в сказках. Без имени и без пола. О них мало что знают. Известно лишь, что они очень сильны. В смысле магии. Это я вам как колдун говорю. С большим, между прочим, стажем колдун!

– Га-га, знаем мы, какой ты колдун, – хохотнул было Гагатун, но, напоровшись на «ласковый» взгляд старика, предпочёл умолкнуть.

Действительно, с колдунами, да ещё со стажем, шутки плохи!

Сморчок, разозлившись, хлопнул по спине рыжего зверька, который сразу же, в один прыжок, вернулся на шапку, где притворился мехом. Колдун встал, осмотрелся, перегнулся через борт корабля. Маша догадалась,

что старик кого-то высматривает, но, судя по тому, как он нахмурился и засопел, безрезультатно.

— Ахуратс! — позвал Сморчок, приложив ладони ко рту. — Ахуратс! Девочка моя! Ко мне! Ко мне!

Тень, которую с такой нежностью звали, не заставила себя долго ждать. Тени, знаете ли, не избалованы нежностью и любовью...

Легко просачиваясь сквозь пелену мерцающего пара, Ахуратс мчалась навстречу кораблику. За ней нёсся раскрытый зонтик. Он больше не хлопал и не кусался. Поравнявшись с корабликом, Тень вытянулась верёвочкой, окрутила ручку зонтика, вставила его в чемодан, зафиксировала, щедро спрыснув чёрным липким веществом. Теперь корабль приобрёл паруса. Весёлые такие паруса. В жёлтую и зелёную полосочку!

Глава 11. Зонтичный город

Тень сидела на корме, перекинув ногу на ногу, и со свистом дула на зонтичные паруса. Чемоданистый кораблик летел вперёд, весело бороздя волны серебристого пара.

— Дон-ди-да! Дзинь-дзинь! Дон-да! — пела буковка «Д», развлекая друзей.

Машенька сидела напротив неё, обхватив коленки руками. Высовываться из чемодана у неё не было желания, поскольку там, снаружи, караулил вездесущий пар. Впрочем, и в трюме, то есть на чемоданистом дне, укрыться от него не удавалось. Пар проникал в щели, принося с собой влагу и тепло, а ещё приятный аромат.

— Ах, интересно, куда мы летим? — поинтересовался Абра-ар и тут же чихнул: — Апчхи! Апчхи! Аллергия...

Он всё время размахивал шляпой, отгоняя пар, который дразнился, так и норовя ущипнуть профессора за нос.

— Ясное дело, куда, — сказал Сморчок, которому, в отличие от буквы «А», не нужно было отмахиваться от пара шапкой — она сама отмахивалась. — Туда, куда пар нас приведёт.

— Га! Га-га! Пар приведёт? Га-га! — рассмеялся Гагатунчик.

— В том, что я сказал, нет ничего смешного, — вспылил старик. — Пар живой! Он всё видит и слышит. На вашем месте я бы меньше клевал носом и хохотал. Ведите себя приличнее. Мы в гостях, в конце концов.

Гагатун поперхнулся смехом, раскраснелся.

— Вай, — толкнул его локтем Вьюн, — ты колдуна поддерживал, доверие ему своё выявил, а он вон как — читать нотации тебе вздумал?! Вай! Впредь будешь слушать своих друзей. Колдуны — они и в чемодане колдуны. Подлая у них натура.

Шапка на голове Сморчка зарычала, показав маленькие острые зубы. Она готова была, защищая хозяина, броситься на любого.

— Вай, вы шапку свою попридержите! Вон как рычит! Вай-вай! — возмутился, с опаской поглядывая на рыжего зверька, Вьюн.

— А то что будет? — выпятил тощую грудь Сморчок, даже не думая шапку урезонивать.

Колдуну нравилось демонстрировать силу, пусть и не свою, а шапкину.

— Га-га-га! — заливался хохотом Гагатун, тыча пальцем то в одного, то в другого спорщика.

Он вёл себя так, будто был ни при чём, будто не из-за его глупого смеха разгорелся сейчас не менее глупый спор.

— Б-б-бардак! Б-б-беспорядок! — бубнил Бурундуна, чем только подливал масла в огонь.

— Да что вы, друзья?! Не ссорьтесь! — пыталась примирить всех Дзинь-да-да.

— Ах, апчхи! Ах-ах! Апчхи-чхи-чхи! — расчихался профессор Абра-ар, но по интонации его чиха было ясно, что он тоже, как и буковка «Д», хочет положить конец бессмысленному спору.

Машенька слушала и молчала. Она решила не вмешиваться. До тех пор, пока не пойдут в ход кулаки. К счастью, до драки дело не дошло, поскольку сверху Ахуратс крикнула:

— Зо-о-онты-ы-ы!!! На горизонте вижу зонты! Целый зонтичный город!

— Б-б-безусловно, зонт зонтики вынюхает издалека! — задрал нос Бурундуна, который явно гордился своим зонтом.

Услышав такую новость, все повскакивали со своих мест. Семь любопытных голов выглянули из чемодана и уставились в ту сторону, куда указывала Тень. Она не обманула. Впереди действительно показался город. Посреди безграничного пара, сверкающего миллиардами звёзд, дрейфовали гигантские зонты, перевёрнутые «шапками» вниз. Неисчислимое множество разноцветных зонтов, сгруппировавшихся в МЕГАколонию! От зонтичных ручек, протаранивших парное небо на тысячи и тысячи километров, исходили снопы радужных прожекторов. Они освещали растущие прямо из зонтов причудливые многоэтажные постройки — пароскрёбы, как мысленно окрестила их Машенька. Каждый пароскрёб был слеплен из ромбовидных ячеек и напоминал пчелиные соты.

Девочка во все глаза рассматривала необычный зонтичный город с его уледобными высотками. Такого чуда ей ещё не приходилось видеть. Машенька восхищённо хлопала ресницами. Она бы с удовольствием захлопала в ладони, если бы так судорожно не цеплялась за борт корабля, опасаясь вылететь в парной космос.

«Наверное, так должен выглядеть рай?» — подумала малышка, вспомнив бабушкины рассказы о небесном царстве, в котором живут ангелы.

Кораблик приближался к городу. Пароскрёбы возвышались над путешественниками ячеистыми громадинами. Теперь видно было, что они обитаемы. За каждым оконцем, в которое, не стесняясь, заглядывала Маша,

корошились фиолетовые человечки. Горбатые, как сразу показалось девочке. Но, приглядевшись, она убедилась, что за спинами загадочных обитателей города, там, где лопатки, спрятался вовсе не горб. Это были крылья! Большеющие крылья, как у лебедей.

Завидев гостей, фиолетовые существа побросали свои дела и слетелись к кораблику. Они громко хлопали крыльями и ужасно сыпали перьями, которые разлетались во все стороны, со свистом рассекая воздух.

«Человекоптицы? Птицеловеки? Или птицелюды? Фиолетум перьякум?» – малышка перебирала в уме слова, уместные по отношению к чудикам с крыльями, которые в упор рассматривали её. С таким же любопытством, между прочим, как и она их.

– Ах, прячьтесь! – крикнул Абра-ар и навалился на Машеньку, вынуждая её пригнуться.

Уф-фу-уф! – пролетело что-то над самой головой девочки, чиркнуло по волосам. Отрезанная прядка вспорхнула золотистой бабочкой, но далеко улететь не успела. Локон подхватило одно из птицесуществ и, недолго думая, обвязало им своё тонкое запястье.

– Гур-р-р, гур-р-р, – послышалось гортанное урчание. По всему видно было, что птицеловек очень доволен.

– Ах, перья ангела очень острые. Надо быть осторожнее. Могут серьёзно поранить. Ах-х-х... – объяснял профессор.

От испуга он нервничал, держался за сердце и тяжело, переходя на хрип, дышал.

– Ангела?! – опешила Маша и тут же поперхнулась серебристым паром, которого вдохнула с избытком, от удивления забыв закрыть рот. – Мы что? Действительно в раю?

– Ах, не знаю, – отмахнулся профессор Абра-ар.

– Никто не знает, – вместо него ответил Сморчок, – какова природа фиолетовых обитателей парного мира. Ясно лишь то, что они – высшие существа, гораздо могущественнее любого мага или волшебницы Антресолии. Сам Хранитель относится к ангелам с уважением! Да, даже сам Хранитель...

Ангелоптицеловек с Машиной прядкой на запястье, которая в свете волшебных прожекторов сверкала ярче золотого браслета, приветствовал прибывших в чемодане. Судя по всему, это был главный среди жителей города. Следуя его примеру, прочие птицеангелы дружественно закивали, гортанно закурлыкали и мягко стукнули себя кулаком правой руки в грудь, в область сердца. Однако, когда из чемодана показалась раздутая голова колдуна Сморчка, а Тень выглянула из-под парусного зонта, где она укрывалась от мощных прожекторов, отношение ангелов к пришельцам резко изменилось. Они грозно зашипели и распустили перья, направив их острыми, как наконечники копий, концами на гостей.

– Прочь, нечистая! Прочь! Прочь! – прошипел главный и в сердцах сорвал с запястья золотистый локон.

Брошенная прядка неприкаянно, долго порхала, ловя на себе сочувствующие взгляды прожекторов, пока не исчезла где-то в глубинах парного космоса.

– Зря вы так! – гневно выкрикнула Машенька, несмотря на то, что профессор Абра-ар, приложив палец к губам, подавал знак молчать.

Девочка всегда заступалась за тех, кого обижают. К тому же ей стало жалко свою прядку, которая совсем недавно была частью её, Машиной, прически.

– Да! – поддержала малышку Дзинь-да-да. – Земная девочка не побоялась заступиться за колдуна Сморчка перед Хранителем. Её Чистое Сердце почувствовало то, что не смогли почувствовать мы. И Хранитель уступил. Так уступите же и вы. Дайте падшему шанс подняться. Доверьтесь человеческому детёнышу. Чистое Сердце никогда не ошибается!

– Гур-р-р, гур-р-р, – снова закурлыкали ангелоптицы, которые не смогли остаться равнодушными к пламенной речи буквок «Д».

Их главный примостился на краю чемоданистого кораблика, потоптался немного и, наконец, миролюбиво сказал:

– Решение Чистого Сердца для нас закон. И хотя мы остаёмся при своём мнении, мы дадим шанс колдуну Сморчку и...

На этом месте ангел запнулся, пристально посмотрел на Ахуратс, которая, игнорируя жгуче-яркие прожекторы, стелилась по краю чемодана, намереваясь приблизиться к хозяину, чтобы, в случае чего, защитить его. Машенька заметила, как сузились в две вертикальные щёлки фиолетовые зрачки птицы.

– И Тени, – продолжил ангелочеловек, чеканя каждое слово. – Коль даже в таком огрызке Тьмы, который мы видим перед собой, смогло зародиться светлое чувство верности своему хозяину, значит, шанс действительно есть. Посмотрим, что будет дальше. Поглядим...

Глава 12. Номер на 548 этаже, или Трень, трень, трень!

Земной девочке и её спутникам, прибывшим в зонтичный город в старом чемодане из-под швейной машинки, ангелы предоставили приют. До тех пор, пока гости не определятся с дальнейшими планами. А чтобы комфортнее было определяться, их расквартировали по пароскрёбам. Машеньке достался двухместный номер на 548 этаже, куда она заселилась вдвоём с Дзинь-да-да.

Внутри ячеистого номера было тепло, а не жарко, как снаружи, и главное – сухо. Волшебный пар, казалось, побаивался переступить порог ромбовидной двери, которая одновременно служила оконцем. Каких-либо иных дверных проёмов в крохотной комнатке с перекошенными стенами и кривым потолком Маша не обнаружила. Впрочем, как и мебели. В том смысле, который девочка привыкла вкладывать в слово «мебель». Ни кроватки, ни кресла, ни стульчика, ни даже

примитивного табурета... Только два настеста, похожих на те, которые Машенька видела в деревне, в бабушкином курятнике, а под ними, на полу, разместились два на вид достаточно уютных гнезда, свитых из сухих веточек какого-то пахучего растения.

– Мы по-куриному спать будем? Вот смеху-то будет, когда расскажу кому-нибудь!
– не сдержалась малышка, позволила себе немножко покапризничать.

Она чувствовала себя уставшей. Вроде бы ничего особенного не делала? Ну, покувыркалась чуть-чуть в пару, а потом посидела на дне чемодана? И так устала, что глазки сами закрываются, а ладошки так и просятся под щёчку, чтобы подпереть её, когда девочка, приняв любимую позу – калачиком на боку, ляжет спать.

– Да, по-птичьему, – послышался сонный голосок Дзинь-да-да из второго гнезда, где она уже умостилась, чтобы провести «тихий» час. – Ты сейчас убедишься, как сладко спится в ароматных гнёздах.

– Надеюсь, – прошептала Маша, уткнувшись лицом в сухие стебельки, покрытые мелкими голубыми цветочками.

Веточки щекотали её нос и подбородок и нежным шелестом желали приятных снов. И дивные, яркие сны не заставили себя долго ждать. Машенькины реснички благодарно трепыхали, встречая сказочные видения, в которых она бегала по полянке, покрытой голубыми цветами, и хлопала ладошками по колокольчатым бутончикам. Трень, трень, трень! – задорно звенели колокольчики и осыпали девочку волшебной пыльцой. Трень, трень, трень!!!

– Да что же это такое? – проворчала буковка «Д». – Поспать недают. Растренякались тут...

Трень, трень, трень! – настойчиво доносилось с улицы.

Малышка повернулась на спину, потянулась, зевнула и нехотя распахнула реснички, выпуская на волю сны.

– Шор-шор, сож-ж-жалеем! Шур-шур, ж-жаль! Шар-шар!.. – шуршали девочке на ушко, как бы извиняясь, сухие травинки.

– Ничего не поделаешь... В другой раз... – успокоила их Машенька и ласково провела ладошкой по шуршащим стебелькам.

Засушенные веточки так приятно пахли, что малышка не удержалась от соблазна и отломила парочку себе на память.

Дзинь-да-да уже стояла возле оконца. Машенька, выбравшись из гнезда, поспешила к ней. Надо было выяснить, что послужило причиной переполоха. Улицы зонтичного города, едва различимые сквозь клубы душистого пара, были переполнены ангелоптицами. Они обеспокоенно сновали туда-сюда, стреляя перьями, которые, покружив немного, вонзились в стены пароскрёбов.

А волшебная сигнализация всё надрывалась, ожидая, когда её выключат: трень, трень, трень!

– Что случилось? – спросила буковка «Д» человекоптицу, в попыхах наткнувшуюся на их окно.

Да не совсем удачно. Перья застряли в стене, и, как ни тужился ангел, он не мог от неё оторваться. Острые перья вонзились слишком глубоко. Машенька и Дзинь-да-да сочувственно наблюдали за птичьими попытками освободиться.

– Давай, миленький, давай! У тебя всё получится! – весело убеждала уставшего ангела Дзинь-да-да, решившая, что, если не может помочь ему делом, то обязана хотя бы подбодрить бедолагу добрым словом. – Ещё разочек! Ну же?!

Доброе слово действительно помогло. Птицеангел затих, глубоко вдохнул, набираясь сил, и мощным рывком вытащил из стены перья-ножи левого крыла. Теперь ему стало легче. Держась на пару при помощи одного крыла, он уверенно, одно за другим, выдёргивал оставшиеся в стене перья. Скоро и правое крыло распрямилось, готовясь к полёту.

– Подождите, не улетайте! – окликнула фиолетовую птицу Машенька, высунувшись из окна.

Дзинь-да-да поддерживала малышку, чтобы она не упала. 548-й этаж всё-таки! Ангел завис над окном.

– Прошу прощения, барышни, – подчёркнуто вежливо обратился он к девочкам, – я очень спешу. У нас ЧС!

Маша зарделась и инстинктивно поправила волосы. В самом деле, часто ли её называют барышней?

Дзинь-да-да, привыкшая к комплиментам, продолжила расспрашивать вежливого птицечеловека:

– Скажите, пожалуйста, что такое ЧС?

– Червяки Сомнения, – коротко ответил ангели, посчитав, что с него достаточно пояснений, отвернулся.

– Постойте! – снова крикнула Машенька. – Возьмите нас с собой?!

Ангелоптица скептически качала головой, но при этом не улетала, а всё кружила над окном, из которого выглядывали две любопытные головки. Девочки не сводили с ангела глаз.

– Да, да, да! – поддержала малышку Дзинь-да-да. – Не стоит недооценивать силу Чистого Сердца и магию букв. Мы поможем. Только возьмите нас!

Как ни странно, птицеангел согласился.

– Пожалуйте, барышни, на борт, – услужливо подставил он спину.

Машенька попятилась, опасаясь острых ангельских перьев. Буковка «Д» обняла её и прошептала на ушко:

– Ты не бойся, малышка. На спине у ангелов перьев нет. Только крыльев старайся не касаться.

Девчонки смело перепрыгнули с окна на спину птицечеловека и, словно лихие наездницы, оседлав его, отправились в полёт. Там, за пеленой серебристого пара, по привычке влажно обнявшего путешественниц, их ждало новое приключение.

Глава 13. Червяки Сомнения

Оранжевый чемодан с брыкающимся зонтиком Бурундуна, который норовил выбраться и улепетнуть куда-то по своим, зонтичным, делам, летел по следу

встревоженных тренъкающей сигнализацией ангелов – клубящимся дорожкам на безграничном парном небе. Чемодан чудовищно тряслось, то и дело бросало из стороны в сторону. В любой момент он мог перевернуться вверх тормашками и выплюнуть пассажиров в космос.

Машенька заприметила своих друзей со спины человекоптицы, которая отстала от стаи и что есть силы размахивала крыльями, взбивая пар.

– Эгегей! – весело крикнула малышка, когда ангел приблизился к кораблику. – А мы вас сейчас перегоним!

– Ах, помогите, – встрепенулся профессор Абра-ар.

– Видите... – махнул рукой в сторону зонта Вьюга-вьюн, – парус наш...

– Б-б-барахлит, – констатировал факт, понурив голову, Бурундин.

Птицечеловек, не сбавляя скорости, подцепил когтистой лапой зонтик и потащил за собой на буксире чемоданистый корабль.

Впереди что-то сверкнуло. Послыпался металлический скрежет. Чьи-то зубы с аппетитом вгрызлись в ручку гигантского зонта – одного из тех фантастических сооружений, в которых базировались ангельские пароскрёбы. Ручка надломилась. Почти все радужные прожекторы погасли. Кроме огоньков, светящихся синим, которые пульсировали ещё, будто сообщали, что живы.

Птицеангел, на спине которого сидели, испуганно прижимаясь друг к другу, Машенька и Дзинь-да-да, присоединился к своей стае. Ангелы фиолетовым кольцом окружили пострадавшую зонтичную ручку. Её надломленный конец понуро свисал, грозя обрушиться на городской район искорёженной грудой металла.

– Хрум, хрум, хрум, – разносилось повсюду жадное хрумканье.

Тысячи жирных грязно-серых Червей Сомнения, грудьми свисавших с зонтичной ручки, дружно грызли её. Они не обращали внимания на ангелов и даже периодически поплёвывали на них кусочками недогрызенного металла. Под воздействием червяковой слюны металл плавился. Огненные плевки, обрушившиеся на птиц, ужасно ранили их, но фиолетовые стражники не отступали, продолжали сужать круг.

Машенькин ангел (девочка мысленно называла его своим) метнул пером в ближайшего Червя, который как раз приготовился откусить очередной кусочек зонта. Перо выбило из рта обжоры металлическую крошку. Разочарованный Червь прыгнул на обидчика. Пока летел, он рос, в десятки раз увеличиваясь в размерах. Ангел, обременённый ношей – двумя визжащими от страха девочками, не смог вовремя отвести удар, позволил Черви Сомнения оплести его, сдавить грудь, укусить в сердце.

Не успела Машенька ахнуть, как и ей достался укус. Чудовище с быстрой молнией кинулось на грудь малышки и ужалило в то место, где учащённо билось испуганное детское сердечко. На платьице проступило красное пятнышко, будто девочка ненароком раздавила в нагрудном карманчике спелую вишненку.

– Ой, мамочка! – вырвался у малышки стон.

– Не зови мамочку, – сказал кто-то неприятным скрипучим голосом. – Мамочка не придёт. Мамочка оставила тебя дома одну. Бросила! Мамочка тебя не любит...

- Не любит?.. - разрыдалась Маша.

- Да не слушай ты его, - встряхнула малышку за плечи Дзинь-да-да. - Не поддавайся голосу Сомнения. Мама очень любит тебя! Просто взрослые бывают заняты... У них свои, взрослые заботы...

- И заботы эти важнее, чем ты. Работа для взрослых важнее, чем ты. Взрослые думают только о себе, любят только себя. Дети им мешают... - продолжал грызть сердце Машеньки Червь Сомнения.

От обиды на взрослых, нахлынувшей так внезапно и так некстати, у девочки потемнело в глазах. Руки невольно сжались в кулаки. Червь, верёвкой опутавший Машу, потянул её вниз. Но малышка этого не замечала. Она поддавалась Сомнению, как ни старалась Дзинь-да-да её удержать. Верёвка натянулась. Машенька, словно рыбка, попавшаяся на крючок, соскользнула со спины ангела, который сам в данную минуту боролся со своими Сомнениями и не мог ей помочь, и полетела навстречу чавкающим монстрам. Черви оторвались от металла и вперили свои бусинки-глаза в летящую на них девочку. Голоса тысяч Сомнений, перебивая друг друга, начали нашёптывать Машеньке. Каждый Червь жаждал укусить малышку, чтобы занять место в её сердце - Чистом Сердце человеческого детёныша, которое уж точно слаще зонтичной ручки, пусть и волшебной.

Чудовища набросились на Машу, однако в суполоке они жалили друг друга, путались, завязывались узлом. Получился настоящий клубок из шепчущих, извивающихся в ярости Червей Сомнения. Девочка закрыла глаза, раскинула руки. Её не беспокоило, что сейчас она станет трапезой злых монстров. Её мучили грустные мысли: «Мама меня не любит... Папа забыл обо мне на своей работе... Я никому не нужна...»

Как ни странно, Машеньку никто не ужалил. Шёпот прекратился. По лицу малышки растеклось что-то холодное, вязкое. От сердца отлегло. Маша зевнула и попыталась разлепить веки, но сделать это оказалось не так уж легко. Пришло подолом платья вытереть лицо. Когда вернулось зрение, Машенька обнаружила, что вся испачкана чернилами, которые непрерывным потоком изливались на неё откуда-то сверху. Это прыскал чернилами на неё гигантский осьминог, верхом на котором сидел колдун Сморчок.

- Ахуратс? - узнала малышка Тень в облике осьминога, чьи выпученные глаза смотрели на неё так же оценивающе, как тогда, в автомобиле, чёрные глаза Черныша.

Сердце девочки радостно забилось, благодаря за помощь. В чём заключается помощь, Маша пока не знала, но чувствовала, что старик и Тень её защищают.

Черви Сомнения будто ослепли, оглохли, потеряли нюх. Они в панике метались, пытаясь учゅять жертву, но сослепу натыкались друг на друга. Маша поняла, что чернота, налипшая на неё коркой, послужила магическим панцирем, который надёжно укрыл её от Червей.

- Ну, милая, давай, - ласково похлопал осьминог Сморчок. - Пора заморить червячка.

Тень втянула щупальца, раздулась, перевоплощаясь на сей раз в рыбу. Чудорыба глотнула серебристого пару, а вместе с ним и щедрую порцию Червей. Будто пылесос, Тень засасывала мусор, которым захламили сказки люди, сомневающиеся в чудесах, в любви, добре, во всём том, что наделяет смыслом нашу пресную жизнь.

Однако Червь, присосавшийся к сердцу Машеньки, не желал расставаться со своей жертвой. Онтесне прижался к девочке, сильнее сжимал кольца, которыми опутал её нежные плечи, настойчивее нашёптывал обидные слова, сея в детской душе сомнения. И вновь малышка почувствовала, что теряет самообладание, что у неё темнеет в глазах, а руки сами по себе сжимаются в кулаки.

- Фа-фа-фа, девочка, повефнись скофе сюда, - окликнул кто-то Машу сзади, смешно картавя.

- Не смей, - убеждал её Червь Сомнения. - Не верь никому. Не подпускай к себе. Не оборачивайся.

Машенька, терзаемая Сомнением, до боли мотала головой. Её волосы совсем растрепались, упали липкими от чернил прядями на побледневшее лицо.

- Дефжись, фебёнок, мы идём! - крикнули над самой головой девочки, после чего окатили её сладким сиропом. Судя по запаху, яблочным.

Сиропный душ оказал на Машеньку удивительно освежающий эффект. Червяк отлепился от неё. Его тут же пронзили с десяток ангельских перьев. Ахуратс, приняв облик чёрной курицы, закудахтала, брезгливо шаркнула левой лапкой и... склевала Червя. Остались только перья, которые сиротливо кружили вокруг зонтичной ручки.

Ангелы недоумевали. Без слов они спрашивали друг у друга: «А что здесь только что произошло?»

Глава 14. ЯЛО – яблочный летательный объект

Тень не теряла времени. Пока ангелоптицы, ошеломлённые, безвольно парили, постепенно приходя в себя, Ахуратс приступила к ремонту поломанной зонтичной ручки. Она всё ещё пребывала в облике деловито кудахтающей курицы, который, видимо, пришёлся ей по вкусу. Выглядело это смешно. Разогнавшись, наседка запрыгнула на место разлома, плонула туда чернилами, потопталась, чтобы лучше размазалось чёрное клейкое вещество, а затем обхватила крыльями надломленный кончик, потянула на себя, пытаясь его выровнять.

- Дефжи, мы поможем! - сбросил верёвки человечек в оранжевом комбинезоне, в большущих гоночных перчатках, натянутых до самых локтей, и причудливых очках в форме буквы «Ф».

ФЛО-МАСТЕР

Его лысая голова и ёщё двое курносиков выглядывали из светящихся окон трёх краснобоких яблок. Спелые аппетитные плоды служили пилотскими кабинками, которые посредством черенков соединялись в яблочный летательный объект – ЯЛО, как успела окрестить его Машенька. Сверху конструкцию венчал огромный жужжащий винт. Такой же, как у вертолётов, только изготовленный из зелёных листьев необычно больших размеров.

– Уй-уй, малышка, поднимайся к нам, – позвал девочку один из курносых пилотов, тот, что в кепке, одетой козырьком назад, и услужливо спустил ей верёвочную лесенку.

Маша была рада предложению. Парить в клубах пара, который настырно лез в рот, нос и глаза, ей порядком надоело.

Изнутри яблочная кабинка оказалась очень уютной. Прямо в сочной мякоти плода были вырезаны глубокие, с высокими спинками кресла. Над ними свисали, крепясь к потолку пружинками, небольшие голубые экраны. Ещё один экран, только большой, растянулся во всю переднюю стенку. В каждом телевизоре мелькали в разных ракурсах Тень, старик Сморчок, подлетавшие к ним ангелы и волшебная пятёрка в чемодане, которые все вместе чинили зонтичную вышку: тянули за верёвки, пыхтели, охали, хохотали, пели песни. А Бурундунчик, как всегда в своём репертуаре, бурчал, давая ценные указания:

– Б-б-берите правее! Б-б-больший наклон нужен! Б-б-быстрее! Б-б-бегом!

Вьюга-вьюн от него не отставал, тоже ворчал:

– Влево надо! Вай-вай!

Для Машеньки нашлось свободное кресло, в котором она с удовольствием умостилась, отметив про себя, что успела соскучиться по комфорту. Отдых в кресле, почти таком же удобном, как домашнее, не сравнить, конечно, с сидением на тёмном дне чемодана. К тому же и закуска под рукой! Достаточно грызнуть подлокотник кресла или отщипнуть от стены, и вот тебе готовый яблочный десерт!!!

Малышка, уже жуя яблоко, невольно сравнила себя с червяком, из-за чего тут же поперхнулась. После недавно пережитого стресса червяковая тема для неё была крайне неприятной.

– Уй, криво, сейчас упадёт... Тяну на себя! – сообщил кому-то по большой, с задорно торчащей вверх антенной, рации человечек в кепке и нажал на рычаг.

Девочка видела на экране, как натянулись верёвки, как покачнулась назад и вперёд капризная верхушка и таки соизволила стать ровно.

Клейкое вещество, придавленное грудой металла, растеклось чёрными комками, изрядно испачкав зонтичную ручку. Ангелоптицы повернулись к вышке спинами и активно замахали крыльями, чтобы клей высох быстрее.

– Уй, кажется всё в порядке, – новый знакомый отпустил рычаг, облегчённо вытер вспотевший лоб и повернулся к гостье, чтобы представиться: – Буква «У». Ухо я!

– Угу, очень приятно, – кивнула малышка. – А я Маша. Не буква... Просто девочка.

Боясь показаться невежливой, Машенька подала было руку для пожатия, но вспомнила, что её ладошка испачкана липким яблочным соком и чернилами, и потянулась за носовым платком. Его она не обнаружила, поскольку платочек вместе с оторванным карманом давно улетел в космос. Смузённо кашлянув, малышка вытерла руки о подол платья.

Впрочем, Ухо грязь вовсе не смущала. Сам он с ног до головы был покрыт яблочным соком, и очень сложно было определить, какого цвета его майка и широкие рабочие штаны.

«Жёлтые, наверное? – неуверенно предположила Машенька и переключила своё внимание на обувь буквы «У» – огромные, с закрученными носками ботинки. – Ух ты! Как только он ходит в них и не падает?»

Боковые стенки неожиданно раздвинулись, будто яблоко одновременно надкусили с двух сторон. За каждой стенкой пряталась кабинка, точно такая же, как та, в которой отдыхала сейчас малышка. Те же глубокие кресла, те же голубые экраны, а также рычажки, кнопочки, пружинки и прочие детали единого механизма, которым управляли наряду с Ухом его два товарища.

– Эгей! – помахал Маше грязной рукой, сжимающей гаечный ключ, кучерявый курносик из кабинки слева, а затем, указав ключом на свою грудь, весело добавил: – Эхо!

«Раз Ухо является буквой «У», то что мешает Эху быть буквой «Э»? Действительно?» – размышляла девочка и, чтобы уточнить, верна ли её догадка, спросила:

– Вы буква «Э»?

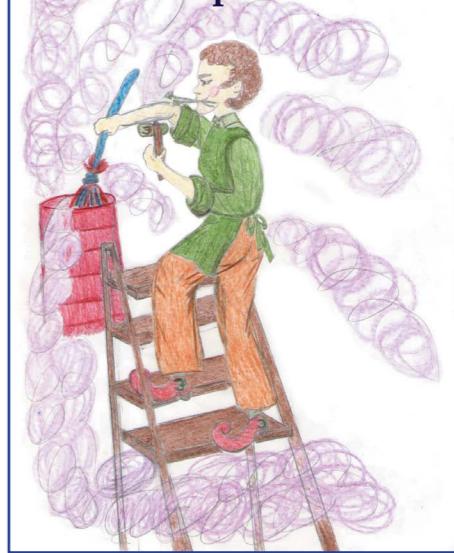
– Эгей! – утвердительно кивнул кучерявый и нырнул под компьютерную панель, чтобы немного там поковыряться, подкрутить гаечки, закрепить болты.

Из-под панели выглядывали одни только ботинки. Тоже большие и с закрученными носками, как у буквы «У».

УХО - помощник мастера ФЛО

ЭХО - помощник мастера ФЛО

- От всего сефда пифиетствую девочку на бофту яблочного космолёта! – донеслось из третьей кабинки.

Это был тот самый лысый очкарик со смешным дефектом речи, которого Маша видела в окне яблока, когда висела на пару. Очки лысого были настолько большие, что всё время сползали ему на кончик носа, и он вынужден был поправлять их пальцем. При этом человечек забавно надувал щёки, будто они могли помочь очкам удержаться на его остреньком носу, после чего громко выпускал воздух:

– Фа, фа, фа!

– А я знаю, знаю! – обрадовалась малышка. – Вы буква «Ф»! Я угадала? Правда?

– Пфафда, пфафда, – закинул ногу на ногу очкарик, довольный, что его узнали.

– Эй, это Фло-мастер! – с почтением пояснил Эхо, выползший из-под панели, которую ремонтировал, и для пущего эффекта поднял вверх гаечный ключ.

– Уй, фантазийных дел мастер! – добавил от себя Ухо. – А мы его ученики – подмастерья.

– Волшебники, что ли? – не поняла Машенька. – Ну, коль фантазийные дела мастерите?

Человечки переглянулись, словно советовались друг с другом, кто они, собственно, есть.

– Фа-фа? – озадаченно поднял брови Фло. – Волшебники? Не совсем так, но близко. Мы больше на технике специализируемся. Такой, напфимеф, как этот яблочный аппафат. Хотя, малышка, думаю, что любой, кто мастефит своими фуками, да ещё вкладывает в дело душу, твофит волшебство. В таком случае да – мы волшебники. Опфеделённо! Фа-фа!!!

Глава 15. Команда пароспасателей, или Что скажет босс?

Величайший мастер фантазийных дел Фло и его помощники Ухо и Эхо рассказали Машеньке и её друзьям, что попали в Надмир случайно. Они просто шли по следу Червяков Сомнения. Эти сказочные паразиты прогрызают в космосе чёрные дырки, через которые вытекает волшебный пар. Если и дальше так будет продолжаться, Надмир постепенно рассосётся, а вместе с ним могут исчезнуть ангелы. Будет навсегда утрачена память об ушедших фантазиях... Чтобы предотвратить катастрофу, была собрана команда пароспасателей в составе букв «Ф», «У» и «Э». Их задача – отслеживать Червяков Сомнения и штопать оставляемые ими чёрные дырки. К сожалению, уничтожить самих Червяков очень сложно. Это не по силам даже ангелам – высшим существам. Куда уж простым антресолькам, то есть рядовым жителям Антресолии, коими являются буквы?..

– Фах-фах-фах, – выдохнул Фло-мастер и развел руками, будто оправдывался.

– Человеческие Сомнения к любым условиям пифиспособливаются. Ничем их не возмёшь.

– Угу-угу, – угрюмо покачивал лохматой головой Ухо, соглашаясь с боссом.

– Червяки... Им всё нипочём. Разве что сок из волшебных яблок, выращенных эльфами на месте пеньковой поляны, одурманивает Сомнения. Но это всего лишь временный эффект. Временны...

– Эй! – весело выкрикнул Эхо и подмигнул товарищам, чтобы те не унывали.

– Но, как мы видим, вы справились с паразитами. Расскажите, как вам это удалось?

Лысый и двое курносиков внимательно смотрели на ангелов, ожидая от них ответа. Однако птицы, окружившие яблоки, недоумённо размахивали крыльями и молчали. Не проронили ни слова также пассажиры чемодана, который яблоколёт взял на буксир. Маша, видя, что так толку не будет, решила проявить инициативу.

– Видите ли, это всё заслуга Сморчка и его любимицы – Тени, – объяснила девочка и указала на чемодан, куда юркнула, прячась от пристальных взглядов, Ахуратс.

Старик не прятался. Он гордо выпрямил спину, показывая всем, что ему нечего стыдиться. Возможно, впервые за много лет Сморчок был так уверен в своей правоте. Шапка, которая всегда тонко улавливала настроение хозяина, восторженно подняла хвост трубой.

– Фыф? – недоверчиво фыркнул Фло, снял очки, протёр их рукавом комбинезона и снова водрузил на нос. – Не может быть?! Не вефю! Нет, я вполне могу допустить, что Тень всеядна и способна пфоглотить Сомнения. Да пфактически любой мусоф, котофый оставляют люди. Но! Зачем ей это делать? Чтобы пфосто так? Бескофыстно? Нет, здесь что-то не так.

– Какой вы неверующий! Может, и вас Червь Сомнения укусил? Всюду подвох ищете! – упрекнула Маша букву «Ф». – Я по себе знаю, какой болезненный червяковый укус. Если бы не Тень, склевавшая Сомнения, что бы с нами было? Правда?

Последний вопрос был адресован ангелам. Вернее, тому из них, кто, как и девочка, познал на себе укус Червя Сомнения. Малышка рассчитывала на его помощь. Ей казалось, что он должен понимать её лучше, нежели остальные. И ангел таки откликнулся:

– Устами человеческого детёныша глаголет истина. Мы сами не справились бы. Как бы там ни было, но колдун и Тень заслужили нашей благодарности.

– Благодарим... Благодарим... – нехотя склонили головы ангелоптицы и приложили ладони к сиреневой груди.

Машенька подпрыгнула и захлопала в ладоши. Она радовалась, что её поддержали. Да ещё кто поддержал? Ангелы! Самые загадочные существа в сказках!

– Я же говорила, что старик и Тень его хорошие! Я же говорила! – весело защебетала девочка. – Я чувствовала!

— Эх, как хорошо, что всё хорошо, — блеснул белозубой улыбкой Эхо, глядя на малышку. — Э-э-эх... Была не была! Я верю девочке, верю в то, что колдун исправляется. Хоть и натворил он в прошлом много такого, о чём и вспоминать то не хочется... Давайте поверим ему! В самом деле?! Что скажешь, дружище?

Эхо толкнул Ухо, но тот не отреагировал — всё стоял, открыв рот. Тогда проказник Эхо дёрнул его за грязную штанину.

— Уй, — опомнился Ухо, ловя штаны, которые чуть было от него не сбежали.

Маша подбежала к нему, заглянула в его голубые глаза:

— Что скажете? Вы доверяете колдуну Сморчку? Вы заступитесь за него перед Хранителем? Ну же, скажите, что он хороший?!

— Ух... — почесал подбородок Ухо, а потом вдруг улыбнулся. — Я что? Я «за»! Пусть будет хороший. Вот что наш босс скажет?

Малышка, Ухо и Эхо повернулись к букве «Ф». Однако кресло мастера было пустым. Шустрый Фло стоял, подбоченясь, возле окна и глаз не сводил со старика Сморчка, которому было всё равно, что его рассматривают, оценивают, критикуют, ругают. Он ласкал прильнувшую к нему Тень и одновременно успокаивал, нежно похлопывая, шапку, которая глухо порыкивала, ревнуя хозяина к Ахуратс.

— Фа-фа-фа, какая привязанность? — задумчиво произнёс мастер Фло. — Кто бы мог подумать? Какие тёплые чувства?! Может, действительно стафик исправился? Коль он способен любить, значит...

— Уй! Эй! Что значит? — спросили его Ухо и Эхо.

— Значит, колдун и Тень хорошие, — вместо буквы «Ф» подытожила Машенька. — Надо дать им шанс!

— Ну что с вами поделаешь? — развёл руками Фло. — Надо — так надо! И дадим!! Но... пфи одном условии. Колдун и Тень помогут нам зашить чёрные дыфки.

— Можете рассчитывать на нас, — охотно отозвался Сморчок и от прилива чувств козырнул.

Мех на его шапке заурчал, лизнул пальцы хозяина шершавым язычком.

Ахуратс устроилась на корме чемоданистого кораблика и на радостях начала болтать ножками, взбивая кучерявый пар, который от такой встряски ещё настырнее лез в щели, дразнился и щекотал. Из чемодана сразу же сварливо донеслось:

— Апчхи, аллергия...

Глава 16. Чёрные дырки

Яблоки, а за ними чемодан, летели сквозь пелену серебристого пара. Волшебный компас, привинченный к панели управления, подсказывал Фло-мастеру, в каком направлении следует двигаться: стрелкой указывал на червя, нарисованного красной краской. Команда путешественников отыскивала

чёрные дырки. А дыры возникают там, где орудуют Черви Сомнения. Это закон. И хотя самих паразитов склевала Ахуратс, ходы, проделанные в сказках, по-прежнему излучали чёрную энергию Сомнений. Её-то и улавливала суперчувствительный компас, сконструированный буквой «Ф».

Как выяснилось, дыры обладают разумом. Каждый раз, когда яблоколёт приближался к ним, они перемещались: прямо под носом путешественников исчезали и появлялись в совершенно другом месте, о чём немедленно сообщал компас. Стрелка резко опускалась вниз, указывая теперь направление на сказочный юг, где появлялось красное изображение червя.

Из-за такого непредсказуемого поведения дыр компас, в конце концов, вышел из строя, и яблочный космолёт сбился с курса. Мастер Фло в отчаянии чесал лысину. Предавшись размышлениям, он забыл о своих огромных очках, которые съехали почти на самый кончик носа и вот-вот могли плюхнуться на пол.

«Ему не помешало бы зафиксировать очки резинкой, как у Яшкиного дедушки», — подумала Машенька и хохотнула в кулак, чтоб не было слышно.

— Что делать? Ума не пфиложу... Как поймать эти злополучные дыфки? Думай, думай давай! — сокрушался Фло-мастер и даже стукнул себя по лбу, чтобы лучше думалось.

Его очки таки упали, но не разбились. Только правая дужка обиженно скривилась.

Ухо и Эхо, каждый из своего кресла, подавали друг другу знаки, что лучше помолчать, что не стоит раздражать босса. Маша наблюдала за всей этой троицей, наблюдала, а потом ей надоело ждать, когда голову мастера Фло осенит светлая мысль по поимке чёрных дыр, и она решила попросить помощи у колдуна Сморчка и его Ахуратс.

— Помогите нам, пожалуйста, уважаемый Сморчок, — вежливо обратилась девочка к старику, высунув растрёпанную головку из яблочной кабинки.

— Пусть ваша Тень что-нибудь сделает. Я знаю — она сильная! Она многое может.

Колдун пошамкал тонкими губами, будто что-то пережёвывал, сплюнул. Ахуратс выскоцила из-за его воротничка, пышного, кружевного, где она пригрелась, мягко обволокла Сморчка, подбадривая его таким образом, и вдруг отстранилась. Зависнув над головой хозяина, Тень приобрела форму вопросительного знака.

— А что если прочесть известное нам заклинание? — поднял указательный палец старики. — То самое, которое отворяет двери из мира в мир. Только прочесть задом наперёд? Нам ведь нужно открыть ЧЁРНЫЕ ходы, а не те, что находятся в ведомстве Хранителя — так сказать, официальные... А раз чёрные, то есть НЕофициальные, значит, действительно, надо что-то поменять. Вот и попробуем прочесть заклинание с конца. Начнём с буквы «Д».

— Дельная мысль! Попфобуем! Попфобуем! — обрадовался Фло-мастер и открыл было рот, чтобы приступить к колдовству, но его прервала Машенька.

- Я! Я! Дайте мне?! - попросила малышка, умоляюще сложив руки на груди.
- Так хочется почувствовать себя волшебницей. Хоть немножко??!
- С пфевеликим удовольствием, - пропустил девочку вперёд Фло.
Буквы в чемодане, готовясь к магическому действию, выпрямились, взялись за руки.

- Позови их по именам, только в обратном порядке, - подсказал Маше Сморчок.

Девочка кивнула, от волнения пригладила волосы, одёрнула платьице. Громко, насколько хватало сил, она позвала:

- Дзинь-да-да! Вьюга-вьюн... Ой... Не так. Ещё раз. Дзинь-да-да! Гагатун! Вьюга-вьюн! Бурундуна! Абра-ар!

От волшебной буквенной пятёрки, пульсируя, начал исходить зеленоватый свет. Дивные лучики, множась, пронизывали пар, сканировали космос, выискивая в нём чёрные ходы. Капризные дырки пустились наутёк, как юркие мышки, которых застали врасплох за поеданием сыра. То там, то здесь мелькали чёрные точки. Лучи догоняли их, кололи. Дырки в панике сталкивались, взрывались, и тогда раздавался глухой хлопок. После каждого взрыва маленькие точки соединялись, образуя дырку большего размера. В конечном итоге, хаотичная игра в «кошки-мышки» космического масштаба закончилась последним, грандиозным взрывом, грозный рокот которого напугал Машу. Где-то там, на горизонте, парной космос сплющился, будто кто-то сгоряча скомкал лист бумаги, после чего передумал, расправил его, вернув прежнюю форму. Только по центру лист разорвался, явив дырку. Оскалив рот, гигантская дыра мстила за грубое обращение с ней и со свистом глотала серебристый пар.

Зелёные лучи, подобно ветвям плюща, оплели дырку, не позволяя ей сбежать, натянулись. С ужасающим треском по ним побежали шаровые молнии. Яблоки с чемоданом потянуло к зияющей дыре. Пассажиры попрятались, опасаясь быть ужаленными молниями, которые в запале не различали, где свои, а где чужие. Яблочные бока под воздействием лучей слегка подрумянились.

«Если и дальше так будет продолжаться, - испугалась Машенька, которая сидела, судорожно вцепившись в ручки кресла и закрыв глаза, - мы спечёмся».

- Эй, не бойся, малышка, поджариться не успеем, - подмигнул девочке Эхо, догадавшись по испуганному выражению её побледневшего лица, о чём она сейчас думает.

На огромной скорости яблоки и вместе с ними чемодан влетели в дыркин рот, на мгновение повисли там в невесомости, всё ещё удерживаемые лучами. Но когда лучистые верёвки стёрлись о края дырки и лопнули, путешественники с застывшим на устах криком (пустота поглотила все звуки) провалились в неведомое. Чёрная дырка с обрывками зелёных лучей, торчавших из её рта, скривилась и поспешила удалиться в спокойный уголок парного космоса, где никто не помешает ей переваривать обед.

Глава 17. Лес Утраченной Совести

Наконец, к Машеньке вернулась способность кричать, и она кричала, кричала, пока не охрипла, пока не заболело её бедное горло. И только умолкнув, малышка осознала, что не она одна кричала от боли и страха, что и её спутники захлебнулись криком. Теперь все сидели, тяжело дыша, держась за горло и изумлённо озираясь по сторонам.

Девочка ощупывала своё лицо, шею, руки, которые, как ей казалось, были разобраны по клеточкам и заново собраны, как в детском конструкторе. Очень странные ощущения...

Первым опомнился Фло-мастер:

- Всё не пфивыкну к пефемещениям по чёфным дыфкам. Кфайнे непфиянтная пфоцедуфа. Кфайне!

- Уй-уй, босс, где это мы? - спросил Ухо, тыча пальцем в экран компьютера.

Он приблизил лицо к самому экрану, чтобы лучше рассмотреть отобразившуюся на нём картинку. Но дело в том, что картинки как таковой не было - всё заволокло серебристым паром.

- Паф? Неможет быть? Мы ведь покинули пафной космос? - Фло озадаченно поправил очки, которые после того, как повредилась их дужка, и вовсе не желали держаться на носу гения.

- Уй, должно быть, этот пар вытек вместе с нами из дырки? - предположил Ухо.

- Э-э-э, - откинулся на спинку кресла Эхо, - вот так парной космос и рассасывается. А мы ничего не сделали... Дырку опять не закрыли. Снова она нас провела, выплюнула... Вот как с ней бороться?

- Пфиём, пфиём, вызываю чемодан. С вами всё в пофядке? - обеспокоенно спросил Фло, воспользовавшись микрофоном на панели управления.

Из чемодана, как видно было на экране, выглянула Вьюга-вьюн и замахал обеими руками, давая понять, что всё в порядке.

Машенька облегчённо вздохнула и на радостях отщипнула от кресла кусочек сладкой мякоти, но до рта вкуснятину не донесла, так как космолёт резко накренило вправо. Послышалось противное шкрябанье. Что-то безжалостно царапало яблочную обшивку. Под потолком зажглась красная лампочка, сигнализирующая о том, что ЯЛО столкнулся с непредвиденной проблемой.

- Стоп, машина, - приказал мастер Фло.

- Уй, - заёрзal в своём кресле Ухо, - она и так стоит.

- Э-э-э, нас что-то держит, - уточнил Эхо, который, на что бы ни нажимал, за что бы ни дёргал, не мог наладить контакт с машиной - сложная компьютерная аппаратура молчала.

Однаковнешние камеры, транслирующие на экраны заснятые изображения, по-прежнему работали. На мониторе мелькал пар, и, судя по его движению,

с ним игрался ветер. Ненасытный шалун дул всё сильнее, и пар постепенно развеивался. Картинка прояснялась.

Прозревший экран показывал членам экипажа ЯЛО тысячи острых длинных иголок, которые впились в размякшую на пару кожицу яблок. С не меньшим рвением иголки атаковали также оранжевый чемодан. Пассажиры кораблика, разглядевшие сквозь редеющий пар такое игольчатое изобилие, предпочли притаиться в «трюме». Только Бурундин, переживавший из-за своего зонта, который оказался под обстрелом игл, не желал прятаться. Он плонул на ладони, крякнул и полез по зонтичной ручке, пытаясь дотянуться до кнопочки, закрывающей полосатый «парус». Гагатун и Вьюн, схватив Бурундинчика за его босые ноги, тянули друга вниз.

- Вай, куда полез?

- Га, там же опасно?!

- Б-б-бедненький мой, не б-б-бойся, я с тоб-б-бой, - заботливо бубнил Бурундин, не слушая увещеваний своих товарищей.

Послышился щелчок. Изрезанный иголками зонт захлопнулся, ненароком прищемив хозяина. Иглы, словно осы, набросились на грязные ноги Бурундуна, которые выглядывали, неуклюже болтаясь, из-под зонта.

- Б-б-батюшки... Б-б-боже мой... - всхлипывал и жаловался Бурундинчик, оказавшийся в ловушке.

- Что это за иголки? - недоумевала Машенька, рассматривая на экране пушистые разлапистые ветви, сурово хлопающие по неопознанному летательному объекту, который посмел нарушить их покой.

С виду ветви походили на еловые. Только они были утыканы не обычными, зелёными иголками, а иглами швейными - длинными, тонкими, блестящими и очень колючими.

- Ў-уй, - донеслось со стороны Уха, который по глупости своей уколол палец, проверяя, насколько остра игла, торчавшая из потолка над его креслом.

- Думать надо, пфежде чем совать свои фуки, куда не следует, - строго отчитал его босс, после чего, подув немного в микрофон, объявил по громкой связи: - Не стоит бояться, дфузья! Ничего стфашного не произошло. Мы пфосто попали с вами... Попали... Мы... Эхо, подскажи?

Помощник Эхо, пока Ухо развлекался с иглой, тщательно изучал виртуальный глобус, вы светившийся над панелью управления. На его поверхности появлялись, перетекая одна в другую, разноцветные картинки - сказочные миры. Стоило букве «Э» поднести руку к конкретному изображению, как оно увеличивалось, заполняя красочным миражом всю кабинку. И тогда растекались по стенам невиданной красоты реки, вырастали, упираясь в потолок заснеженными вершинами, горы, расстилались, словно ковры, живописные рощи, долины, поля и сады. Картинку за картинкой, мираж за миражом «перелистывал» Эхо виртуальный глобус, пока не нашёл на нём изображение, похожее на ту колючую местность, в которой очутились путешественники. Сначала расплылось неразборчивое серое

пятно, зажатое между лысым каньоном, с одной стороны, и ледяным океаном, с другой. При увеличении стало ясно, что пятно представляет собой необъятных размеров лес, в котором произрастают загадочные игольчатые деревья. Только один вид, название которого отобразилось на мониторе компьютера: «Ель Совести».

- Фа-фа, ясно. Мы в Лесу Утфаченной Совести! - сделал вывод мастер Фло.

- Что? - не поняла Машенька.

- Лес Утраченной Совести, - повторил Эхо. - Глухое место в Антресолии, где хранится потерянная людьми совесть.

- Ўй, видишь, какая она, эта совесть, колючая? - влез со своими объяснениями Ухо, вынув изо рта уколотый палец, который он со страдальческим видом посасывал. - Колючая потому, что сердится. А сердится потому, что... Ўй...

- Я поняла. Потому, что её потеряли... - сказала Маша и виновато потупилась, поскольку ей было стыдно за людей.

Ветер за бортом космолёта разбушевался. Он игриво трепал «хвою» серых елей, которые недовольно отмахивались от него ветвями, словно скучные матроны от надоедливого комарика. Иголки с насаженными на них яблоками понесло влево, затем вправо и снова влево, да с такой силой, что иглы не выдержали и отломились. ЯЛО вместе с чемоданом тут же подхватил ветер. Проказнику явно не хватало в этом суровом месте развлечений, вот он и разошёлся: колотил кораблики, пинался, подбрасывал их, ловил на лету, переворачивал, чтобы получилось сальто, и снова подбрасывал.

- Подаю! Дую-дую-ю-ю!!! - кричал ветер елям, перебрасывая им яблоки и чемодан.

Деревья, волнуясь, отбивали, лишь бы ветер от них скорее отстал. Так кораблики перескакивали от веточки к веточке, перелетали от ели к ели. Прыг да скок, прыг да скок! А неугомонный ветер гнался за ними с победным кличем:

- Дую-дую! Подую! Подаю!!!

- Ох, уймись! Ох, угомонись, негодник! - взмолились истерзанные ели.

- Причёски нам попортил... Столько веточек поломал!.. Ўиди!

- Поду-у-умаешь?! Ну и уйду-у-у! Дуй-дуй-дуй!!! - огрызнулся ветер,

обидевшись, что его не поняли, и упорхнул.

ЯЛО с чемоданом, несколько раз кувыркнувшись в воздухе, полетели вниз. Аппаратура космолёта, повреждённая иглами, не включалась. Чемодан же без поддержки волшебного пара утратил способность летать. Обоим корабликам грозила неминуемая катастрофа.

- Мамочка, - пискнула Маша, уткнувшись в свои коленки.

- Дефжитесь, дфузья! - успел крикнуть в микрофон Фло-мастер до того, как связь прервалась и включилась аварийная сигнализация: «виу-виу-ви!».

Глава 18.

Верёвочная пирамида

Машенька постепенно приходила в себя. Сквозь закрытые, слегка подрагивающие веки она чувствовала свет. Он настойчиво будил её, не позволяя вновь погрузиться в столь заманчивые глубины сна, который обещал покой.

– Ну, мам-м-м? Ещё чуть-чуть? – сонно промурлыкала малышка, которой показалось, что её будит мама, а значит, придётся выбираться из тёплой постельки, а там холодный пол...

Солнышко не оставляло попыток разбудить девочку, всё жарче припекало. Маша повернулась набок и совсем проснулась, поскольку почувствовала, что кроватка под ней переворачивается. Вскрикнув, малышка упала на что-то мягкое. Возможно, другую кровать. Это что-то перевернулось, и девочка опять упала на мягкое. И так ещё несколько раз, пока Машеньку не подхватили чьи-то крепкие руки.

– С мягкой посадкой тебя, детёныш человека, – сказал кто-то весёлым звонким голосом и аккуратно поставил малышку на мягкий пол.

Маша, до этого момента жмурившаяся от страха, решилась открыть глаза. Однако смелости ей пока хватило лишь на то, чтобы вперить взгляд в пол, который и полом-то толком не был. Девочка видела сетку, искусно сплетённую из белых верёвок и натянутую по принципу гамака между серыми стволами сказочных елей. Этажом ниже расстился такой же самый гамак, только вдвое шире, а под ним ещё один, и ещё... И так много-много этажей. Причём как снизу, так и сверху. Это Машенька определила, осмелившись, наконец, поднять голову и как следует рассмотреть загадочные гамаки. Они, судя по всему, формировали верёвочную пирамиду, которая начиналась неизвестно где, росла, сужаясь с каждым этажом, и заканчивалась там, где колючие ели играли с розовыми облаками. Сколько всего этажей насчитывала пирамида, малышка определить не могла, так как не видела ни дна её, ни вершины.

– Впечатляет? – спросил Машу долговязый верзила в богатырских доспехах, надетых, правда, небрежно: шлем набекрень, ремень расстегнулся, кольчуга перекрутилась, рукава рубахи закатаны до локтей. – Говорят, что Лес Совести безразмерный, что дна у него нет, что деревья растут из ничего.

– Да, и проверить нельзя, басни это всё или правда? До дна ведь никто ещё не добирался... И лучше не пробовать. Твердовато, наверное, падать будет?.. – поёжившись, сказал второй молодец с толстой вязанкой игл за спиной.

Внимательно оглядев его с ног до головы, Машенька пришла к выводу, что он тоже из богатырей будет. Сам большой, как гора, плечистый. И доспехи имеются. Вон даже шлем! И не важно, что дырявый, а из дырки на затылке выглядывают длинные волосы, собранные в лошадиный хвостик.

Богатырь бросил иглы на сетчатый пол, отчего гамак зашатался, и малышка плохнулась на коленки. Молодцам же, казалось бы, всё никак – стоят, уперевшись ручищами в бока, и усмехаются:

– Хы-хы! Хы-хы!

– Эй вы, юшкины дети! Что себе позволяете?! – с верхнего этажа прикрикнул на шутников грубым, осипшим голосом суровый дяденька с длиннющей седой бородой, которая свисала, трепеща на ветру, будто знамя. – Зачем пугаете детёныша? Где ваши манеры? Солдафоны, юшкин кот!..

«Это, должно быть, богатырский командир?» – подумала девочка, пятаясь от иголок, которые из брошенной вязанки выкатились на площадку.

– А мы что? Мы ничего! – в один голос оправдывались верзилы. – Верёвки крепкие, всё выдержат. Как-никак, из паучьей паутины сплетены. И что с детёнышем станется? Куда ни падай, в сеть угодишь. Те же пауки постарались. Ткачи из Сумеречной Долины!

– Прекратить разговоры, юшка на печи! Вот я вам, юшку в горшочек! – гаркнул, не дослушав, командир и погрозил молодцам кулаком. – Бегом взяли иголки и на 105-й этаж. Юшкин кот! Бегом, я сказал! Юшка на сковородке! Работа не ждёт! Юш...

Тот, что с хвостом, поднял вязанку и под ритмичное «гоп, гоп, гоп!» начал взбираться по верёвочной лестнице. Второй воин прямым шагом направился к девочке, подхватил её, словно пёрышко, и с возгласом «але гоп!» забросил на несколько этажей вверх. Туда, где ещё совсем недавно малышка спокойненько себе спала. Заинтригованная, Машенька тут же свесилась с перил, чтобы посмотреть, что дальше будет делать верзила.

– Тысяча юшек и горшочек мёда! Ты что медлишь? Двигайся быстрее! – отдал очередной приказ бородатый начальник, чем, видать, очень приободрил своего подчинённого.

Богатырь бросился к огромной (больше, чем Маша), гладко обтёсанной дубинке и такому же большому щиту, которые лежали возле ствола ели.

«Вот силища-то?!» – восхитилась Маша, наблюдая, как легко, эдак играючи, детина метнул дубину в густые еловые заросли. Дубина по-хозяйски прошлась по ветвям, вызвав игольчатый дождь. Молодец, прикрывшись щитом, ловил иглы и складывал их в кучу. Движения его были точными и быстрыми, будто он занимался самым обычным занятием. Копал, например, картошку... Минут через пять все иголки были собраны и перевязаны верёвкой. Ни одной из них, что важно, не удалось поранить богатыря.

– Во даёт?! – не переставала удивляться малышка. – Вот умелец! Интересно, зачем им столько игл?

– Ах, Машенька, – раздался за спиной девочки знакомый голос, – а мы вас обыскались. Разве можно так исчезать?

– Милый Абра-ар! – обрадовалась Маша. – Я не специально, я просто упала...

– Ах, – схватился за сердце профессор.

– Со мной всё в порядке, – ласково похлопала по плечу букву «А» Машенька и кивнула в сторону богатырей с вязанками игл. – Спасибо им. Они меня поймали. Да и потом, сеть всюду натянута. Её сплели какие-то там пауки.

– Не какие-то там, – поправил девочку Абра-ар, и его глаза радостно засияли, поскольку появился повод что-то объяснить, – а из Сумеречной Долины. Это

величайшие мастера в области волшебного ткачества! Сотканную пауками Сумеречной Долины паутину ничем не возьмёшь: ни огнём, ни мечом. Ну, если огонь и меч эти обычные, не магического происхождения... Да... И всё же, как бы ни была крепка сеть, падать, Машенька, не стоит. Это опасно!

- Скажи, милый Абра-арушка, - малышка от любопытства и нетерпения даже закусила губу, - там, внизу, действительно дна нет?

- А-а-а, - профессор сразу погрустнел. - Ах, к сожалению, этого я не знаю. Хотя у меня тридцать три высших образования и двадцать четыре научных степени... Никто не знает. И в книгах об этом не написано...

- Как же так? Не может быть, чтобы ничего не было? Так-таки ничего? - всё спрашивала Машенька, всматриваясь в подёрнутую сизой дымкой пропасть, которая едва проглядывала сквозь сеть.

- Ах, - беспомощно вздохнул Абра-ар.

Он чувствовал себя неловко из-за того, что не всё знает, рассеянно хлопал по карманам плаща, будто что-то искал там, а, не найдя, принялся мучить галстук, то потуже затягивая его, то, наоборот, развязывая. В конце концов, фирменный галстук с вышитым красными нитками символом буквы «А» выскользнул из рук профессора и упорхнул в ту самую неизведанную пропасть.

- Ах-ах, - теперь уже вздохнула Машенька.

Профессор совсем сник. Девочке стало жаль его, и она решила отвлечь Абра-ара от грустных мыслей, засыпав его новыми вопросами:

- Скажите, милый профессор, кто те три богатыря, которые иголки собирают? Точнее, двое собирают, а один командует. Зачем им иголки? Куда они их несут?

- А? - очнулся от оцепенения Абра-ар. - Кто это? Ах, да! Это же Юшка Юговой! Буква «Ю». Он воеводой у нас числится. Очень уважаемая в Антресолии личность!

- Юшка Юговой, - повторила Маша смешное имя. - Это тот, что с бородой?

- Совершенно верно.

- И он всё время командует и ругается?

- Ну, этого я не говорил. Между прочим, в бою Юшке нет равных. Так что он не только командовать умеет.

- Хорошо, а кто те двое?

- Оба молодчика служат в Антресолевской армии, Юшкины помощники.

- Тоже буквы?

- Естественно. Это твёрдый и мягкий знаки.

- Сейчас отгадаю. Тот, у которого из шлема торчит хвостик, является твёрдым знаком. Ну а богатырь с гладкой дубинкой - это мягкий знак. Правильно?

ЮШКА ЮГОВОЙ
(городовой)

- Правильно. Их Твердолобиком и Мякишем зовут. Друзья - не разлей вода. Ах! - профессор опять вздохнул, но на этот раз его вздох был радостным, а не печальным. - Знаете, Машенька, как приятно разговаривать с умным собеседником, даже с поправкой на то, что это не собеседник вовсе, а юная собеседница?

- Знаю, - заверила его девочка. - Мне ли не знать? Ведь вы самые умные из всех собеседников, скоторыми мне когда-либо приходилось разговаривать.

- Ах, вы мне льстите, - Абра-ар покраснел и, чтобы малышка не заметила его стыдливого румянца, прикрыл лицо шляпой.

- Профессор, - продолжала допрос Маша. - Вы ничего не сказали относительно игл. Зачем они буквам?

- Ах, совесть, утраченную людьми, антресольки используют по-разному. Во-первых, - профессор загнул палец, - в швейной промышленности. Во-вторых, в медицине. Из иголок получаются целебные отвары и настойки. В-третьих, и это самое интересное, из совести у нас изготавливают зелье правды. Сам не пробовал... Но говорят, что совесть не даёт солгать.

Машенька открыла рот, чтобы ещё о чём-нибудь спросить Абра-ара, но так и не спросила, потому что не смогла придумать вопрос. Ей в голову сейчас лезла одна мысль: «Хочу кушать». И мысль эта подкреплялась убедительным бурчанием голодного желудка, который ругался из-за того, что его давно не кормили:

- Бур-бур-бур...

ТВЕРДОЛОБ (стражник)

МАЛЫШ МЯКИШ
(стражник)

Глава 19. Работа кипит, или Чайный перерыв

Вместе с Абра-аром Маша поднялась на несколько этажей. Пришлось взбираться по верёвочной лесенке, которую расшатывал ветер. Нелёгкое занятие для неподготовленных вроде малышки, но она не роптала. Ей нравились приключения, ей было интересно. А вот профессору пришлось тяжко. Он всё время пыхтел и держался за сердце, которое, видно, пошаливало.

На верхних этажах кипела работа. Ухо, Эхо и Фло-мастер кудесничали над своим яблоколётом, который весьма поистрепался во время путешествия

по чёрной дыре и особенно по еловому лесу. Ученики мастера стучали молоточками, прибивая лоскуты повреждённой обшивки к корпусу корабля. Работали буквы молча, даже не перебрасывались шутками, что совсем на них не было похоже. Маша сделала вывод, что дело у них не спорится. Наверное, из-за содранной иглами яблочной кожуры, обрывки которой остались где-то там, среди еловых веток.

Действительно, в связи с нехваткой нужного материала заделать все трещины и дырки на яблоках не удавалось, и это очень злило мастера Фло, который то и дело чесал лысый затылок и фыркал:

- Фыф-фыф? Что делать-то? Чем залепить?

- Я не буду против, если вы воспользуетесь kleem, который так превосходно умеет вырабатывать моя Тень, - не совсем скромно предложил помочь старик Сморчок.

Фло, стиснув зубы, согласился её принять и подал знак ученикам, чтобы они спустились. Когда Ухо и Эхо, съехав на попе по кожуре, очутились на верёвочной площадке, Тень накрыла яблоки, смочила их клейким веществом и отхлынула. Чёрные липкие кляксы, которые она оставила после себя, расползлись по обшивке, заполнили собой яблочные ранки и застыли.

- Здорово! Молодец! Так держать! - похвалила Тень Машенька, которая как раз проходила мимо, следя за пыхтящим профессором.

Ахуратско-кошачьизамурлыкала, вытянулась, задрала хвости и потрусила к своему хозяину, который уже протянул ей руку, обещая ласку.

Профессор Абра-ар завернулся за угол, то есть скрылся за широким стволом колючей ели. Малышка поспешила за ним. Ей не терпелось узнать, какие чудеса ждут её за очередным поворотом. Чего скрывать? Маша надеялась увидеть там богатырей. Уж очень они её заинтриговали своими иголками.

Предчувствие девочку не обмануло. По другую сторону площадки, спрятавшейся за еловым стволом, располагалась база военных. Мякиш и Твердолоб складывали иголки в кучу. Несколько десятков красноносых карликов, которые, по мнению Маши, должны быть гномиками, укорачивали иглы, удаляя их острые концы. Тюк, тюк! - весело пели топорики.

Обрубленные концы собирала в корзинку черноволосая красавица в длинном зелёном платье. На её головке красовался, развеваясь разноцветными ленточками, причудливый веночек с двумя клубками шерстяных ниток. Красавице помогали две рыжие паучихи. Они несли на спинах такие же, как у девушки, корзины, почти полностью заполненные иголками. То, что это именно паучихи, а не пауки, Машенька

определенная по платьям с восемью рукавами, болтавшимся на уродливых созаниях.

- Ах, приветствую Ёлочку! - снял шляпу Абра-ар и, обернувшись к малышке, прошептал: - Это буква «Ё». Превосходная вязальщица! Пожалуй, она единственная, кто может сравниться в мастерстве с паучихами-ткачихами.

- Из Сумеречной Долины которые? - спросила, тоже шёпотом, Маша.

Профессор не ответил, лишь нервно слегка покосился с одной из паучих, не сводившей с него восемь чёрных блестящих глаз. Её специфическая внешность Абра-ара немного смущала... И не только его. Даже Мякиш с Твердолобом, те ещё богатыри, сторонились паучих и отворачивались, стараясь не смотреть на мохнатых «красавиц».

- Ёй-ёй?! Ну и храбрецы?! - подтрунивала над ними Ёлочка, которую совсем не беспокоило общество паучих. - А ещё богатырями называются...

- Кхе-кхе, - посмеивались, поднеся ко рту кулаки, гномики, делавшие вид, что кашляют.

Смех привлек внимание Юшки Югового, который пил чай в шалаше, сооружённом из иголок. Ему наливалась из термоса худенькая старушка в розовом накрахмаленном чепчике. Её руки, обтянутые резиновыми перчатками, заботливо суетились, накладывая в большое блюдо на столике перед воеводой горку поджаристых до золотистого цвета чебуреков.

- Юшкин кот, что вы себе позволяете?! - рыкнул Юговой, предварительно обтерев жирный рот кончиком бороды. - Чего стали? Скоро ромашка прилетит, а у нас ещё ничего не готово!

- Чай, чай, чай, - перебила его старушка. - Неч-чего сердиться, милок. Объявляю чайный перерыв. Подходите, друзья. Чай горяч-ч-чий, крепкий, ароматный!

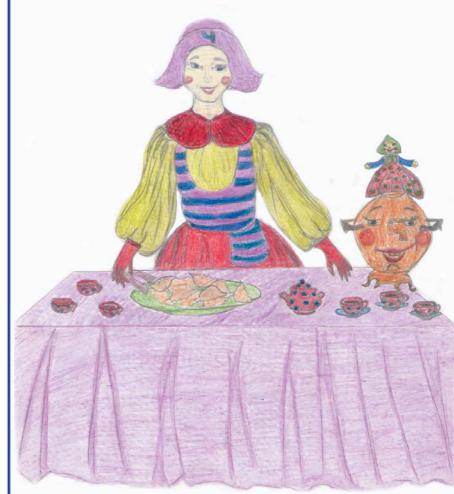
- А к чаю щербет, - пообещала ещё одна бабушка-молодушка с гулькой на голове, выглянувшая из соседнего шалаша, в котором, судя по валившему из него дыму и вкусным запахам, располагалась походная кухня.

- А к щербету шоколад, - добавила третья бабуля в кокошнике, которая вынесла на широком подносе шоколадные конфеты в ярких обёртках.

- Что вы, сестрицы? - встревожилась старушка в чепчике. - Сладкое предлагаете голодным? Сначала мои чебуреки, а потом уж шоколад и щербет.

- Чебуреки! Шоколад! Щербет! Шоколад! Щербет! Чебуреки! И опять щербет! Нет, лучше шоколад!

Бабушка ЧИНИТА

Бабушка ШАНЬ

Бабушка ЩЕНЬ

Говорю вам – чебуреки!!! – щебетали бабушки, перекрикивая друг друга, словно соревновались между собой, кто из них громче прорекламирует своё блюдо.

От такого щебета у Маши заболела голова. А голодный желудок и вовсе свело. Он всё настойчивее сигнализировал своей хозяйке, что его пора наполнить чем-нибудь вкусненьким.

– Абра-арушка? – девочка дёрнула за плащ профессора, который вознамерился продолжить подъём и уже поставил ногу на ступеньку очередной лесенки. – Может, задержимся чуток? Перекусим?

– Шашлык! Шашлык! – румяная веселушка в кокошнике, шурша многослойной пёстрой юбкой, торжественно прошествовала мимо Абра-ара, неся нанизанные на иголки шашлыки.

Профессор стал, как вкопанный, провожая тоскливым взглядом лакомства, которые дразнили его ароматом специй и жареного мяса.

– Ну же? – повисла на нём Машенька.

Повиснуть так – это любимый приём малыши по выпрашиванию чего-нибудь у папки. Вот подойдёт к нему неожиданно, прильнёт, обнимет, коленки согнёт и висит. И папка, ясное дело, сдаётся – даёт то, что просит дочурка.

Сдался и Абра-ар. Вместе с девочкой они устроились с краю общего стола, за которым уже сидели, уминая за обе щёки чебуреки, гномики и Мякиш с Твердолобом. К компании едоков присоединились также Фло со своими двумя помощниками и старик Сморчок с верной Тенью. Правда, Тень за стол не пустили.

– Нечего нам портить аппетит, – процедили сквозь зубы гномы, которые всегда славились дерзким и сварливым нравом.

Ахуратс, хотя она не питалась обычной вроде чебуреков и шашлыков едой, обиделась на такие слова. Старик старался утешить свою любимицу – называл её нежными именами и протянул руку, чтобы приголубить, но Тень проскользнула сквозь пальцы Сморчка и шмыгнула под кучу игл, где и притаилась.

Машенька очень сочувствовала Тени, но голод оказался сильнее сочувствия, и скоро её внимание сосредоточилось на расписных тарелках с разными блюдами. Тарелки не успевали опустеть, потому что их усердно заполняли три старушки.

– Абра-арушка, – обратилась к профессору девочка, когда, насытившись, почувствовала, что может уже разговаривать, а не только пускать слону, – кто это?

– Ах! – профессор Абра-ар, блаженно улыбаясь, откинулся на спинку грубо сколоченного стула. – Это знаменитые бабушки Чинита, Шань и Щень.

Лучшие поварихи Антресолии. Есть ещё Сыр Иванович, но у него особенная – творожная – кухня.

– Чинита, Шань и Щень? – переспросила малышка и, поразмыслив, пришла к выводу: – Значит, это буквы «Ч», «Ш» и «Щ».

– Что? Добавки? – Чинита нагнулась над Машенькой, услышав своё имя, и услужливо налила в стакан девочки ещё горячего чаю.

Малышка отпила глоточек. Пить она уже не хотела, но не смела отказать. Да и, честно говоря, таким простым способом Маша пыталась потянуть время. Ей очень надо было узнать, о какой такой ромашке, которая вот-вот должна прилететь, говорил Юшка Юговой.

Глава 20. ГРУЗКОСМРОМ, или Ёй-ёй, пожар!

Би-би-би! – сообщил весёлым бибиканьем о своём прилёте ромашкогрузовик. На капоте белолепестковой водительской кабинки было написано: «ГРУЗКОСМРОМ». За ромашкой тянулся на прицепе нежно-зелёный кабачок с вырезанной серединкой, который, выходит, выступал в качестве кузова. Из приоткрытого лепестка кабинки выглядывала усатая голова в огромной кепке-аэродроме.

– Каратэ! – представился водитель, заприметив среди трапезничающих земную девочку, с которой он ещё не был знаком. – Буква «К».

«Жгучий брюнет!» – закатила глаза Маша, копируя маму, которая всегда приходит в особенный восторг, когда в любимом сериале какой-нибудь черноволосый Рональдо совершает подвиг во имя любви.

– Вот что значит быть жгучим брюнетом! – любит говорить мама, поглядывая на папу.

А бедный папка обижается, смущённо гладит лысину и лопочет что-то насчёт того, что и он тоже брюнет... Когда-то был им...

– Откуда тогда взялся наш Солнечный Зайчик? – смеётся в таких случаях мама и обнимает Машеньку, чья белокурая головка красноречиво свидетельствует о том, что, если и была когда-то у папы шевелюра, то точно не брюнетистая. Насмеявшись, мама нежно добавляет, обнимая теперь уже папу: – Да и блондинки, на мой взгляд, на роль принца сгодятся, даже если они немножко лысые...

– Юшкин кот! – крикнул Юговой, вспомнив, что он командир и ему командовать полагается. – Чего сидим? Все на погрузку. Ромашка вечно ждать не будет. Бегом! Раз, два!

КАРАТЭ

Водитель Ромашкового
Космического Такси -
РКТ

— Конечно, волшебное топливо нынче дорого стоит, — подтвердил водитель и помахал проходившей мимо Ёлочке, которая собирала свои иголочки и совершенно не обращала на него внимания.

Тогда водитель достал из кармана красивой красной куртки расчёску и принял расчёсывать свои пышные усы, закручивая их в два кренделя. По-видимому, таким образом он надеялся произвести на девушку должное впечатление.

— Прихорашиваешься, милок? — полюбопытствовала бабушка Чинита, подперев от умиления румяную щёку.

— Хорош-ш-ш! Хорош-ш-ш! — похвалила его старушка Шань.

— Щёголь, — пожала плечами Щеня и разразилась хохотом.

Лицо Каратэ приняло такое выражение, будто он глотнул уксуса. Его усы как-то сразу обвисли. Встряхнув головой, водитель сердито буркнул:

— Да ну вас... Тьфу.

Гномы выстроились в ряд и начали передавать друг другу тяжёлые игольчатые брёвна.

— Эй-хо! Эй-хо! — завели они свою любимую песенку, чтобы работалось веселее.

Мякиш и Твердолоб, занявшие передние позиции, метко забрасывали иглы в кузов, который ходил ходуном, но пока что держался ровно — не переворачивался вверх дном. Зато не выдержали тряски лепестки ромашки. Они то открывались, то закрывались, то снова открывались, осыпая верёвочную площадку и всех, кто на ней находился, жёлтой и специфически пахнущей пыльцой.

— Апчи-апчи-чхи-чхи, — как и следовало ожидать, расчихался профессор Абра-ар.

Куча игл поредела, а кузов ГРУЗКОСМРОМА, начинённый совестью, заметно просел. Лишившись укрытия, Тень осторожно выплыла на площадку, где тут же напоролась на злобный взгляд гнома. Быстро огляделась по сторонам, не видит ли кто, красноносый карлик уколол, как бы невзначай, Ахуратс игольчатым бревном. Тень брызнула на обидчика чернилами, метнулась вверх и на лету, не успев вовремя затормозить, врезалась в кабачок. Кузов накренился. Иголки совести, возмущённо звеня, обрушились на площадку.

— Юшка на сковородке, берегитесь! — протрубил воевода и бросился, выставив над собой громоздкий щит, к девочке и профессору, чтобы защитить их от иглопада.

Все разбежались, кто куда. Чинита, Шань и Щеня с визгом укрылись в шалаше, куда минутой ранее уже юркнул лысый Фло. Ухо и Эхо спрятались под столом. Мякиш с Твердолобом, следуя примеру командира, выставили щиты. Гномы, толкаясь, лезли по лесенке на верхний этаж или прыгали вниз. Всюду царила паника. А иглы всё падали и падали. С грохотом сталкиваясь друг с другом, они высекали искры, от которых в некоторых местах зажглась сеть.

— Помогите! Ёй-ёй! — позвала на помощь Ёлочка, которой в сутолоке не удалось найти себе укрытие.

Бедняжка отстала от паучих, потеряла где-то своё лукошко. Её ножка запуталась в сети, и буковка «Ё» упала. Пламя вокруг разгоралось. Как бы ни

была крепка паутина, против огня совести она была бессильна. Металлический звон сменился треском лопающихся в огне нитей.

— Ёй-ёй, — глухо стонала Ёлочка.

Надышавшись едким дымом, кричать она уже не могла.

Откуда ни возьмись над площадкой завис яблоколёт. Ему пришлось потеснить грузовую ромашку с перевёрнутым кузовом, которая едва держалась на лету. Кто управлял летательным аппаратом, из-за дыма не было видно, но, судя по тому, как яблоки водило из стороны в сторону, будто их выловили из бочонка с бродящим сидром, ясно было, что опыта по вождению яблоколёта у пилота недостаточно.

— Нужно открыть закрышки, включить брызгалки, пустить сок! — прокричал Фло, сложив ладони в виде рупора.

Как только он завидел в небе свои яблоки, каждый компьютерный винтик которых был закручен его руками, мастер не вытерпел и выбрался из шалаша, несмотря на опасность и слёзные уверения трёх кумушек-старушек.

Пилот, кем бы он ни был, по методу тыка нажимал на все подряд кнопки панели управления, ища нужную. Об этом нетрудно было догадаться. Сначала из левого яблока выдвинулись на пружинке ножницы, резанули раз по воздуху и скрылись. Затем включился и начал всасывать дым в толстую гофрированную трубу яблочный пылесос. Далее выехали из центральной кабинки две роботоруки с большущей скалкой, которые сделали пару движений, будто раскатывают тесто. Следом за руками одновременно из трёх яблок показались удочка с колокольчиком, прикреплённым к леске, лопата, грабли и ещё тот предмет, с помощью которого мамы обычно выдавливают чеснок.

Испугавшись, что яблоки от такого неумелого обращения сломаются, Фло-мастер взобрался на крышу шалаша, откуда, как он полагал, его будет лучше слышно, и, опять приложив ладони ко рту, крикнул:

— Жми на кнопку под номефом пять. Это в пфавом нижнем углу. Сфазу же найди под тем же номефом вентиль и пять фаз кфутани его влево. И, наконец, нажми на фычаг. До упофа!

Смельчак за штурвалом внял советам буквы «Ф». Лопата, удочка и прочие интересные, но бесполезные в данной ситуации и, может быть, даже вредные приспособления задвинулись. Вместо них открылись закрышки, заработали брызгалки, из которых полил яблочный сок. К счастью, огонь не успел перекинуться на соседние этажи верёвочной пирамиды, и пожар удалось быстро загасить.

— Бфаво! Молодец! Уфа!!! — зааплодировал Фло-мастер.

Его примеру последовали Ухо, Эхо, Юшка, Мякиш с Твердолобиком, Ёлочка, Чинита с подружками и даже хмурые гномики. Маша хлопала в ладоши с такой силой, что они покраснели и начали болеть, но девочку это не беспокоило, и она всё хлопала и хлопала, приветствуя героя.

— Эй-гоп! Эй-гоп! — торжественно запели гномы и вдруг осеклись, поскольку дым развеялся, и в яблочном оконке показалась улыбающаяся голова старика Сморчка. За его спиной маячила Тень.

Глава 21. Бунт гномиков

– Колдун? Тень? Наказать!.. – прошёлся по толпе ропот.

В основном это кричали гномы. Особенно старался обвинить Тень тот карлик, который обидел её, исподтишка уколом иглой:

– Гнать их нужно! Гнать! Злу в сказках не место! Это они во всём виноваты! Иглопад и пожар произошли по их вине! Да-да!!!

Белые глаза старика, просиявшие было, от такой несправедливости потухли. Его лицо, которое и без того было бледным, будто присыпали пудрой. Сжав губы, которые против его воли тряслись, готовые выпустить на волю стон, Сморчок повёл яблоколёт на посадку. Был, правда, момент, когда его охватило желание повернуть и улететь восвояси. Но куда? И что потом? Хранитель всё равно не выпустит. Да и от себя не убежишь... Возможно, он заслужил такое отношение? Возможно, они, все эти орущие, с искажёнными лицами в толпе, правы?

Когда яблоки приземлились на свободный от игл участок верёвочной площадки, серьёзно повреждённой огнём, началась сильная качка, и многие крикуны попадали. Подобный конфуз только добавил им злости. Возгласы стали громче и обиднее:

– Наказать и прогнать! Гнать, гнать! Поганой метлой их гнать!!!

Справившись с посадкой, Сморчок не спеша покинул кабинку. Верная Тень покорно стелилась у его ног. Маша, несмотря на попытки профессора Абра-ара удержать её, вырвалась, подбежала к старику, раскинула в стороны руки, будто детская хрупкая фигурка могла послужить ему щитом. Искренняя улыбка осветила лицо колдуна. Он приголубил девочку и мягко отстранил от себя.

– Пусть судят, – тихо сказал Сморчок, окинув гордым взглядом размахивающих топориками карликов.

– Что? Что он там бормочет? – возмущались, всё распаляясь, гномы.

– Пусть судят, – повторил стариц, однако же не повышая голоса.

Весь вид его был преисполнен достоинства. Он не отводил глаз, а напротив, пристально вглядывался в лица обидчиков, как бы спрашивая их, за что они так, почему... Смирение и мужество, проявленные Сморчком, которого все считали чёрным магом, смущили гномов. С крика они перешли на недоумённый шёпот, да и тот вскоре стих.

– Судите меня, если посмеете, – твёрдо сказал колдун, – но Тень мою не троньте. Она не виновата.

– Как же? Как же? Не виновата? Ха! – ухмыльнулся гном – зачинщик всего этого переполоха.

Однако на этот раз товарищи поддерживали его неохотно. Лишь немногие осмелились поддакнуть ему. Остальные стояли молча, опустив топоры.

– Юшка меня в печёнку, здесь надо разобраться, – вмешался, наконец, воевода.

Юговой стал рядом с девочкой и старицом. К нему присоединились Мякиш с Твердолобом, Фло-мастер со своими учениками, бабушки Чинита, Шань и

Щень, а также прекрасная Ёлочка. Буквы окружили Сморчка, давая понять гномам, что не дадут его в обиду.

Каратэ, водитель ромашки, спуститься не мог, так как верёвочная площадка не выдержала бы веса его ГРУЗКОСМРОМА. Поэтому брюнетистый усач решил помочь друзьям доступным ему способом: свесился с приоткрытого лепестка водительской кабинки, закатил рукава своей красной куртки и грозно, при этом смешно вращая зрачками выпущенных глаз, крикнул:

– Кто посмеет обидеть старика, познакомится с моим кулаком! Я сверху видел, как один из гномов уколол Тень иглой. Вот она и врезалась в мою машину. По-настоящему виноват тот, кто уколол!

– Неправда! Ложь это! Ложь! – петушился красноносый карлик, который стоял впереди и единственный из своих товарищей не желал успокоиться.

– Ах, – вздохнул профессор Абра-ар и, протирая очки, сказал, как бы между прочим: – Говорят, что на воре и шапка горит. А я скажу вам, уважаемые, что обычно тот, кто громче всех кричит и, так сказать, всех баламутит, и есть виновник преступления. Именно преступления, я повторю! Ибо это тройная подлость! Первое – обидеть Тень. Второе – спровоцировать аварию и тем самым подвергнуть нас всех опасности. Третье – перевалить на плечи невинной свою вину.

– Это кто здесь невинная? Тень, что ли? – снова взбеленился гном. – И доказательства... Где доказательства?! Поклёп! Я буду жаловаться!

– Юшкин кот, мне надоел этот галдёж! – взревел воевода и, подняв голову, спросил у Каратэ: – Ты можешь указать на гнома, уколотшего Тень иглой?

Водитель протянул было руку и замялся – ни с того, ни с чего он начал наматывать на палец кренделястый ус.

– Ну?! – нетерпеливо выпетело из Юшкиной бороды, которая от напряжения наэлектризовалась и неряшливо торчала, будто состояла не из волос, а из проволоки.

– Как тут разберёшь, кто из них есть кто? – покачал головой Каратэ. – Ведь гномы все одинаковые... Маленькие, красноносые, хмурые. И одеты они, как на зло, одинаково – рабочая синяя роба...

– Обвинения беспочвенные! Нет доказательств! Нету!!! Милицию сюда! Милицию! – загорланили осмелевшие гномы, сгруппировавшись вокруг главного крикуну.

Глава 22. Ох, милиция!

– Опаньки, что здесь происходит? – поинтересовался, для солидности сдвинув брови, полненький милиционер, который красиво гарцевал верхом на молодом горячем кузнецом. Специально для земной девочки представитель сказочного закона козырнул: – Оперуполномоченный Опанас Оперенко. К вашим услугам!

ОПАНАС ОПЕРЕНКО

Машенька присела, изобразив реверанс. Она узнала в новом знакомом букву «О», чей символ был вышит на синем мундире, как раз на том месте, где, округлившись после обеда, проглядывало сътое брюшко. Милицейская фуражка была мала для коротко стриженной головы буквы «О», поэтому сползла почти на самый затылок. Чтобы она не слетела, милиционер периодически хлопал по ней ладонью или поправлял полосатым жезлом.

Легко преодолев расстояние в два этажа, кузнецик приземлился возле гномов, затанцевал, пошёл кругами, закусил удила и, если б мог, непременно заржал бы по-лошадиному. Всадник успокаивал своего скакуна, натянув поводья и скжав коленями его зелёные бока:

- Тпру, тпру! Ох-ох! Стой, я тебе говорю!

Тпруканье не помогло. Кузнецик стал на дыбы, сбросил милиционера, после чего подпрыгнул к яблокам и грызнул, не испросив на то разрешения, кусочек ароматной сочной мякоти.

- Кафаул! Он же гфызёт наш космолёт?! - запаниковал Фло-мастер.

- Ох-ох, что ты, окаянный? Ох! - побежал следом за кузнециком милиционер.

Но куда ему равняться в прыткости с быстроногим скакуном? К тому же его спецботинки на толстых подошвах и со шпорами в виде звёздочек всё время цеплялись за верёвочную сеть. Милиционер спотыкался, падал, охал и вставал, снова падал, охал и вставал. В конце концов, Опанасу надоело падать, и он, вспомнив о чём-то, полез проверять свои карманы: похлопал по ним, пощупал, вывернул, потрусили. На площадку посыпалась ванильные баранки, а из-за пазухи, куда также наведался с проверкой милиционер, выпал большой, присыпанный маком бублик.

- Кузь, Кузь, Кузь! Подь сюда! - подзывал Опанас кузнецика и постукивал баранками, которые нанизал на свои короткие толстые пальцы.

Это сработало. Оставив в покое яблоки, кузнецик, словно загипнотизированный, поскакал на стук баранкиных кастаньет.

- Родненький, - окликнула милиционера с верхнего этажа чернокосая цыганка и сбросила ему красный плащ. - Лови. Пригодится.

Свободной от баранок рукой Опанас подхватил плащ и, когда скакун уtkнулся своей прожорливой мордочкой в угощение, набросил его на голову кузнецика. Под яркой, переливающейся гладким шёлком накидкой раздалось хрумканье. Кузнецик, похоже, успокоился и полностью сконцентрировался на поедании вкусных баранок.

- Хи-хи, - не удержала смешок Машенька, - зачем нужен плащ?

- Ах, - довольно потёр руки Абра-ар, уже соскучившийся по своим профессорским пояснениям, - это чтобы отвлечь внимание скакуна. Антресолевские кузнецики, видите ли, без ума от яблок. Если увидят их,

точно с ума сходят. Ах, уважаемые, полагаю, что яблоколёт стоит сменить место парковки. Пока баранки с бубликами не закончились!

Ухо, Эхо и Фло-мастер бросились к своим кабинкам. Заурчал мотор, завертелся, издавая тихий прерывистый звук, многолопастный пропеллер. Яблоколёт пару раз подпрыгнул, раскачивав веревочный гамак, взлетел, описал дугу вокруг ствола могучей ели и скрылся из виду.

- Ох, одной проблемой меньше, - расслабился Опанас Оперенко и тыльной стороной широкой ладони вытер вспотевший лоб.

Затем, бросив быстрый взгляд на колышущийся плащ, под которым по-прежнему громко хрумкал кузнецик, милиционер приподнял свою тесную, маленькую фуражку, достал спрятанный на затылке запасной бублик, засунул его себе в рот и, с наслаждением причмокивая, начал посасывать, словно малыш соску.

- Рарури-ра, ха-ха! - зашлась весёлым смехом цыганка на верхнем балконе. Без стеснения тыча пальчиком с длинным ноготком в оперуполномоченного, красавица выкрикнула с издёвкой: - Тоже мне страж порядка! Ведёт себя, как ребёнок. Поди, забыл уже, зачем сюда прискакал? Бравый, бравый офицер! Ра-ра!

- Ох ты?! - погрозил кулаком цыганочке Оперенко.
- Ты у меня, Розочка, дошутишься.

- Ро-ро, хо-хо! - не унималась насмешница. - Что ты мне сделаешь, начальник? Лучше расследуй давай, допрос учини. Я же здесь как бы между прочим. Я всего лишь буква «Р». Шла себе, по своим делам, а ты ругаешься.

Гномы обступили милиционера. Некоторое время они с интересом слушали, как пререкаются буквы «О» и «Р». Но очень скоро им надоело оставаться в стороне, и карлики приступили к своему любимому занятию - начали кричать и ругаться. Ор поднялся невероятный!

- Требуем справедливости!
- Какой позор?!
- Права честных гномов попраны!
- Колдуна наказать, Тень сослать!
- Тёмным не место в сказках!

Крикуны напирали на букву «О», всё громче кричали и всё активнее размахивали локтями. Самые ушлые из них, пользуясь неразберихой, под шумок, подбирали не замеченные кузнециком баранки и прятали у себя за пазухой. В конец обнаглев, гномики полезли под плащ, чтобы отобрать последний бублик у скакуна Кузи.

- Ох-ох, - взмолился Опанас, - не все сразу, по очереди рассказывайте. Я ничего не разберу.

Его лицо раскраснелось, и теперь оперуполномоченный мало чем отличался от красноносых карликов. Разве что фуражкой?..

РОЗОЧКА

Цыганка-чечётчица

Терпение Юшки Югового лопнуло. Ударив копьём о щит, он протрубил своей лужёной командирской глоткой:

– Тихо-о-о! Юшкины дети, молчать!

Крикуны умолкли, попятались. Грозного воеводы все побаивались, и даже строптивые гномы.

Воспользовавшись затишьем, милиционер предложил:

– Ох-ох, пусть кто-то один изложит, в чём суть дела.

Вперёд вышел Абра-ар. Будучи буквой «А», первой в алфавите, он слыл самым грамотным гражданином Антресолии, поэтому никто не возражал против его кандидатуры на роль рассказчика.

– Ах,уважаемый милиционер, эти любезные, эти милейшие граждане, – профессор указал на гномов, которые от удивления вытянули шеи, поскольку их ещё никто не называл ни любезными, ни тем более милейшими, – хотят сказать...

– Утверждаем! – стукнул кулаком о кулак главный крикун.

– Что, – как ни в чем не бывало продолжил Абра-ар, – Тень по имени Ахуратс, прирученная колдуном Сморчком, является виновницей того ужасного происшествия, свидетелями которого мы все стали совсем недавно.

– Мы чуть не погибли здесь! Всё из-за неё, поганой! От зла добра не ждут! – злобно выкрикивали карлики.

– Ах, – всплеснул руками профессор, – в этом деле не всё ясно. Тень столкнулась с грузовым космолётом – это факт, спровоцировала иглопад и пожар – это тоже факт. Тем не менее, есть показания водителя ромашки, согласно которым она проделала всё это ненарочно, её подтолкнули к совершению преступления. И сделал это гном, уколовший Тень иглой.

– Опаньки? – взялся за кобуру Опанас Оперенко. – Вы провели опознание?

– Ах, в этом как раз и состоит проблема. Взгляните на гномов. Они ведь все одинаковые с лица. Как их различишь? Замкнутый круг получается...

– Конечно, конечно, – подтвердил слова профессора Каратэ, который подмигивал правым глазом очаровательной Розочке, а левым старался не упустить из виду прекрасную Ёлочку. Со стороны могло показаться, что водитель совсем окосел.

– Чего это он? – вырвалось у сердобольной бабушки Чиниты. – Ты, милок, случ-ч-чайно не заболел?

Гномы разразились хохотом.

– Эй-хо! Эй-хо! – дразнились они, тыча короткими грязными пальцами в Каратэ. – Глазастый! Ничего не скажешь, ха! Ха-ха!

Хыхыкали, не стесняясь, Мякиш и Твердолоб. Даже Юшка Юговой, хоть ему полагается быть серьёзным, схватился от смеха за живот. Чтобы заглушить смешок, он закрыл рот бородой и ненароком прикусил её. Смех перерос в похожий на хрюканье кашель:

– Кхрю, кхрю...

Опанас Оперенко вынул из кобуры пистолет, направил его в воздух и выстрелил. Шипя, над площадкой вспыхнул фейерверк: распустились

волшебные цветы, составленные из разноцветных огоньков. Долго цветы имели не позволили, затушили огоньки колючими ветвями. Но тех нескольких секунд, пока длилось волшебство, хватило, чтобы успокоить гномов. Воцарилась тишина. Все взгляды устремились на милиционера, который от такого внимания почувствовал себя важной персоной, приосанился и поправил жезлом фуражку. Для закрепления эффекта Опанас взобрался на спину кузнечику, забыв, правда, снять с него плащ, выставил перед собой жезл, словно гетман булаву, и торжественно объявил:

– Ответственно обещаю вам разобраться в этом запутанном деле. Виновный непременно будет наказан. В интересах следствия прошу всех проследовать за мной в Отдел.

Глава 23. Отдел № 147

147-й Отдел Антресолевской Милиции (ОАМ), отвечающий за порядок в Лесу Совести, располагался не в пирамиде, как этого следовало ожидать, а в дупле засохшей, сбросившей все свои иголки ели. Этой новости Маша весьма обрадовалась. Она устала бродить по верёвочной сети, которая от такого количества ног, беспрестанно её попирающих, раскачивалась, подобно кораблику посреди бушующего моря. Путники вынуждены были вновь и вновь падать. То и дело раздавались жалобы и ругательства гномов, пресекаемые новыми ругательствами, но уже из уст Юшки, с которым спорить не полагалось.

«Сюда бы Бурундунчика и Вьюна, – пришла в голову девочки нелепая мысль. – Их бурчание и ворчание отлично вписались бы в общий ругательно-жалобный хор».

– Б-б-бандиты! Б-б-беспорядок! Б-б-беспрепредел! Б-б-буду жаловаться! – вылетело вдруг, словно по заказу, из огромного дупла, над которым висела табличка с надписью: «ОАМ № 147».

– Вот увидите! В высшие инстанции обратимся! Вай! – грозился Вьюн.

Дзинь-да-да плакала и сквозь слёзы кого-то спрашивала:

– Друзья наши пропали, а вы ничего не делаете. Как же так?

Ей отвечали скучным, официальным голосом, каким обычно отвечают тётиньки за стеклянными перегородками с маленькими окошечками:

– Я вам в сотый раз повторяю, что мы не имеем права принять заявление о пропаже ваших друзей, пока не прошло трёх суток. До тех пор в соответствии с законодательством Антресолии факт пропажи не доказан. В общем, приходите через трое суток.

– Грандиозно?! И кто придумал такие законы? А если их там пытают, мучают? А если... А вы?! – возмутился обычно невозмутимый Гагатун.

Послышался грохот. Видно, упало что-то большое и тяжёлое. Фить, фить, фить! – сердито разнёсся свист милицейской свистульки. За ним последовал

шум возни с клацаньем наручников и стоном ржавого засова, который сначала торопливо отодвинули и затем задвинули.

«Должно быть, от тюремной камеры?» – испугалась Машенька, услышав эти подозрительные звуки.

– Ах-ах, – развелся профессор Абра-ар, – я же предчувствовал, я же говорил?! Не стоило нам оставаться на чаепитие. Надо было нам поспешить.

Дупло было достаточно широким. И всё же гномы, которые ринулись в него всей толпой, застряли в проходе. Юшка Юговой, с одной стороны, и Оперенко, с другой, ругались, каждый на свой манер, принуждая неразумных гномов отступить, выстроиться в ряд и входить в дупло по одному. Большинство карликов, хоть и не сразу, но послушались. Лишь некоторые из них предпочли поступить по-своему: рубанули топориками по дуплу, расширили вход.

– Ой, – только и смог вымолвить милиционер.

Внутри дупла вертелись две шустрые белки в синей милицейской, такой же, как у буквы «О», форме. С той лишь разницей, что вместо штанов на рыженьких зверушках были надеты присборенные юбочки.

– Милицейские дамы! Милиционерки!!! – восхищённо воскликнула Маша, во все глаза рассматривая белок, которые были выше её ростом, разговаривали по-человечьи и вдобавок ко всему носили такую красивую форму.

Одна белка с завидной ловкостью отбирала у входящих в дупло гномов их топоры. Будто это были обыкновенные игральные дротики, она бросала их в сторону стены, расположенной напротив входа и размеченной как метательная доска. Не успевали карлики опомниться и разразить что-либо по этому поводу, как их любимые топорики вонзались в центральный чёрный кружочек стены-доски, наполовину погружаясь лезвием в дерево.

– Опять в десятку! – хвалила подружку вторая белка и клацала язычком.

Её задача заключалась в другом: она распределяла задержанных по камерам. Других, более комфортных, помещений в дупле не наблюдалось, да и то на всех камер не хватило. Пришлось импровизировать. С этой целью действовали дятла в красной шапочке, который числился при пирамиде как специалист по хозяйственной части. Дядюшка дятел охотно согласился помочь правоохранительным органам и выдолбил клювом с десяток дополнительных камер. Работал он в спешном порядке, поэтому камеры вышли несколько корявыми, зато со скамейками, а скамейки – со спинками. И ещё маленький столик в придачу, как в купе вагона.

Гномы, лишённые своего оружия и заточённые в камеры, возмущались:

– Разве мы преступники, чтобы нас сажать? Караул! Вы ещё за это поплатитесь!

Белки, ко всему привыкшие, игнорировали шум и угрозы. Выполняя распоряжения Опанаса Оперенко, они доставали с полочек толстые папки, перелистывали их, искали какие-то бумажки, что-то записывали в красный журнал и попутно не забывали отвечать на то и дело раздававшиеся телефонные звонки:

– Алё?! Алё?! Минуточку!

– Слушаю! Записываю! Ждите!

Машеньку определили в дамскую камеру, где уже расположились, едва уместившись на скамейке, бабушки Чинита, Шань и Щень. На скамейке напротив сидела, потирая вывихнутую во время иглопада ножку, зеленоглазая Ёлочка, а рядом с ней – Дзинь-да-да. Буковку «Д» малышка была особенно рада видеть, поскольку очень по ней соскучилась.

За стенкой слева боялись, требуя начальника, Бурундун, Вьюга-вьюн и Гагатун. В случае невыполнения их требований они грозили объявить голодовку. Примерно такого же содержания возгласы доносились из камеры справа, куда временно отквартировали группу гномов.

Прислушиваясь к ним, Маша подумала: «Гномикам, наверное, легче бунтовать, ведь они недавно отобедали? А вот Бурундунчик, Вьюнчик и Гагатун наверняка голодные. Каково им сейчас? Бедняжки. И всё это из-за меня...»

Дзинь-да-да обняла малышку, ласково похлопала её по плечу.

– Как я рада, – прошептала она на ушко Машеньке, – что ты нашлась. Когда мы сели на пирамиду, ты, должно быть, выпала из яблока, и тебя унёс ветер. Мы аукали, звали тебя, но ты не отзывалась. Как мы испугались... Да... Хорошо, что ты нашлась. Да! Хорошо!

Глава 24. Зелье правды

В дупло вошла с высоко поднятой головой молоденькая медсестричка в салатовом халатике. Перед собой она катила столик на колёсиках, на котором позывали многочисленные стеклянные колбочки, а в них побулькивала и пускала пузыри мутно-зелёная жидкость. «Зелье правды» – так было написано на каждой колбе красной краской.

«То самое, наверное, – задумалась Машенька, постукивая пальчиками по подбородку, – которое на иголках совести настаивают? Интересно! Значит, сейчас кого-то будут допрашивать? Очень интересно!»

– Зелёночка, – позвала медсестру бабушка Щень, которой непременно нужно было обо всех заботиться, – скушай пирожок, дорогая.

– Здесь не столовая, – сказала, как отрезала, буковка «З», ибо это была именно она, а затем, смягчившись, таки протянула руку за угощением. – Спасибо. Потом скушую. А с чем пирожок?

– С щавелём, – полное лицо Щенюшки осветила добродушная улыбка.

Немного погодя, когда Зелёночка докатила свои колбочки до милицейского справочного стола, заваленного стопками бумаг, в дупло влетели три комара. Жуть! С огромными хоботами! Если бы

Медсестра ЗЕЛЁНКА

на них не болтались салатовые халаты, помеченные красными крестами, Маша испугалась бы. А так девочка подумала, что это наверняка санитары, а значит, они должны быть хорошими.

Скромно сложив лапки за спинами, комарики выстроились в шеренгу и направили хоботки, своё санитарское орудие, на Зелёнку. Медсестра, в свою очередь, не сводила вопросающего взгляда с буквы «О», ведь в Отделе № 147 Оперенко числился главным. Милиционер дал добро – махнул связкой баранок, которыми, между делом, закусывал.

Белки-милиционерки, выполняя приказ жуящею Опанаса, начали выводить по одному в центр дупла задержанных гномиков. Санитары засасывали в хоботки содержимое колбочек и быстренько, пока допрашиваемые не поняли, что к чему, впрыскивали им зелье правды, нанося на шеи небольшие укусы. После каждой процедуры медсестра Зелёнка протирала пушинками, смоченными спиртом, места укусов и собственно «шприцы», то есть комариные хоботки, затем подсовывала санитарам новые колбочки с очередной дозой зелья правды.

Не удалось избежать укуса и главному свидетелю по делу иглопада – водителю грузовой ромашки. В интересах следствия необходимо было проверить, правдивы ли показания Каратэ, утверждавшего, что Тень не виновата. Водитель храбрился перед симпатичной медсестрой, накручивал на палец правый ус, но, когда санитар поднёс к нему «шприц», он нервно хохотнул и потерял сознание.

Прочим свидетелям, в том числе и Машеньке, пока не угрожала перспектива получить комариный укус. Однако, кабы чего не вышло, кабы чего не упустиТЬ, Оперенко решил подержать их в камерах – до выяснения новых обстоятельств.

«Обработанным» зельем правды гражданам полагалось дать письменные показания, поэтому белки раздали им чистые листы бумаги и карандаши. Все принялись строчить признание. Каждый гном признавался в своём грехе, у кого какой он был.

«Вчера перед сном я съел лишнюю булочку, – писал один карлик. – Обычно у меня идут в расход пять булочек: три с джемом и две с маком. Вчера же меня угораздило соблазниться шестой булочкой. М-м-м... Ням-ням! Со сгущённым молоком!»

«Где-то два с половиной года назад, – признавался второй гном, высунув язык, чтобы удобнее было слюнявить карандаш, – я взял взаймы у соседа, кривоухого эльфа, лопату. Надо было вскопать огород. Одолжил и не вернул. Сказал, что лопата сломалась, а на самом деле спрятал её в сарае. С тех пор там она и лежит, чтобы сосед не видел. Вот так».

«Чистосердечно признаюсь в том, – писал, обливаясь слезами, третий гном, – что храллю».

Каратэ тоже отличился – признался в любви сразу нескольким дамам. Одного листика ему не хватило, чтобы перечислить своих зазнобушек, поэтому, пока милиционерки были заняты гномами, водитель стащил

журнал. Когда белочки спохватились, было испорчено с десятка три регистрационных листов. Любвеобильный Каратэ вспомнил почти всех дам, имена которых ему подсказывало сердце, но ни строчки не написал о происшествии с иглами.

– Ох-ох, – стонал Опанас Оперенко, почитывая признания допрашиваемых, – это всё не то, не об этом я спрашивал.

Белки помалкивали, клацали дыроколом – своими острыми зубами, продевали дырки в исписанных бумажках, нумеровали их, сшивали, формировали новые папки, которые отправлялись на полки милицейского архива.

– Опаньки? – удивлённо почесал затылок Оперенко и ненароком смахнул свою миниатюрную фуражку, под которой прятался очередной маковый бублик. – Что-то я не пойму? По-моему, одного признания не хватает? Милочки, я к вам обращаюсь? Куда вы смотрели? Вы правильно посчитали гномов?

Белочки, получив нагоняй от начальника, недоумённо подёргивали ушами. Одна из них пересчитывала бумажки, другая принялась считать гномов, указывая на каждого из них рыженьким хвостиком. В папке, как выяснилось, было подшито сорок пять признаний, в то время как допрашиваемых числилось на одного больше. Этот факт также подтвердила медсестра Зелёночка, у которой согласно её записям и пустым колбочкам было израсходовано сорок шесть доз зелья правды.

– Ох ты?! – Опанас гневно стукнул по столу кулаками, в каждом из которых было зажато по бублику. – Выходит, что один увильнулся от признания? И кто это у нас такой хитрый?

Белки подвели к столу начальника сорок шестого гнома с надутыми, как у хомяка, щеками. Из рта его торчали клочки бумаги.

– Вот этот, – пропищали милиционерки, – свой лист бумаги съел, а карандаш сломал.

– О-о-о? – приподнял правую бровь Опанас Оперенко и, недолго думая, тыкнул толстыми пальцами в щёки гнома, которые моментально сдулись.

Карлик, не ожидавший подвоха, сплюнул прямо на милицейский стол обрывки своего признания. Это только разозлило букву «О», чей стол так нагло испачкали. Оперенко, всей своей грузной массой перегнувшись через стол, схватил гнома за грудки и только сейчас заметил, что его рабочая одежда покрыта подозрительно липкими и чёрными пятнами.

– Опана?! – приподнял на этот раз левую бровь милиционер. – Что у нас? Похоже на чернила? Отправить надо на экспертизу. Но и без вывода экспертов я скажу, голубчик, что ты и есть тот самый трус, который исподтишка уколол Тень иглой. Она, видимо, тебя чернилами пометила. Ох, и трус ты! Трус! Раз натворил столько бед, а сам в кусты?

– Трус... Трус... – признался гном, не в силах противиться действию зелья правды, и зарыдал. – Это я во всём виноват. Это я...

Глава 25.

И снова Лес Совести

С иглопадом и пожаром разобрались. Виновного гнома обязали принести публичные извинения Тени. И это он ещё легко отделался. Всё благодаря заступничеству колдуна Сморчка, чего, говоря по правде, никто от него не ожидал. Но факт остаётся фактом – именно по просьбе старика начальник милиции согласился не возбуждать дело.

Бригада гномов, чтобы искупить вину нерадивого сородича, запятнавшего честь целого клана, взялась отремонтировать повреждённую пожаром верёвочную площадку. Им вызвались помочь Ёлочка-вязальщица и паучихиткачики. Но вот незадача – волшебные нитки закончились. Не из чего плести новую сеть.

Посовещавшись, буквы сошлись во мнении, что яблоколёт следует отправить в Сумеречную Долину, где располагается ткацкая фабрика пауков-магов. По уверениям Фло-мастера, яблоки, не без участия Тени, удалось привести в норму, и они быстренько слетают на Границу. Если б только горючее где-то достать...

– Я могу слить вам из ромашки оставшееся топливо, – поступило предложение от Каратэ. – На половину пути должно хватить, а там дозаправитесь. Моя же машинка, как я погляжу, надолго здесь застряла. Пока починим кабачок, отрегулируем ромашку, заново погрузим иголки, вы, надеюсь, вернётесь.

– Сефдечно вас благодафю, милый дфуг, – растрогался до слёз Фло и полез к водителю обниматься.

Каратэ отмахивался от такого проявления чувств, аргументируя это тем, что привык обниматься исключительно с дамами.

Чемодан было решено не брать в Сумеречную Долину, дабы он не тормозил полёт космояблока. Опанас Оперенко предоставил для кораблика милицейскую стоянку. Самим же пассажирам придётся коротать время в дупле, то есть в камерах. Не очень весело, конечно, но гостиницы при пирамиде нет.

Машенька молча смотрела на то, как Ухо, Эхо и Фло-мастер готовятся к полёту: переливают горючее по специальной трубе, протянутой от ромашки к яблокам, смазывают маслом пропеллер. Смотрела она так, смотрела и вдруг расплакалась.

На вопросы друзей, что случилось, не болит ли что, девочка, всхлипывая и икая, ответила:

– Это что же получается? Я, понимаешь, в первый и, может, в последний раз попала в сказку, а на все чудеса посмотреть не могу. Как это так?! Без меня летят!.. Я буду здесь, а фабрика там... А там нитки... У-у-у... Я тоже хочу лететь. Можно?

– Ах, – профессор Абра-ар погладил Машенькину головку, – мы не вправе указывать человеческому детёнышу. Лететь или не лететь, земная девочка решает сама.

– Б-б-быр, – поёжился Бурундун. – Предупреждаю – там пауки! Пауки!!!

– Ничего, – улыбнулась малышка сквозь слёзы, – пауков я не боюсь. К тому же я не буду одна.

– Ёй-ёй, – взяла Машу за руку Ёлочка, – я буду с тобой. Как специалист по вязанию я обязана посетить фабрику. Иначе кто будет выбирать нитки?

– И мы с Тенью полетим, – заявил стариk Сморчок. – Думаю, нет нужды доказывать, насколько полезной может быть моя Ахурат?

– Верно, верно говорит, – согласился с колдуном Вьюн.

– Да-да, – поддакнула Дзинь-да-да.

Итак, мастер Фло, Ухо, Эхо, Машенька, Ёлочка, стариk Сморчок и Тень сформировали новую команду. Мест в яблоках хватило на всех. Даже осталось одно свободное кресло. Его занял гном – тот самый, по вине которого случился пожар.

– Я виноват, мне и лететь, – сказал карлик, устраиваясь в кресле рядом с Машей. – Кстати, меня Пупырышком зовут.

– Очень приятно, – вежливо кивнула девочка.

Она клацнула замочком на ремне, которым пристёгивала себя к креслу. Один раз Машенька уже выпала из яблочной кабинки, и ей не хотелось повторить этот опыт. В конце концов, в следующий раз спасительной сети может и не оказаться.

Яблоколёт попробовал новое горючее, оценивая, вкусно ли, загудел, давая понять, что сойдёт, и взмыл над площадкой. Фло-мастер включил систему навигации, которая должна была помочь яблокам пробраться сквозь еловые заросли без ранений.

– Полёт нормальный, э-э-эх! – сообщил спустя некоторое время Эхо, сложив кружочком указательный и большой пальцы.

Мастер Фло ничего не сказал, только удовлетворённо закинул ногу на ногу. Яблоки ловко маневрировали между иглами, избегая столкновения с ними. Казалось, ещё чуть-чуть, и колючие джунгли закончатся, но не тут-то было. Спохватившись, подул ветер. Он не желал выпускать свою игрушку, он настроился на долгую игру.

– Подую, подую! – шумел проказник, раскачивая пушистые еловые ветви.

Букву «Ф» шалости ветра не смутили. Наученный прошлым полётом по Лесу Совести мастер подстраховался – настроил защитный купол. Совершенно прозрачный, он не был заметен глазу, однако надёжно укрывал собой яблоки. Стоило какой-нибудь настырной игле посягнуть на их кожуру, как купол активировался, наполнялся светом, под воздействием которого иголки плавились. К обороне яблоколёта подключились также электроножницы, сострившие иглы на его пути. Только и слышно было: чирк-чирк, чирк-чирк.

Ветер обиделся, надулся и, казалось бы, отстал, но уже через минуту, когда яблоки почти достигли вершины леса, на них обрушился мощный поток воздуха. Космолёт закружило в вихре и отбросило назад – в колючие дебри. Однако и в данной ситуации находчивый Фло не растерялся, успел нажать на нужную кнопку. Из яблок выбросило цепь, к которой крепился якорь с закрученным носом. Он нырнул под пышную мантию красавицы-ели, зацепился крючком за

ветвь. Цепочка, следуя за якорем, окрутила стройный ствол дерева. Яблоколёт завис и, словно маятник, начал раскачиваться от ели к ели, растапливая защитным куполом их колючую хвою. Иголки совести, оплывая, густыми каплями падали на шершавые стволы, тут же к ним прикипали и застывали, образуя причудливый рисунок.

Из яблок выдвинулись две роботоруки, которые поиграли немножко пальцами, предчувствуя интересную для них работу, и обняли заляпанный совестью ствол. Испачкавшись, руки липли к коре и с треском от неё отрывались, оставляя навечно на бедном дереве свои отпечатки. Постепенно, виток за витком, они раскручивали цепь и поднимались на еловую верхушку, где их ждал якорь.

Ели раздвинули ветви, желая скорее избавиться от мучивших их пришельцев. Ветер, напротив, пытался им помешать. И всё же, как ни бушевал он, как ни боянил, вернуть себе игрушку не получалось – яблоки каждый раз от него ускользали. Деревья, рассерженные, хлестали ветер по пальцам, наказывая за шалости.

– Не ш-ш-шали! Не ш-ш-шали! Ш-ш-ш!!! – суровым шелестом отчитывали они проказника.

Ветер плакал и стонал, дул на свои вспухшие пальцы:

– Подую-дую-дую... Подую...

Глава 26.

Тучкины слёзы

Розовым румянцем встретило антресоловское небо путешественников, которым таки удалось вырваться из колючих объятий Леса Совести. Пухленькие мыльши-облака щекотали друг другу розовые пятки, а когда на горизонте показались яблоки, они бросили это милое занятие, начали посасывать свои нежные пальчики и с любопытством рассматривать летательный объект. Особенно привлек их внимание крутящийся с призывным свистом пропеллер.

– Карусель! – решило толстое облачко с кучеряшками и зацепилось за одну из его лопастей.

– Ура! Карусель!! Карусель!!! – кричали взахлёб облака, пытаясь запрыгнуть на свободные лопасти пропеллера.

Но что поделать, если карусель одна, а желающих покататься на ней слишком много? Всем облакам на пропеллере не уместиться. Естественно, началась потасовка. Полетели оторванные в драке клочки облачной ваты, которая, подтаяв на солнце, охотно липла к окнам космолёта. Снедаемые любопытством облака высунули розовые язычки и принялись слизывать вату, чтобы хотя бы одним глазком подсмотреть, что происходит там – внутри ЯЛО. И здесь каждый малыш хотел быть первым. Облака пинались, щипали и кусали друг друга, и в этой грандиозной возне они соединялись в одну большую тучу.

Сменив розовый наряд на лиловую шубку, туча ударила в ладоши. Раздался раскат грома. Зубастые молнии изрезали шубку на лоскуты. Это расстроило тучу. Почернев, она расплакалась.

– Бам, бам, бам! Вот вам! Вот вам! – тарабанили капли по яблочной обшивке, оставляя на ней вмятины.

Спасибо клейкой смазке, которой обработала космолёт Ахуратс. Без неё яблокам пришлось бы туго. Защитный купол, который так кстати пришёлся в Лесу Совести, в открытом небе почему-то лопнул. А дождь разошёлся не на шутку! И это было лишь начало.

Туча ножки замочила, отчего ещё больше расстроилась, потерла глазки, из которых посыпался град. Он добавил яблокам вмятин, более глубоких и широких, нежели следы от капель, но и здесь смазка Ахуратс помогла.

Туча из-за сырости, ею же порождённой, простыла.

– Гыр, гыр, гыр, – вылетали из тучиной груди страдальческие хрюпы.

– Ёй-ёй, бедняжка, – посочувствовала Ёлочка. – Надо ей как-то помочь.

– Уй, нам бы кто помог? – засомневался Ухо. – Вон всё небо заволокло. Нам не прорваться сквозь эту темень.

– Ёй-ёй, помочь надо, – настаивала на своём буковка «Ё» и достала из лукошка вязальные спицы. – Я бы связала для тучки тёплый шарфик, но для этого нужны нитки. Не простые...

– А золотые, – пощупила Машенька.

– Почти угадала, – улыбнулась Ёлочка. – Для тучки сгодятся солнечные.

– Уй, где солнце взять? – озадаченно потер переносицу Ухо. – Вы же видите – темно вокруг. Повторю – нам не прорваться.

– Э-э-эх... Проблема... – согласился с другом Эхо.

Старик Сморчок о чём-то шёпотом совещался с Тенью. Маше было очень интересно, но, как ни старалась, она не могла расслышать его слов. Девочка догадывалась, что колдун что-то придумал. Он не мог не придумать, ведь она верила ему. Ахуратс кивнула, просочилась сквозь яблочные стены наружу. Оставаясь незамеченной на фоне тёмной тучи, Тень отправилась на поиски солнышка.

Туча сгостила, чтобы снова разрыдаться. Но не успела первая слезинка плохнуться на яблочную кожуру, как солнечный лучик, беспечно-весёлый, высушил её и, хохоча, принял почёсывать тучки бока. Плакса-туча поначалу упрямилась, отмахивалась от луча, демонстративно кучерялась, но от такого назойливого внимания постепенно смягчалась, теряла черноту – к ней возвращался румянец.

Ёлочка высунулась из окошка, выставила спицы на солнышко, которое, пока ещё несмело, пока только одним лучистым глазком, заглянуло под тучину шубку. Это Ахуратс постаралась, приподняв тучу. Волшебные спицы сами по себе застучали: поймали лучик-нить и начали вывязывать солнечные петельки, а из петелек – красивый узор, который ёлочкой называется.

Лучистый шарфик нежно согрел тучку, окатил её тёплым золотистым душем. Наполнившись светом, она совсем растаяла. Лишь отдельные лоскуты,

оставшиеся от кучерявой шубки, напоминали о том, что совсем недавно небо хмурилось и плакало.

Тень, запыхавшись, юркнула в яблочную кабинку, где тут же спряталась, свернувшись клубочком под сидением своего хозяина. Ахуратс не хотела, подобно тучке, исчезнуть. Ведь жаркие лучи, не разбирая, кто на их пути, могли запросто её растопить.

— Какая ты хорошая! — похвалила Машенька уставшую Тень, которая осторожно дула на свои обожжённые солнцем руки и хвостик. — Знаю — это было трудное для тебя задание, но ты справилась. Спасибо тебе!

— Я горжусь тобой, — тихо сказал своей любимице Сморчок.

Тень настолько обессилела, что не могла, как обычно, ответить хозяину ласковым урчанием. Она лишь благодарно стелилась у его ног, наслаждаясь прохладой яблочного пола.

Яблоки продолжили полёт. Пропеллер весело жужжал, взбивая тучкины лоскуты в белую облачную пену. Свежий воздух врывался в салон космолёта, неся на прозрачных крыльях своих ароматы диковинных садов. Солнце, достигшее зенита, расщедрилось на тепло, залило мир золотой карамелью.

— Ах, жарковато, однако, стало, — пожаловался профессор Абра-ар, обмахиваясь шляпой.

— У-у-у, — застонал Ухо, задрал свою засаленную майку, обтёр ею покрывшееся крупными капельками пота лицо.

— То ветер, то дождь с градом, то зной, — загибал пальцы гном Пупырышек, перечисляя природные явления, с которыми всего за час полёта пришлось столкнуться космическим яблокам.

— Феноменально, но факт, — подтвердил мастер Фло.

— Ёй-ёй, мальчики, не хнычьте, не раскисайте, — урезонивала друзей Ёлочка. — Путь далёкий. Впереди нас ждёт ещё много испытаний. Это только начало, это только цветочки.

— Эй! Цветочки! — радостно сообщил Эхо, всматриваясь в монитор компьютера. — Внизу действительно цветочки! Цыпочкин цветник! Сделаем остановку, чтобы заправиться?

— Непременно остановимся, — без колебаний одобрил предложение Фло и, будто прихорашиваясь, делая вид, что расчёсывает несуществующую шевелюру, пригладил ладонью свою блестящую лысину.

Глава 27. Подсолнечная заправка

Выпив последние капли волшебного топлива, мотор космолёта раскашлялся. Его иссушеннное горло нуждалось в смазке. Яблоки повело из стороны в сторону. Пропеллер загудел громче, как бы спрашивая, что случилось, что произошло?

Внизу показалось жёлтое расплывчатое пятно, просто клякса. По мере снижения яблоколёта клякса эта увеличивалась, приобретая очертания пятиконечной звезды, засаженной подсолнухами. Круглые жёлтые головки цветов, начинённые пузатыми семечками, восхищённо смотрели на солнышко, которое играло для них на лучистой лягушке: брынь-брынь, брынь-брынь.

— Пфиготовьтесь, — честно предупредил пассажиров Фло, — сейчас нас хохошенько потфусит.

— Хм, — ухмыльнулся Пупырышек, — по-моему, нас всё время трусит.

Сказал он это тихо, чтобы не навлекать на свою голову гнев пилотов. Однако Машенька, которая сидела рядом с гномом, услышала его. И, честно говоря, она понимала Пупырышка. Действительно, где бы ни летел космолёт, его, будто нарочно, поджидали неприятности.

— Э-э-эх, — озабоченно эхнул Эхо, — топливо закончилось. Для посадки не хватит... Надо подключить парашют.

— Катастрофа?! — воскликнул Фло-мастер, который уже несколько раз пытался нажать на большую прямоугольную кнопку, но её, видимо, заело, и она не желала нажиматься. — Пафашют не откывается!..

Фло надавил на капризную кнопку обеими ладонями. Он тужился, кряхтел от напряжения, давил изо всех сил, на которые был способен, и всё же кнопка не уступила, не опустилась. Лишь треснула её пластмассовая оболочка.

Мотор покашлял, покашлял, требуя заправки, и, в конце обессиленный, умолк. Его примеру последовал пропеллер, который перестал вращаться и жужжать. Яблоколёт, лишённый поддержки волшебной техники, полетел вниз.

— Уй, мы разобьёмся... Уй, сейчас будет яблочное пюре... — мрачно пошутил Ухо.

— Пу... пу... пусть... Те... Тень... по... поможет... — еле выговаривая слова от страха и невероятной тряски, крикнул Пупырышек.

Старик Сморчок покачал головой и безнадёжно махнул в сторону залитого солнечным золотом окна.

— Нельзя — там свет, — пояснил он. — Слишком яркий. Он убьёт Тень.

Колдун хотел ещё что-то сказать, но не успел, поскольку яблоки упали. Как ни странно, они не разбились, даже не лопнула обшивка. Во все окна посыпалась семечки.

— Та-та-та! Что же это вы? Как это вы? Ну и угораздило вас?! — с тревогой в голосе тараторил кто-то снаружи.

Посыпалось шуршание. Зазвенели кованым железом лопаты, раскапывающие засыпанный семечками яблоколёт.

— Ца-ца, они там целы? Целы? — обеспокоенно спрашивала копачей девушка.

Ей в ответ сопели и бурчали что-то вроде того, что пока не понятно, пока ничего не разберёшь.

Пилоты и пассажиры яблоколёта некоторое время сидели молча, прислушивались к голосам извне, переглядывались. Первым опомнился Фло. Словно пианист перед концертом, он размял свои длинные тонкие пальцы, склонился над панелью управления, подумал немного, выбиря нужные

кнопочки, и заклацал, отбивая, как почудилось Маше, какую-то весёлую мелодию. За клацаньем последовала ответная реакция компьютера: яблоки слегка завибрировали, выпустили мётлы, которые принялись выметать из салона семечки.

В окна, потемневшие было от семечкиного изобилия, снова хлынул свет, да настолько яркий, что у Машеньки заслезились глаза. Тень, прячась от лучей, которые таки нашупали её, запрыгнула в хозяйствский сапог. Там солнышку было её не достать.

Раздался стук. Это стучали в окна. Во все сразу. В одном из них промелькнула широкополая синяя шляпа. Во второе окошко, как раз

напротив Машеньки, заглядывала, хлопая длинными, слегка закрученными ресницами, белокурая, вся в кучеряшках, девушка. Её румяное лицико озарял свет чистых голубых глаз. Прекрасная незнамка щокала язычком и сочувственно покачивала головкой, одаривая каждого путешественника тёплым, нежным взглядом.

- Цыпочка! Подружка! - позвала девушку Ёлочка и помахала ей рукой.

- Ца-ца, - улыбнулась красавица, которую, оказывается, звали Цыпочкой, - как я рада вас видеть! Выбирайтесь скорее. Буду вас потчевать, буду вас угостить.

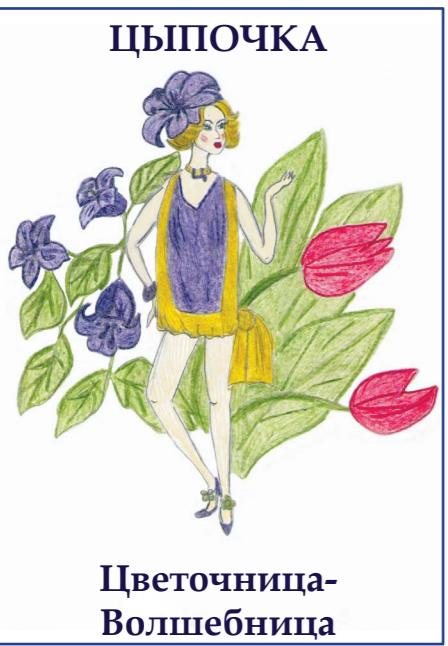
- Некогда нам угоститься, - поспешил отказатьсь от заманчивого предложения Фло-мастер, не обращая внимания на знаки, которые подавали ему проголодавшиеся уже Ухо и Эхо. - Дела у нас, видите ли, срочные. Нельзя, никак нельзя задефживаться. Нам бы только запфавиться. И пфошу вас - поскофей.

- Тату-тита, дела? Срочные? Интересно! А что за дела, трати-та? - полюбопытствовал обладатель шляпы, которая по-прежнему маячила за первым окном, полностью закрывая его своими невообразимо широкими полями.

Лица говоруна тоже видно не было. Создавалось впечатление, что это говорит сама шляпа.

- Цаца какая любопытная, - прикрикнула на шляпу Цыпочка. - Не болтай много. Лучше обслужи наших почётных гостей. По высшему разряду! Цок-цок! Быстрее! Это и к вам относится, мои дорогие!

Последнее восклицание было адресовано двум, не менее любопытным, нежели говорун под шляпой, сороконожкам, заглядывавшим в третье окно. Побросав лопаты, сороконожки, не спеша, с шутками да прибаутками, отправились к топливному баку. В качестве бака, как видно было на мониторе, выступала большая оранжевая тыква. Скорее всего, полая изнутри, раз в ней должно было храниться топливо.

Цветочница-Волшебница

Заинтригованная Машенька направилась к выходу. Картинки на мониторе её не устраивали. На всё происходящее ей хотелось взглянуть своими глазами.

«Ну как же? Сороконожки? С лопатами?! Я не могу такое пропустить!» - размышляла девочка, выбирайсь из яблочной кабинки.

Шур-шур! - приветливо зашуршали семечки. Машенькины ножки погрузились в них, словно в сугроб, почти до самых колен. Передвигаться по семечкам оказалось не так просто, как предполагала поначалу малышка. Нужно было высоко поднимать ноги, выбирайсь из «сугробов», и опять проваливаться в них, выбирайтесь и проваливаться. Каждый шаг давался с трудом, и Маша быстро устала, остановилась перевести дух, упёрлась ладонями в коленки.

Мимо неё на блестящих, намазанных маслом лыжах промчалась Цыпочка в коротеньком фиолетовом платьице. С её левого бедра свисал смешной «хвостик», будто платье стянули верёвкой и завязали сбоку узелком. Спереди и сзади наряд белокурой спортсменки украшала жёлтая аппликация в виде буквы «Ц».

- Цыпочка, значит, есть буква «Ц», - подытожила Машенька и, не сводя восхищённого взгляда с красавицы, легко скользившей по шуршащим семечкам, воскликнула: - Во даёт?!

- Так-так, ещё как даёт! - согласился с малышкой худющий, долговязый тип в до неприличия широкой шляпе.

Странного вида головной убор, больше напомнивший Маше миску с оливье, держался на его голове, которой он, между прочим, всё время вертел, благодаря протянутой под чисто выбритым подбородком резинке.

- А вы какая буква будете? - эдак с наскоку, прямо в лоб, спросила девочка, которая всё никак не могла вспомнить, какой букве алфавита характерны кощеевская худоба и тазик-миска вместо шляпы.

- Меня зовут Типун Таратуста, тата-тита, - представился долговязый и приподнял свою оригинальную шляпу.

Резинка натянулась, а когда Типун вернул шляпу на место, то есть на свою вертлявую голову, она сильно хлестнула его по щекам.

- Тата-тита, вот так всегда, - пожаловался Машеньке её новый знакомый, потирая щёки, которые сразу покрылись пунцовыми румянцем.

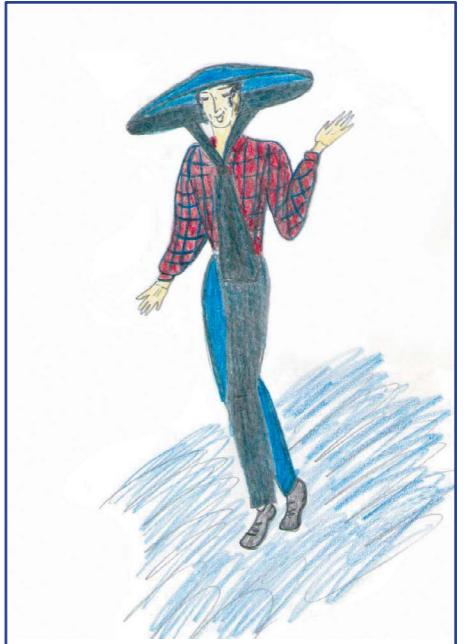
- По-моему, румянец вам идёт, - пошутила малышка и вдруг посерёзнела.

- Я вспомнила! Вы буква «Т». Ведь так?

- Таки так, - подтвердил Типун Таратуста, всё ещё держась за свои щёки.

Сороконожки, переобувшись в резиновые сапожки, вернулись за лопатами. Без них, видимо, дело не спорилось.

- Цок-цок, шагайте быстрее, - подгоняла своих медлительных помощниц Цыпочка и даже в сердцах стукнула лыжной палкой по топливному баку, возле

ТИПУН-ТАРАТУСТА

которого она уже давно стояла, поджиная их. – И ты, Типунчик, не мели языкком – лучше помоги.

– Так точно! Есть помочь! – козырнул Таратуста, закатал рукава своей клетчатой рубашки и, не скрывая удовольствия, весело присвистывая, начал вместе с сороконожками забрасывать семечки в голубую воронку, приставленную к тыкве-баку.

Подсолнечные семечки были лущены. Об этом позабочились синички, которые работали немного поодаль. Они клевали семки из одной кучки, выплёвывали чистые зёрна в другую, а из шелухи формировали третью.

Цыпочка следила за похожим на будильник устройством, стрелка которого показывала, насколько заполнен бак. Когда она дошла до цифры «12», будильник зазвенел. Буква «Ц» махнула помощникам, давая понять, что семечек достаточно. Типун вынул воронку, закрыл отверстие в баке пробкой, то есть пузатым жёлудем. Обе сороконожки, навалившись на красный рычаг, запустили в действие давильный механизм. Через горлышко в тыкву, будто в ступку, вошёл деревянный пест и принял там хозяйничать, выдавливая из семечек масло. Сначала послышались шуршание и треск, затем чавканье и хлюпанье. Тыква ходила ходуном, а Цыпочка прислушивалась, определяя по звуку, всё ли в порядке, правильно ли идёт процесс.

Когда пест отключили и тыквенная ступка успокоилась, внутри неё ещё долго плескалось свежевыжатое масло. Типун осторожно вынул жёлудь и, чтобы топливо не разлилось, быстренько вставил в отверстие трубчатый стебель какого-то гигантского растения. Другой конец трубы сороконожки уже подключили к яблокам. Чух, чух, чух – заработал насос, перекачивающий масляное топливо из бака к голодному космоплану. Яблоки, слегка подрагивая, жадно пили масло, а когда подкрепились, закружил в танце пропеллер. Яблоколёт понесло вверх. Машенька едва успела запрыгнуть в кабинку.

Глава 28. Ёй, радуги нет!?

Кратчайший путь на Границу пролегал через Радужные Ворота, которые находятся под охраной Жужиних пчёл. Жужа, со слов Ёлочки, – это буква «Ж», которую пчёлы избрали своей королевой. Очень капризная, зато справедливая особа. При ней министром числится маркиз Медок – буква «М». Мудрейшая голова! Медок – единственный из приближенных к Жуже, кто способен повлиять на неё в минуты слабости, когда она в угоду милым дамским капризам забывает о своих прямых, королевских обязанностях. А такое, как поговаривают пчёлки, случается довольно часто.

Ещё (это тоже буковка «Ё» рассказала) Жужа обожает искусство, поэтому нередко приглашает к себе во дворец антресолевских знаменитостей.

– Холст Хмелевич, например, – мечтательно закатила глаза Ёлочка. – Буква «Х». Талантливый художник. Он своей волшебной кисточкой, оживляющей любой рисунок, оформил весь королевский улей. Вот бы на это чудо посмотреть! Ёй-ёй, ну хотя бы на один рисунок!.. А может, нам повезёт, и мы застанем Хмелевича при дворе Жужи? Ёй!..

– Хм, – по привычке своей хмыкнул Пупырышек, – я бы на вашем месте на это не рассчитывал.

– Ну почему? – одновременно спросили Ёлочка и Машенька, которой тоже вдруг нестерпимо захотелось посмотреть на живые картины загадочного художника.

Гном не ответил, лишь покрутил носом.

– Нам некогда, если вы уже об этом забыли, – строго пояснил Фло. – У нас миссия! Пфоскочим мимо. С Жужей лучше не сталкиваться. Она такая... Она обязательно задефжит своими пустыми фазговофами... Пафдон, дамскими. Хотя, на мой взгляд, это одно и то же.

– Хм, – снова хмыкнул Пупырышек и снова выразительно покрутил носом.

– Вы что-нибудь имеете пфотив? – возмутился было мастер.

– Нет, – хлопнул себя по колену гном, – что вы, что вы?! Я как раз не против, но вот Жужа? Вряд ли она пропустит нас просто так. Вот увидите.

– Ёй! – не сдержала радостного возгласа Ёлочка. Поймав на себе суровый взгляд Фло-мастера, она отвернулась к оконечке, но опять вскрикнула, на сей раз испуганно: – Ёй-ёй?! Радуги нет??!

Взгляды всех прикипели к мониторам. Маша и Пупырышек предпочли выглянуть в окно, возле которого они сидели. Их любопытным глазам предстало живописная картина: посреди бескрайних зелёных равнин разлилась, сладко изгибаясь, молочная река. Запах парного молока, к которому примешивался ни с чем не сравнимый аромат полевого мёда, был хорошо различим даже здесь, с высоты яблочного полёта.

В том месте, где бурлящие белые воды образовывали двузубчатую вилку, должна была перекинуться от берега к берегу волшебная радуга. Об этом Машенька догадалась по едва различимому разноцветному мерцанию – слабому оттиску, который оставила радуга в небе после себя. Над радужными огоньками в панике кружили пчёлы. Они пытались в ведёрки собрать остатки красок, но не успевали – радуга гасла прямо на глазах. Дзынь, дзынь – с сожалением позывали пустые вёдра.

Последние огоньки, красный и синий, недоумённо моргнули и пропали. Пчелиный рой завис над рекой. Бедолашные не знали, что им делать. Впрочем, как не знали и пилоты космоплана, наматывавшего вокруг молочной развилки уже пятый круг.

– Уй, что делать будем? – спросил Ухо командира.

– Спускаться. Что же ещё? – как-то обречённо отдал распоряжение Фло-мастер.

Пупырышек встрепенулся.

- Я же говорил! - торжествующе задрал он кверху красный нос. - Я же предупреждал, что останавливаться будем.

Мастер Фло был подавлен. Настолько, что даже не справился с простейшей операцией - посадкой ЯЛО на ровной местности. Как следствие, яблоки пролетели над поляной, гостеприимно расстелившей для гостей травяной ковёр, и упали прямо в молоко.

- Ничего, э-э-эх, выплыvем, - успокоил друзей Эхо, позаботившийся о том, чтобы космолёт выпустил ласти.

Молоко оказалось тёплым. Это первое, что проверила Машенька, высунув из окошка руку и зачерпнув немного интересовавшей её белой жидкости. К ней поспешили мелкие рыбёшки. Они красовались перед девочкой, распустили золотистые плавники, пощипывали, выпрашивая корм, её детскую ладошку, щекотали хвостами, проскальзывали между пальцев. Те, кто посмелее, высакивали из молока, продевали перед Машенькиными глазами сальто и с громким плюхом возвращались в реку. Там их, аплодируя, ждали сородичи. Наверное, они кричали также «браво!» на своём, на рыбьем языке. Вон как рты разевали! Но малышка, кроме «буль» да «буль-буль», различить ничего не смогла.

Рыбки побулькали-побулькали, попрыгали-попрыгали и отстали от девочки, которая так их и не накормила. Потеряв к ней интерес, они всей стайкой метнулись к переливчато-красной лодочонке, покачивавшейся на молочных волнах недалеко от берега.

«Лодочка, как пить дать, будет леденцовой, - сладко сощурившись, подумала Маша и, сама не заметив этого, облизнулась. - Действительно? Если река молочная, почему бы лодке не быть леденцом? Интересно, какой он, этот леденец, на вкус? Клубничный, вишнёвый, малиновый? А может, смородиновый? По цвету вполне подходит. Как бы проверить? Ну хоть бы разочек лизнуть?»

Подкой правил, лихо орудуя веслом, белобрюхий паренёк в яркой, пёстрой рубахе. За его спиной стоял бородатый мужичок в высоком поварском колпаке и фартуке с аппликацией, изображающей надкусенную, всю в аппетитных дырочках головку сыра. Рядом с ним, на лавочке, разместились две большие кастрюльки. Из одной бородач доставал попкорн, которым тут же потчевал рыбёшек, ласково приговаривая:

- Сладкие вы мои, дорогие! Кушайте на здоровье!

Рыбки, подкрепившись, радостно забили хвостами. Молоко вокруг них, получив такую взбучку, заметно загустело. Мужичок довольно потёр руки, засунул бороду за фартук, чтоб не мешала, достал из второй кастрюльки половник и начал собирать им взбитые рыбками сливки.

- Спасибо, мои дорогие! Спасибо, мои сладкие! Славно, славно потрудились! Вы самые-самые!!! - не скучился на похвалу бородач в колпаке и послал рыбёшкам воздушные поцелуи.

- Ух ты?! Это кто же? Это буквы? Это что же они делают? Абра-арушка?! - Маша забыла на минуту, что профессора нет рядом, и по привычке обратилась к нему за объяснениями, но вспомнив, осеклась.

Объяснения, тем не менее, последовали - из уст Сморчка:

- Тот, что с веслом, в цветастой рубахе, - это лодочник Еремеем зовут.

- Еремей? Буква «Е»? Да? - уточнила малышка.

Колдун утвердительно моргнул своими жутковатыми белыми глазами.

- А кто второй? И что он делает половником?

- О, это Сыр Иванович. Буква «С». У него ферма здесь, поблизости - сырных рыбок разводят, а они, в свою очередь, помогают ему собирать с молочной реки сливки. Вкуснейшие в Антресолии!

Леденцовая лодочка приблизилась к яблокам. Еремей перестал грести, вытер лоб рукавом. В его светлых волосах блестели капельки молока.

- Солнца в ваши жизни, разлюбезные! - в сердечном приветствии снял колпак фермер.

Со своей бородой, засунутой за фартук, он выглядел немножко смешно, но Машенька, чтобы не показаться невежливой, сдержала смешок. Сыр Иванович, увлечённый сливкособиранием, не заметил, казалось бы, весёлых искорок в глазах девочки и, сохранив серьёзность, продолжил работать половником. Важно было сильно сливки не взбалтывать, снимать их аккуратно. Но так некстати с неба упало ведро, распугало всех рыбок, расплескало сливки. Сыр Иванович, с ног до головы залитый молоком, упустил половник, который жалобно булькнул и пошёл ко дну.

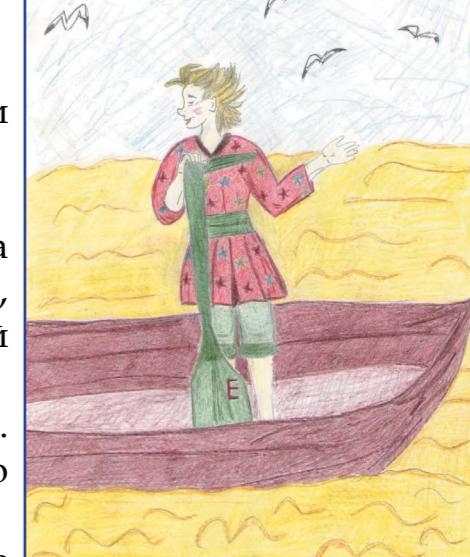
- Ей же ей?! - посочувствовал фермеру Еремей.

Прицелившись, он метко подцепил веслом ведро и выудил его из реки. Из ведёрка пролились собранные пчёлами краски, которые цветными струйками расплылись по молоку. Белоснежные сливки были окончательно испорчены. Сыр Иванович всхлипнул, снял колпак и, поддавшись отчаянию, начал его нещадно мять. По щекам фермера текли, смешавшись с молоком, слёзы.

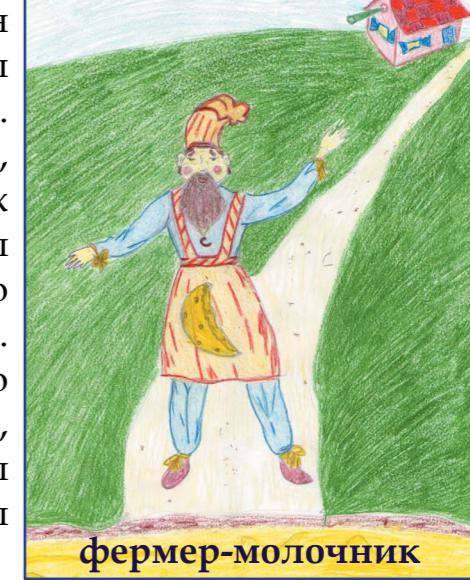
- Сливочки мои ис... испорчены.... С... столько труда пропало даром... - причитал он, обтираясь колпаком.

Потом вдруг всхлипывали стихли. Сыр Иванович поднял палец, прислушался. Малышка, удивлённая таким его поведением, тоже навострила уши. Чтобы ничего не мешало слушать, Фло-мастер заглушил яблочный мотор и выключил ласти. Все подняли к небу лица, откуда со стремительно нарастающим жужжанием на них мчался пчелиный рой.

Лодочник ЕРЕМА

СЫР ИВАНОВИЧ

фермер-молочник

Глава 29. Жуж-ж-жа!

Тысячи пчёл обеспокоенно жужжащей тучей накрыли небо над рекой. Потемнело, будто наступили вечерние сумерки. Ахуратс, осмелев, выглянула в окошко. Ей тоже было интересно знать, чем так озабочены пчёлы. Но не успела она как следует осмотреться, как «тучу» разорвало: пчёлы разделились на две половины, пропустив по центру снопы ослепительно ярких лучей. Тень разочарованно махнула хвостиком и снова спряталась в сапоге Сморчка.

Сквозь света поток прорвалась колесница – нежно-сиреневый бутон ириса с тремя позолоченными грецкими орехами, приспособленными вместо колёс. Только зачем нужны колёса, Маша не поняла, ведь колесница летающая?! Её несли четыре жука: трое майских и один колорадский, в полосатом сюртуке. Последнему больше всех доставалось от пассажирки. Элегантная дама в

пышном золотисто-зелёном платье от души хлестала его кнутом. За её спиной возбуждённо трепыхали два настоящих феевских крыла. На тщательно уложенных коротких волосах красовалась корона, тоже настоящая.

– С... с... сама королева к нам пожаловала, – сообщил, заикаясь от переживаний, Сыр Иванович.

Вспомнив о своём помятом колпаке, фермер засуетился, прикидывая, куда бы его спрятать подальше от строгих королевских глаз. В спешке у него не получалось придумать что-либо дельное, поэтому он просто засунул колпак в кастрюльку со сливками.

– Жу-ж-жа! Жу-ж-жа! – все как одна загудели пчёлы, отдавая честь своей королеве.

Буква «Ж», представшая перед Машенькой в образе красивой, гордой дамы, оставила, наконец, в покое колорадского жука и передала кнут одному из своих спутников. Это был толстенький господин в малиновой шапочке с задорно торчащим пером. Розовощёкий толстячок почмокал губами, промурлыкал что-то себе под нос, поиграл немного с кнутом, перебрасывая его из одной усыпанной перстнями ладони в другую, а затем всучил надоевший ему предмет второму спутнику, по левую руку королевы. Тот, будто нарочно, будто специально для контраста, отличался невероятной худобой. На нём болтался слишком просторный, стянутый на талии красным пояском плащ цвета

хаки. Волосы, собранные в причёску «ирокез», добавляли ему роста, отчего он казался ещё более худым и хлипким.

– Хи-хи, – схватилась за живот Маша, – ну и петух с гребешком?!

– С-с-с,тише, – приложил палец к губам Сыр Иванович. – Это же любимец королевы – сам Холст Хмелевич! Художник из с... с... столицы... С... скверный характер, говорят, у него.

– Ёй-ёй, Хмелевич! – подпрыгнула на радостях Ёлочка. – Тот самый художник, о котором я рассказывала. Знаменитость!

– С волшебной кисточкой который? Буква «Х»? – спросила малышка, изо всех сил стараясь, чтобы её голос звучал серьёзнее, не так смешиливо.

– Ёй-ёй, он! Он самый!

– С худеньким разобрались, – кивнула Машенька, – а кто тогда толстяк, с пером?

– С-с-с, не с... с... стоит так говорить. Ещё ус... услышит, обидится... Это же... Это же... – с таинственным видом сказал фермер, слегкотнув и, перейдя на шёпот (колесница уже близко была), добавил: – Маркиз Медок! Министр всех дел! Буква «М»!

Пчёлы опустились настолько низко, что, казалось бы, ещё чуть-чуть, и они окунутся в молоко по самые крыльшки. Запах мёда усилился, и у Маши сразу же забурчало в животе. Неприлично громко забурчало. Сыр Иванович чуть было не сказал своё коронное «с-с-с!», но сдержался. Еремей откровенно улыбался и подмигивал Машеньке – мол, так держать. Малышка пыталась угомонить свой разбушевавшийся живот, надавила на него обеими ладошками. Однако медовый аромат так сладко, так заманчиво щекотал её ноздри... Да ещё эти сливки, нагретые солнцем, окутали вкусно пахнущим паром...

«Как удержаться, – подумала девочка, – когда не удерживается? Само по себе бурчит?»

– Да уймите ж-ж-же вы его, – капризным тоном приказала королева Жужа и указала пальчиком на Машу.

У девочки от страха округлились глаза, а желудок, как назло, пел: бур, бур, бур!

– М-м-м, мадам, кого – его? – поинтересовался маркиз Медок.

– Ж-ж-жути, какой вы непонятливый? – раздражённо повела плечиком буква «Ж». – Министру непонятливым быть не полагается. Слишком непонятливого министра мож-ж-жно и переизбрать.

Маркиз обиженно надул пухлые красные губки, обрамлённые тоненькими, будто нарисованными усиками.

– Полно, – смягчилась Жужа, – дуться на королеву министру тож-ж-же не полагается. На то я и королева, чтобы отчитывать вас.

Дон ХОЛСТ ХМЕЛЕВИЧ
(Художник)

Госпожа ЖУЖА

Королева пчёл

Маркиз МЕДОК

Министр всех дел

Бур, бур, бур! – вёл своё Машенькин желудок, не беспокоясь о том, что прервал речь такой важной особы. Девочка от стыда закрыла лицо ладошками. Весь вид её говорил: не я это, я здесь не причём, это всё он.

– Дайте ж-ж-же мёду! – потеряв терпение, крикнула мадам Жужа.

Министр клацнул пальцами, подзывая придворных пчёл-медоносов, которые и без его напоминания уже выполняли королевский приказ – несли на длинном шесте котелок, доверху наполненный мёдом. Шест установили между леденцовой лодочкой и яблоколётом. Тяжёлый котелок наполовину погрузился в молоко, которое обильно сбрызнуло медок белой пеной.

Малышка застыла. Не то чтобы она не любила мёд... Напротив, это было Машенькино любимое лакомство. Её бабушка держала собственную пасеку и в цветочном напитке, как она мёд называла, толк знала, поэтому всегда внучку угощала только лучшим. Не было ёщё случая, чтобы малышка отказывалась от бабушкиного угощения, как не собиралась она отказываться и сейчас. Ей просто было неловко из-за того, что все смотрят на неё и ждут, когда она, наконец, попробует.

Машенька потянулась за ложкой, которая торчала из котелка, но та убежала – мёд аппетитно чмокнул и проглотил её.

– Ну и ну? – опешила девочка. – Это я должна ложкой мёд кушать, а не мёд – ложку...

Недолго думая, Маша погрузила в густую сладкую жижу свой указательный палец, затем поднесла его ко рту, облизала, зажмурилась и почмокала, как это недавно делал мёд. Распробовав и оценив, малышка окунула в медок целую пятёрню. В самом деле, зачем мелочиться? Пять пальцев облизывать приятнее, нежели один!

– Ж-ж-жути! Ж-ж-жути! – схватилась за голову, едва не сбросив корону, мадам Жужа.

– Какое невеж-ж-жество?! Жу-жу! – шушукались, прикрываясь красочными веерами, пчёлы-фрейлины.

Один только министр сочувственно смотрел на девочку. Такой же, видать, любитель сладкого, как и Маша. Если бы не этикет, он бы с удовольствием присоединился к трапезе. Если бы не этикет...

Глава 30. Рецепт по приготовлению красок от Сыра Ивановича

От Жужи, той ёщё болтушки, Машенька и её друзья узнали, что радугу съели Черви Сомнения. Они напали внезапно, в полночь. Когда на небе взошли две луны и пчёлы готовились к смене караула, монстры вынырнули буквально из ниоткуда. Никаких чёрных дыр в окрестностях не было зафиксировано

радарами. Техника молчала! Тем неожиданнее было нападение и тем ужаснее были его последствия. Пчёлы поспели к месту трагического происшествия лишь к тому моменту, когда уже исчезла половина радужного портала.

– Тысячи воинов отдали свои ж-ж-жизни, – сокрушалась королева, – но пчелиные ж-ж-жала оказались бессильны против Сомнений.

– М-м-м, позвольте дальше мне? – обратился к Жуже маркиз Медок, протянул ей носовой платок и, когда мадам кивнула, поведал гостям: – Черви, как показали последние события, эволюционируют, меняют тактику. Раньше они прогрызали в сказках чёрные ходы и этим ограничивались. Теперь Сомнения нацелились на парадные, так сказать, двери, уничтожают их. И это более болезненный удар для сказок. Это чревато всесказочной катастрофой!..

– Я во всём виноват... Я упустил монстров... Я во всём виноват, это я... Я! – повторял одно и то же мастер Фло, слушая грустный рассказ министра, и хлопал себя по лбу. – Я так и не придумал эффективный способ отлавливать Чефвей, а они всё лезут и лезут в сказки.

– Уй-уй... Э-э-эх... Уй... Э-эх... – жалобно всхлипывали и горько вздыхали его помощники, которые тоже чувствовали за собой вину.

– Ну ж-ж-же, хватит причитать – нуж-ж-жно действовать, – строго сказала Жужа и громко высыпалась, испачкав носовой платок.

Маркиз Медок полез в карман своих коротких, невероятно пузатых, шарообразных штанов и вынул оттуда новый платок, который он намерился предложить королеве взамен использованного. Однако платочек оказался не один – это был целый ворох цветных платков, связанных друг с другом затейливыми узелками. Пока министр развязывал первый узел, что делать было не так-то легко, учитывая его толстые пальцы, он успокаивал Жужу:

– М-м-м, мадам, всё наладится. М-м-м, мадам, вы совершенно правы. М-м-м, нужно действовать, и мы действуем. Зачем, как вы думаете, я вызвал художника из столицы?

– Ну ж-ж-же, не тяните. У вас есть план? – спросила уже миролюбиво королева и выхватила из рук министра ворох платочков, не дождавшись, когда Медок их распутает.

– М-м-м, есть ли у нас план? Конечно, моя мадам! План есть! И какой план?! Художник нарисует новую радугу. Его волшебная кисточка с этой задачей должна справиться.

– Что ж-ж-же вы до сих пор молчали? – Жужа взмахнула ворохом платочков, словно разноцветным флагом. – Хмелевич, вы действительно справитесь?

Художник гордо вздёрнул свой «ирокезный» чуб, расправил худенькие плечи.

– Ха-ха, безусловно! Это я вам говорю – Холст Хмелевич! – тоненьким, писклявым голосом похвастался он и стукнул себя в тощую грудь, да сильно, видать, стукнул, из-за чего согнулся пополам и закашлялся.

Жужа нахмурилась, сложила руки на груди, подождала минуту или две и всё же, не стерпев, выразила своё недовольство:

– Мы устали ж-ж-ждать. Почему вы медлите? Ну ж-ж-же? Ну ж-ж-же?

Художник достал из-за пояса кисточку, взмахнул ею – и ничего, взмахнул ещё раз – и опять безрезультатно. В небе ничего не нарисовалось, не проявилось.

– Х-ха?! – нервно хохотнул Хмелевич. – Как же так? Такого ещё не было, чтобы кисточка не послушалась меня. Это впервые... Клянусь, это впервые! Ха? Ничего не понимаю?

– М-м-м, – задумчиво погладил свой внушительного вида животик маркиз Медок, – может, нужны краски?

– Ха, краски! Всё дело в них! – во взоре художника загорелась надежда. Холст Хмелевич похлопал по своим карманам, полез за пазуху, где ничего не нашёл, тогда огляделся по сторонам, и его взгляд потух. – Где же их взять? Ха?..

Сыр Иванович внимательно слушал этот интересный разговор, слушал и молчал. Наконец, лицо фермера просветлело. Он приосанился, подбоченился. Его густая, лопатообразная борода, будто она была живая, вылезла из-под фартука и от любопытства, наверное, закучерялась. Сыр Иванович этого не заметил. Он явно что-то обдумывал, а чтобы обдумывание проходило эффективнее, чесал свой лохматый затылок. Почёсывая так, фермер вспомнил о колпаке, полез за ним в кастрюльку, выловил его, выкрутил и под всеобщий смех водрузил себе на голову.

– Слушайте меня! Я приготовлю краски! – неожиданно объявил он и, склонившись над молоком, обратился к рыбкам, которые давно уже выглядывали в надежде получить дополнительную порцию попкорна: – Солнца мои, помогите папочке. Принесите мне мой половник. Я вас за это угощу вкусненьким!

Рыбки поапплодировали «папочке», побулькали и скрылись под молоком. Воцарилось напряжённое молчание. Даже пчёлы перестали жужжать. Только Сыр Иванович сохранял спокойствие, полез под лавку, вытащил толстую поварскую книгу, послюняв пальцы и аккуратно, благоговейно начал её перелистывать.

Река заволновалась, поднялась волна, всех окатила молоком и (о чудо!) выплюнула половник. Он ударил фермера по голове, радуясь встрече с хозяином, и нырнул в кастрюльку. Приголубленный половником Сыр Иванович, как ни в чём не бывало, даже не охнув, продолжил листать книгу, лишь слегка потёр за ухом. На каждой странице, которая его интересовала, он оставлял закладки – длинные каштановые волосы, вырванные ради такого дела из собственной бороды. Каждый раз, когда он выдёргивал волосок, лодочник Еремей сочувственно ейкал. Сам же фермер надувал щёки, после чего со свистом выдыхал:

– С-с-с!

– А сколько цветов в радуге? – спросила Машенька, которой надоело молчать.

– Семь, – ответил Сыр Иванович, не отрываясь от процесса, то есть одной рукой он водил по страницам книги, а другойсыпал рыбкам попкорн. – Это легко запомнить, ведь каждый охотник желает знать, где сидит фазан.

– Что? – не поняла Маша.

– Ей же ей?! Разве так объясняют деткам? – вмешался Еремей. – Дело в том, маленькая человеческая девочка, что поговорка об охотнике и фазане помогает

запомнить, из каких красок и в какой их последовательности выплетается радуга. Начальная буква каждого слова соответствует начальной букве названия определённого цвета. Поняла?

– Да! Вспомнила! – вскрикнула Маша. – Что-то такое рассказывала нам воспитательница Галина Сидоровна... Или, может, мама? Каждый охотник – это... Это красный и оранжевый? Да?

– Ес... естественно, – подтвердил Сыр Иванович, оторвавшись-таки от своей книги, – красный и оранжевый. Красный и оранжевый?.. Для приготовления этих красок нам понадобятся красные ягоды и оранжевые фрукты. Малина и апельсины, например.

– Жу-жу! – первый отряд пчёл отправился на поиски нужных компонентов для будущих красок.

– Следующие? Какие следующие цвета? – фермер упёрся пальцем в страницу и вопросительно посмотрел на Машеньку.

– Каждый охотник желает знать, – продолжила известную поговорку девочка.

– Желаёт знать! Значит, следующими красками у нас будут жёлтая и зелёная.

– Совершенно верно, – улыбнулся в бороду Сыр Иванович. – Жёлтая и зелёная. Итак, для приготовления жёлтой краски нам необходимы желтки, мёд и немного лепестков одуванчиков. Только не тех, которые уже покрылись пухом. Слышите, не тех!

– Жу, – пошевелили усиками пчёлы второго отряда, сообщая таким образом, что они всё поняли.

– А для зелёной краски сойдёт простая травка-муравка. Вон на лугу её сколько! Да, ещё можно зелёные яблоки из сада эльфов. Ступайте!

Пчёлы, гремя ведёрками, полетели к берегу.

– Где сидит фазан, – напомнила Маша, чем заканчивается поговорка, и тут же, заметив, что Сыр Иванович хочет что-то сказать, добавила: – Не подсказывайте! Сама скажу. Где – это, выходит, голубой цвет. Сидит фазан – это синий с фиолетовым. Ух ты, как интересно?!

– Слетайте к Цыпочке за голубыми незабудками, – не теряя времени, отдавал приказы третьему отряду фермер, – и прихватите ягод голубики, а также самую малость сизо-синих слив и фиолетовых баклажанов. Сливы мы засолим в водице из синего-синего моря, а баклажаны приправим душистыми гроздями сирени.

Последний отряд, как и два предыдущих, улетел на сборы. Сыр Иванович помахал им вслед половником, а затем приступил к разливу молока по бочкам, которые принесли, обхватив щупальцами, бордово-красные осьминоги. Молоко должно было стать основой для будущих красок.

На удивление, прошло совсем немного времени, а пчёлы уже возвращались. С неба посыпались дольки апельсинов, трава, кусочки яблок, слив, ягоды и прочие дары природы, собранные трудолюбивыми пчёлками по заказу Сыра Ивановича. Фермер едва успевал подбирать их и даже отчаялся было, но ему на помощь пришли его верные рыбки. Они подталкивали фрукты к бочкам и хвостами забрасывали ягоды в подготовленное для красок молоко. Осьминоги

тоже от работы не отлынивали. Выставив щупальца, они присосками засасывали траву и цветочные лепестки.

Жидкие компоненты, то есть морскую воду, мёд и яичные желтки, пчёлы осторожно, чтобы не расплескать, несли в котелках, черпаках и плошках. Сыр Иванович, будто дирижируя жужжащим и булькающим оркестром, указывал половником, что и куда следует ссыпать, бросать или выливать. Этим же половником он размешивал содержимое бочек. Молоко в них, принявшие дары, покрылось цветными кругами. Солнце припекало, ускоряя процесс. Постепенно белоснежная молочная основа превращалась в радужные краски.

Холст Хмелевич, видя такое волшебство, счастливо улыбался и приглаживал свой «ирокез».

– Хорошие мои, хорошие! – всё приговаривал художник.

– М-м-м, молодцы! – соглашался с ним маркиз Медок.

Глава 31. Радуга готова!

Из веточек и сучков, слепленных друг с другом воском, пчёлы возвели над рекой строительные леса. На верхней площадке, где уже установили бочки с красками, расхаживал, деловито засунув руки за пояс, Холст Хмелевич. Здесь же, на троне, разместилась королева Жужа. Рядом с ней (куда без него?) стоял, по-лягушачьи подогнув коленки, маркиз Медок. Он нежно поглаживал свой животик, а иногда похлопывал его и прислушивался, булькает ли там.

Жужа заёрзала в кресле, что означало – пора начинать. Только вот художник королевского нетерпения не замечал или не желал замечать. Он всё расхаживал вперёд и назад, вперёд и назад, время от времени бросая в небо задумчивые, оценивающие взгляды. Королева пока молчала. Давалось это молчание Жуже с трудом и не без помощи министра, который что-то ласково шептал ей на ушко.

Леденцовая лодочка и яблоколёт покачивались на молочных волнах. Машенька не покидала свой пост – место у окошка, из которого она по-прежнему выглядывала. Да и как не выглядывать, когда так много интересного происходит вокруг?

Между прочим, в полку зрителей прибыло. Это прискакала на циркуле Цыпочка, в волшебном цветнике которой пчёлы наравали для красок цветов. Буковку «Ц» сопровождал, пешим, правда, ходом, длинноногий Типун.

– Цок, цок, быстрее, поспешишь, – подгоняла его Цыпа. – Ведь всё пропустим.

– Тра-та, легко тут некоторым говорить, трати-та, – обиженно вылетело из под гигантской шляпы буквы «Т».

– Цыть, цыть, там что-то происходит, – отмахнулась от Типунчика Цыпа. – Смотри, смотри!

Холст Хмелевич перед началом операции по открыванию радужного портала, которого все уже давно и с таким нетерпением ждали, решил вдруг размяться:

лихо пошёл в присядку и замахал тощими руками, изображая мельницу. Мадам Жужа сжала кулаки и глубоко вдохнула, явно намереваясь разразиться гневной тирадой, но маркиз Медок, хорошо знавший нрав королевы, прикрыл ей рот веером. Мудрый министр, предвидя скандал, поспешил вмешаться:

– М-м-м, милый человек, – вежливо обратился он к прыгающему на одной ноге художнику, – можно ли, м-м-м, не медлить?

Холст Хмелевич, не прерывая зарядки, боком, прыжками, направился к бочке с красной жидкостью и погрузил в неё кисточку, после чего, размахнувшись, плеснул красками в небо. Над рекой заискрилось красное зарево. Поиграв немного на солнце огоньками, зарево вытянулось дугой и мягко обняло реку. Художник переключил своё внимание на прочие бочки и ещё шесть раз проделал всё ту же процедуру – брызгался красками. Одна за другой под красной дугой высвечивались полосы радуги: оранжевая, жёлтая, зелёная, голубая, синяя и фиолетовая.

Радужный мост с непривычки прогнулся и, чтобы не угодить в молоко, присел на корточки. Проказница-река пошла волнами, так и норовя полизать его красок. В тех местах, где капли молока соприкасались с радужными волокнами, раздавался ужасный треск, будто радуга вот-вот лопнет.

– С-с-с, голубушка, не шуми, – утихомиривал реку Сыр Иванович. – С-с-с, душенька, лучше поспи.

– Баю-баюшки-баю, – тоненькими голосами запели рыбки, чем крайне удивили Машеньку, которая была уверена, что иных звуков, кроме «буль-буль», эти милые создания издавать не способны.

Река фермера послушалась, уснула. Краски подсохли и засияли ещё ярче. Радужный мост, окрепнув, выгнулся спину.

– Хорошо, очень хорошо! Какой я молодец! – хвастался Холст Хмелевич. – Портал готов. Принимайте!

– Жу-жу, браво! Браво! – дружно захлопали крыльями пчёлы.

Королева тоже хлопала. Крыльями! Да так рьяно, что вознеслась над троном и не заметила этого – держала ножки согнутыми, будто бы всё ещё сидела. Министр пытался её удержать, дёргал за пышные юбки:

– М-м-м, осторожнее, моя королева. Не подлетайте близко к радуге. Она может ужалить молнией.

– Отцепитесь от меня. Какой ж-ж-же вы нудный?! – закапризничала мадам Жужа и, чтобы позлить Медка, закружила в танце. – Могу ли я немнож-ж-жко пошалить? Коль у нас праздник – открытие новой радуги?

– Можете, можете, мадам, но радуга, м-м-м, ещё не совсем готова.

– То есть как не готова? Не совсем? – застыла королева, и как раз вовремя, поскольку ещё чуть-чуть, и ей не избежать бы столкновения с искрящимся древней магией радужным полотном.

Пчелиный рой вопрошающе зажужжал.

– Моя королева, м-м-м, я просто хотел сказать, что, м-м-м, радугу надо проверить. Действительно ли она, м-м-м, работает как портал? И куда, м-м-м, ведёт этот проход? На Границу ли?

- Да, да, жу-жу?! Жу-жу?! Проверить! А вдруг что-то не так? Жу! - поднялся обеспокоенный гул.

Его прервала мадам Жужа, решительно махнув веером.

- Ну ж-ж-же, открывайте, - приказала она. - Поглядим.

Глава 32.

Испытание портала

В целях безопасности королеву и её жужжащую свиту разместили подальше от портала, который предстояло испытать, - на клубничной поляне. Отсюда открывался отличный вид на реку и радужный мост. Леденцовую лодочку и яблоколёт тоже попросили отплыть на безопасное расстояние. Пчёлы-воины готовились, в случае чего, принять бой, окружили плотным кольцом радугу.

- Ваше Величество, жу-жу, мы не з-з-знаем, что может выскочить из-з-з прохода, - рапортовал королеве полосатый генерал в треугольной фурражке, - поэтому Вам лучше не рисковать.

- М-м-м, а вы уверены, что сами справитесь, откроете без Ключника Дверь? - с сомнением в голосе спросил маркиз Медок.

Генерал замялся, зашаркал ножками, будто стряхивал с них цветочную пыльцу.

- Я так и знал, - сказал, насупившись, министр и похлопал себя по животу.

- Надо бы подстраховаться. Пусть человеческий детёныш нам поможет. Сила волшебства Чистого Сердца ребёнка неизмеримо велика. Устами девочки произнесённое заклинание должно сработать наверняка.

- Ж-ж-жуть?! Это, долж-ж-жно быть, опасно? Стоит ли нам привлекать малышку? - засомневалась Жужа.

Маркиз Медок окинул долгим взглядом хрупкую фигурку Машеньки, выглядывавшей из яблочного окна. Её пышные золотистые волосы светились на солнце, и создавалось впечатление, что девчушка сама по себе была маленьким солнышком, освещившим своим присутствием сказку.

- М-м-м, - улыбнулся министр, - наша гостья сама решит, помогать нам или не помогать. Но сдаётся мне, что малышке храбости не занимать. Она поможет нам.

И действительно, Маша, как только узнала, что от неё требуется, без колебаний согласилась. Её, а также колдуна Сморчка, который не хотел отпускать девочку одну, пчёлы поднесли к радуге. Хорошо, что строительные леса не успели убрать. Воины сомкнули ряды, вынули из ножен кривозубые сабли и направили их остриями на мост, который, как ни в чём не бывало, играл красками.

- Не бойся, мы с Тенью рядом, - подбодрил малышку Сморчок. - Смело колдуй, ведь у тебя это превосходно получается. Помнишь заклинание?

- Ага, - кивнула Машенька, отметив краем глаза, как Тень выглянула из правого сапога колдуна и снова спряталась.

От такого соседства ей было не так страшно. Девочка прокашлялась, оправила платище, будто собираясь выступать на сцене перед публикой, и, всё-таки собравшись с духом, начала перечислять имена своих друзей:

- Абра-ар, Бурундин, Вьюга-вьюн, Гага...

Не успела Маша дочитать заклинание, как радуга плонула на неё красками, испачкав с ног до головы. Девочка не растерялась, облизала губы. Признаться, ей очень хотелось попробовать радугу. Машенька была уверена, что мост, коль он готовился из вкусных продуктов, тоже должен быть вкусным.

- Ням-ням, - сощурившись, малышка определяла вкус, - малинка со сливками! Сладкая! Ой? А жёлтое горьковатое, хоть и с мёдом?.. Наверное, одуванчики горчат?

- Не отвлекайся, - шептал Сморчок. - Нужно дочитать заклинание.

Спохватившись, малышка продолжила:

- Гагатун, Дзинь-да-да!

Под мостом, почти под самым радужным куполом, открылся портал. Слишком резко, с грохотом, какой обычно бывает, когда грубо, ногой открывает дверь незваный гость. В отверстие грузно ввалился наглый Червь. Его чёрные бусинки-глаза жадно сверкнули, оценивая меню, а рот уже грыз сине-фиолетовый кусочек радуги. На голову Машеньки посыпалась цветные крошки.

Пчёлы облепили монстра, рубили его саблями, но остановить Червя им не удалось. Их оружие против Сомнения было бессильно. Чудовище, оторвавшись от радуги, набросилось на сабли и, не скрывая удовольствия, начало заглатывать их одну за другой. Тогда пчёлы, обезоруженные и пристыженные, наставили на Червя жала.

- Остановитесь! - крикнула Маша, испугавшись за полосатых воинов, поскольку знала, что пчела, ужалив, теряет жало, а вместе с жалом отдаёт и свою жизнь.

На мгновение, всего лишь на одно мгновение воины заколебались, но этого мгновения было достаточно, чтобы Червь Сомнения, изловчившись и полностью выбравшись из зияющей под радугой дыры, хлестнул по ним хвостом. Сомнения очень сильны. Это девочка знала не понаслышке, но она и предположить не могла, насколько сокрушительным окажется удар. Оглушённые, не издав ни звука, пчёлы попадали в молоко. К ним на помощь уже спешил лодочник Еремей. Желеобразные осьминоги и сырные рыбки тоже подключились к спасательной операции - выталкивали тонущих воинов на берег.

Червь хвостом своим подрезал строительные подпоры. Маша почувствовала, что площадка под ней накренилась, и её ножки заскользили вниз. Малышка хаотично размахивала руками, ища, за что бы ухватиться.

- Держись! - крикнул ей Сморчок.

Он стоял на самом верху, едва держась за какое-то бревно, и протягивал девочке ногу. Дотянуться до Машеньки рукой старик с его низким ростом не мог - сам бы упал и малышке не помог бы. Девочка обхватила руками коричневый сапог, однако под её весом он спал с ноги колдуна. Уже через секунду, что есть мочи крича и зовя маму, Маша в обнимку с сапогом падала в реку. До молока она

не долетела – угодила в подставленную Червём пасть. И здесь началось самое интересное!

Из сапога разлилась чернилами Тень, обволокла липкой массой Машу, на время лишив её зрения. Девочка ничего не видела, но по ощущениям своим поняла, что Ахуратс затягивает её в червяковый желудок. Вокруг забулькало, зашипело, запахло горелым, а затем вдруг – БУМ, БАХ, ПЛЮХ!!! Малышка снова полетела вниз и на сей раз погрузилась в реку. Молоко смыло с её лица чернила, и теперь Машенька могла видеть. Над ней сверкала семью цветами надкусенная радуга, а также гремел дверью всё ещё открытый портал, но вот ужасного Червя нигде не было видно. Наверное, из-за несварения желудка его попросту разорвало...

Плавать Маша умела, и достаточно хорошо. С раннего детства малышка упражнялась в плавании в бассейне. Это всё мама пыталась «лепить» из дочки будущую чемпионку. Ах, знала бы она, как пригодятся её уроки Машеньке?!

Перевернувшись на спину, как больше нравилось девочке, она поплыла к берегу. К ней пристроился осьминог. Он уткнулся в Машину спину своей раздутой головой и забил по молоку всеми щупальцами, отчего движение заметно ускорилось. Не успела малышка запыхаться, как её уже вынесло к берегу.

А там был устроен настоящий лазарет! Выловленных из молока пчёл отхаживали двое лысых человечков, абсолютно одинаковых с лицом. Оба с орденами на ленточках, переброшенных от плеча к плечу. Только одеты они по-разному: один в штатском, другой – в военной форме и в шапке, выкроенной серпом. Человечки оказались братьями-близнецами и по совместительству буквами «И» и «Й».

– Ить, братец Йод, как лечить больных будем? – спрашивал штатский доктор военного лекаря.

Тот, оторвавшись от трубки, которую он по очереди прикладывал к пчёлкам, уложенным на койках из листьев каштана, отвечал:

– Йоксель-моксель, братец Инсулин, мёдом, конечно, отпаивать будем. И молочком, тёплым молочком.

– Ж-ж-жути, – застонали пчёлы, – только не молоком, пож-ж-жалуйста? Мы его вдоволь наглотались...

Машеньку для профилактики также уложили на койку, прослушали через трубку, напоили отваром. Девочка не сопротивлялась, покорно принимала лекарства. И хоть она недолюбливала врачей, приятно было осознавать, что о ней заботятся.

Академик ИНСУЛИН

Доктор ЙОД

Расслабившись, Маша чуть было не уснула. Однако в самый последний момент, когда она уже почти погрузилась в сладкое видение, где её ждали мама с папой, малышку встревожила мысль: «Где Тень?»

В самом деле, ведь о Тени, спасшей жизнь земной гостьи, совсем забыли?..

– Ахуратс! Моя девочка, ко мне, ко мне! Ахуратс! – звал свою любимицу Сморчок, которого с бревна уже снял яблоколёт.

Колдун выглядел из того самого окошка, из которого обычно наблюдала за сказочным миром Маша. Даже отсюда, с берега, заметно было, как сильно он расстроен.

– Неужели Тень утонула? – испугалась Машенька, подбежала к самому молоку, поднесла руки ко рту и тоже позвала: – Ахуратс, где ты?! Ау??!

Глава 33. Спасаем Тень

Поиски Тени продолжились до вечера. Всё это время портал оставался открытым, что было небезопасно. Мало ли ещё какое чудовище вздумает воспользоваться проходом?

– Фах-фах-фах, – вздохнул Фло-мастер, бросив виноватый взгляд на Сморчка, – нам пофа отпраffляться в путь. Извините, но мы не можем больше задефживаться...

Колдун стиснул зубы. Его белые глаза, такие же белые, как и разлившаяся внизу молочная река, наполнились слезами.

– Ещё немножко? – попросила Маша. – Совсем чуть-чуть, а?

– Фах-фах, – опять вздохнул Фло и жестом дал понять своим помощникам, что разрешает сделать ещё один круг над рекой. – Это последний, слышите? Последний кфужочек.

Эхо и Ухо перемигнулись, поколдовали над своими клавиатурами, после чего из двух крайних яблок выехали большущие линзы. Получилось что-то вроде яблочных очков. Мастер Фло оценил энтузиазм учеников и себе поклацал по кнопочкам, отдавая приказ главному компьютеру выдвинуть из центрального яблока подзорную трубу. Правда, выяснилось, что смотреть в неё из кабинки неудобно. Поэтому Машеньке, которая добровольно вызвалась опробовать в деле трубу, пришлось наполовину высунуться из окошка. Чтобы девочка не выпала, Ёлочка и Пупырышек держали её за ноги.

На долину опустился вечер. Молоко постепенно остыпало, отдавая тепло душистым паром. Рыбки, уставшие за день, спрятались на жирном сметанистом дне. Ничто больше не беспокоило жемчужно-белую поверхность реки, нигде не раздавалось ни плеска. Тишина да гладь!

Ан нет, вон что-то мелькнуло, запузырилось, тёмным пятнышком нарушило белоснежную чистоту?!

– Туда посветите, туда! – крикнула Машенька, показывая куда-то влево.

В свете прожекторов, устремившихся в указанный сектор реки, проявилась чёрная клякса. Она силилась отделиться от молока, но, растворяясь в нём, теряла цвет и таяла.

— Ахуратс, девочка моя! — заволновался колдун, узнав в кляксе свою Тень. — Она может погибнуть... Ей надо помочь!..

— С фадостью, но как? Как отделить Тень от молока? — развёл руками Фло. — Извините, уже ничего не поделаешь. Пфимите наши соболезнования...

— Как же так?! Как же так-то?.. — отчаянно мотал головой Сморчок, не желая слушать доводы мастера.

Старик очень страдал, ведь сейчас, вот в данную минуту, он терял своего лучшего (да что там — единственного!) друга. Маше стало так жаль его, так жаль, что она, неожиданно для самой себя, придумала, что может спасти Тень от полного растворения в волшебном молоке.

— Кисточка! — крикнула девочка, напугав Ёлочку и Пупырышку, которые чуть было не уронили её в реку.

— Ёй-ёй, тише там, — переживала за малышку Ёлочка.

— Хм, некоторые тут буянят, сами, видите ли, падают, а мы в итоге виноваты будем, — ворчал гном.

— Постойте, — колдун бросился к Машеньке, помог ей забраться в кабинку, — девочка права. Кисточка! Как я сам не додумался? Действительно, кисточка?! Это может сработать. Надо попробовать. Вызывайте художника.

Мастер Фло не стал спорить.

— Попробовать надо, фах-фах, попробовать стоит, — сказал он, держа в руках рацию, по которой уже связывался с береговой охраной с просьбой переправить на борт яблоколёта художника Хмелевича с его оживляющей рисункой кисточкой.

С переправой возникли трудности. С наступлением сумерек пчёлы укрылись в улье. Остался только дозор, охраняющий радугу. Однако пограничники не имели права покинуть свой пост. Поэтому в который раз пришлось поработать веслом Еремею. Впрочем, весёлый лодочник не унывал, пел свою нехитрую песенку:

— Ей же ей, пой, Еремей! Ей же ей, не робей!

А вот Холст Хмелевич, которого подняли с постели, не дав досмотреть сон, всё время, пока лодочка бороздила молочные воды, возмущался:

— Хорошенькое дело получается? Я что — доктор? Я разве скорая помощь? Почему я должен спасать? И кого — Тень? Ха?!

Когда лодочка приблизилась к тому месту, где мучилась клякса, успевшая вдвое уменьшиться в своих размерах, художник умолк, сосредоточился на предстоящей работе.

— Хорошо, всё будет хорошо, — попытался утешить Тень Холст Хмелевич, сменив сварливый тон на удивительно ласковый. — Я протяну тебе кисточку, а ты хватайся и держись крепче. Я попробую тебя вытащить. На счёт три. Хорошо?

Ахуратс сжалась в комочек, собираясь с силами. Художник, не торопясь, с долгими паузами, начал считать:

— Раз... два... три... Держи!

Он, как и обещал, протянул кисточку. Клякса, принявшая форму руки, обхватила её липкими пальцами.

— Тянем-потянем, — приговаривал Холст Хмелевич, не сводя глаз с кисточки, которая стала тяжёлой, будто это вовсе не кисточка была, а пудовая гиря.

На лбу художника проступил пот, но он не выказывал усталости, бубнил что-то утешительное, подбадривая то ли Тень, то ли кисть, то ли самого себя. Теперь он тянул обеими руками. Ему помогал Еремей. И всё же река не отпускала кляксу, разъедала, слизывала её. Чем меньше становилась Тень, тем тяжелее — кисточка. Лодку сильно накренило. Ещё чуть-чуть, и она наглоталась бы молока сполна. Река рассердилась, пошла в наступление, смыла волной раздражавшее её пятно. Лишь одна чёрная капелька сумела удержаться на кисточке. Холст Хмелевич резко всплеснул руками — капля сорвалась и повисла в воздухе в опасной близости от шипящего, пенящегося молока.

— Ко мне, ко мне, девочка! — позвал срывающимся от волнения голосом старик.
— Ко мне, радость моя! Ко мне, родная!

Капля моргнула, приходя в себя, и медленно, из последних сил, поплыла к хозяину. Сморчок расстегнул камзол, предлагая любимице тёплое и безопасное убежище на своей груди, возле самого переполненного любовью сердца. Шапка на голове колдуна тоже была рада возвращению Тени и всячески демонстрировала это: виляла хвостом, скреблась коготками по лбу старика, царапая его. Сморчок не останавливал её, терпел.

Ахуратс воспользовалась предложением хозяина, прилипла чёрным пластирем к его груди и запульсировала, повторяя всем естеством своим каждый удар его сердца.

— Мы с тобой вместе, мы с тобой одно целое. Согревайся, детка... Согревайся, девочка... — шептал колдун, аккуратно застёгивая пуговицы.

Справившись с этим, он ладонью нежно прикрыл грудь, там, где сердце. С его губ не сходила улыбка.

Глава 34. Сердце-планета, или Исповедь Сморчка

Наконец-то, яблоколёт приготовился войти в открытый портал. Только вот проверка радужных ворот так и не была завершена. Это означает, что ни пчёлы, ни пилоты, ни сам художник, нарисовавший радугу, не были уверены в том, что проход ведёт именно на Границу, известную ещё как Сумеречная Долина.

— Вфемени нет фовефять, идём на фиск, — решил Фло-мастер и распорядился помощникам задраить все окна, а пассажирам занять свои места и пристегнуться ремнями.

Вход через портал в междверную атмосферу прошёл успешно. Яблоки обволокла некая субстанция, похожая на ту, с которой Машенька познакомилась в парном мире. И всё же различия имелись, и существенные. Во-первых, это

загадочное нечто было окрашено в зелёный цвет, и, во-вторых, оно не было таким горячим, как волшебный серебристый пар. Скорее наоборот. Как сообщили датчики, температура за бортом значительно упала. Зябко стало и внутри салона. Хорошо, что компьютер быстро отреагировал – подключил систему обогрева.

Следом за обогревателем включились автомобильные дворники. Ритмично двигаясь вперёд и назад, они счищали с окон зелёное вещество. Видимость от этого не стала лучше. Космический туман был слишком густой. Яблоколёт вынужден был пробираться сквозь него почти вслепую, полагаясь на данные радаров. Однако последние события показали, что надеяться на технику особо не стоит, поскольку частенько она стала давать сбои. Это всё пагубное влияние Сомнений, разрушающих сказки.

– Что-то туман сердится, холодом нас встречает? – обеспокоился Сморчок.

Он бережно прижимал руки к груди, согревая Тень, спрятавшуюся у него за пазухой. Чтобы хозяину было теплее, шапка свесила хвост и лапки, распушила шерсть.

«Вот бы мне такую...» – ненароком позавидовала Маша и потёрла свои озябшие ладошки. Это не помогло, тогда девочка поднесла ладони ко рту и подышала на них. К её величайшему удивлению, пар, который она выдыхала, окрашивался в зелёный цвет.

«Что происходит?» – хотела спросить малышка, но вышла какая-то нелепица:

– Ч... ч... т-о-о... пр... с... дит?

Однажды Машенька уже наблюдала похожее в кинотеатре, когда проектор зажевал плёнку, и актёры на экране начали разговаривать, как инопланетяне. Звуки, будто нарочно, будто они объявили забастовку, нехотя срывались с уст и лениво соединялись в слоги, а слоги и вовсе забывали о том, что должны формировать слова. Это девочку насмешило, и она засмеялась, но смех тоже получился какой-то не такой, скомканный, зажёванный:

– Х... х... х... а-а-а...

И вот теперь Маша испугалась, что с ней что-то не так. Может, инфекцию она какую подхватила? Когда же её друзья тоже заговорили по-тарабарски, девочка совсем растерялась.

– Н... н... не... б... йся... В... мж... м... м... мир... ных... пр... хо-о... дах... т... та... ко-о-е... бв... а-а... ет... Ск... ск... ско... о... ро... пр... йдёт... – старательно открывая рот, пытался объяснить Машеньке, что происходит, старик Сморчок.

Он не обманывал. Скоро прошло. Не в том смысле, что речь стала нормальной, а в том, что она исчезла совсем. Кто-то выключил звук! Маша хлопнула в ладоши – не слышно. Тогда она уставилась на Сморчка, который всё говорил и говорил, а на деле лишь беззвучно шевелил губами. Пупырышек вообще кричал и ругался, судя по исказившим его лицо гримасам и темпераментной жестикуляции, но и гнома не было слышно. Зелёный пар, выдыхаемый пассажирами, заполнял салон и поглощал все звуки.

Сколько длилась эта глухота, Машенька не знала. Время, казалось бы, остановилось, задремало. И вдруг сквозь тумана пелену прорвалось «тук-тук».

На мониторе показалось сердце. Гигантское сердце! Целая планета, которая, несомненно, была живая. Подобно насосу, сердце-планета сжималась и разжималась, гоняя по невидимым сосудам зелёный туман. Он красиво кружил по орбите, то суживая, то расширяя круг. Тук-тук! Тук-тук!

Яблоколёт подхватило туманным потоком и понесло к сердцу, а потом резко отбросило назад, снова потянуло и отшвырнуло. Планета, словно капризная девица, никак не могла решить, принять ей спутник или отказаться от него?

– Кафаул! У нас непфиятности, – в очередной раз за время путешествия констатировал грустный факт мастер Фло. – Товафищи, мы, похоже, застфяли. На нас действует сила пфитяжения планеты.

Колдун Сморчок занервничал, снял с головы шапку, чего раньше никогда не делал, положил её себе на колени и, как кошку, принял гладить и чесать. Шапка не была против, подставляла спинку и бока. Ахуратс, почувствовав волнение хозяина, проснулась и тонкими дымчатыми струйками начала просачиваться сквозь петлицы его камзола. Выглядело всё это так, будто одежда старики горит.

Отдых пошёл Тени на пользу. Она заметно подросла, и теперь яблочная кабинка для неё стала тесноватой. Высвободившись, Ахуратс заняла почти всё пространство, поднялась под самый потолок, где задела, видимо, важные датчики, которые посчитали, что в салоне разгорелся пожар. Сверху на пассажиров хлынула пена.

– Что? Что такое? – возмутился было Пупырышек, но наглотался пены и мог только плеваться: – Тьфу, тьфу...

Фло-мастер, обтерев лицо рукавом, поднёс ко рту микрофон и строго объявил:

– Попфошу в салоне не дымить. Пфекфатите!

Тень сжалась в комочек и стыдливо спряталась за спинкой кресла хозяина. Шапка на коленях Сморчка ожила, показала зубки, давая понять, что своих она обижать не позволит. Старик успокаивал её, как мог: разглаживал усы, щекотал за ушком.

– Не судите нас... Простите... – тихо, не поднимая глаз, попросил он.

– Не понимаю? – растерянно захлопала ресницами Машенька. – За что простить? Что не так?

– Да всё не так, – выпалил Пупырышек.

Ёлочка не дала договорить, толкнула его локтем.

– Поясните? – всё ещё не понимала девочка, о чём идёт речь.

– Планета не отпускает нас из-за меня, – признался Сморчок. – Она узнала меня. Она меня чувствует.

Заметно было, что это признание стоило ему больших усилий. Старик покусывал губы, теребил пуговицу и упорно отводил глаза.

– Как это – из-за вас?

Пупырышек презрительно хмыкнул, за что получил от Ёлочки ещё один удар локтем. Члены экипажа отмалчивались, и всё же их насупленный вид свидетельствовал о том, что они в курсе, о чём хочет, но не решается поведать колдун. Желая поддержать старика, Машенька перегнулась через кресло, в котором сидел недовольный гном, дотянулась до руки колдуна и по-дружески

похлопала её. Шапка отреагировала сразу – лизнула малышку шершавым язычком.

– Я, – несмело начал свой рассказ Сморчок, – раньше я увлекался чёрной магией. Да, было такое – поддался соблазну стать величайшим магом среди всех миров и подчинить себе Антресолию. Я сколотил армию из тёмных человеческих желаний, томившихся в Трельяжной тюрьме, куда меня назначили смотрителем. Я хотел разрушить Границу, хотел окрасить розовый мир в чёрный цвет. Только вот... Только вот... Злые желания... Желания эти... Они очень коварные. Их подчинить своей воле не так-то просто. Но я сумел!

– Хм, он сумел? – недоверчиво пожал плечами Пупырышек. – Если уж начал признаваться, то говори всю правду. Всю!

Замечание гнома совсем смущило старика. Появившиеся было в его голосе горделивые нотки стихли.

– Правду? Хорошо, правда в том, – продолжил Сморчок, – что подчинить желания мне помог волшебный чёрный камень, который я вставил в серебряный перстень и всегда носил с собой. Посредством камня я забирал у тёмных желаний их силу и становился непобедимым. По крайней мере, мне так казалось тогда.

– А на самом деле? – сочувственно спросила Маша.

– Ох, – горько вздохнул старик, – а на самом деле не я подчинил желания, а они – меня. Я слишком много выпил тёмной энергии. Она насквозь пропитала мою душу. Овладев мной, демоны низвергли меня, растоптали, уничтожили...

– И?

– И теперь я немощный старик. Совет Антресолевских Магов лишил меня последних капель волшебства и изгнал из сказок.

– А перстень? Что перстень? Где он?

– Да вот же он, – Сморчок показал на монитор, где билась в конвульсиях планета-сердце.

Машенька нахмурилась. Она не понимала, какая может быть связь между планетой и маленьким камнем из перстня. Может, колдун обманывает?

– Нет, я говорю правду, – заверил девочку Сморчок, догадавшийся, о чём она сейчас думает. – Знаю, что в это сложно поверить, и тем не менее... И тем не менее, чёрный камень стал основой планеты, её ядром.

– Вы сказали – ядром? А из чего тогда состоит оболочка?

– О, это интересный вопрос, – старик неожиданно улыбнулся. – Оболочка железная, да железо не простое...

– Волшебное?

– Конечно! Это расплавленные ключи от утраченной веры в чудо. Это светлая магия. Дар от самого Хранителя. Ведь вера, хоть она и утрачена, всё равно остаётся верой. Ведь чудеса, даже если в них сомневаются, остаются чудесами. Человек, взрослея, уже не верит в сказки и забывает о своих наивных детских фантазиях, однако же сказки ничего не забывают и не перестают верить в человека. В сказках продолжают жить чудеса. В сказках они бессмертны.

– Ой ли? – возразил Пупырышек. – Мы с вами видели, как Черви грызут сказки. Мы видели, как Сомнения убивают чудеса...

Гном не договорил. Яблоколёт качнуло и, будто кто-то дал ему пинка, стремительно понесло на планету. Сердце, преисполненное чувств, треснуло. По месту разрыва растеклась огненная лава. Камень, заточёный внутри железной оболочки, искал выход, огнём прокладывал себе путь на волю. Он чувствовал... Нет, он знал это наверняка – хозяин близко.

Камень волновался, был нетерпелив. Под напором его чёрной энергии лава покрылась пузырями, которые, наполняясь злобой, росли, надувались, пульсировали. Тук-тук, тук-тук! – тяжело билось мягкое сердце и вдруг умолкло. Кто-то внутри него замер, чтобы сделать последний вдох – вдох перед решительным ударом. После краткой передышки раздался взрыв. Тысячи пузырей лопнули, выпуская злобу, и тысячи горящих гейзеров взмыли в космос. Ву-у-ух! – содрогнулась планета и горячим дыханием своим опалила зелёный туман.

Яблоколёт накрыло взрывной волной. И, пожалуй, на этом моменте могла бы прерваться сказка. Прерваться сказка для Машеньки... Однако сказка на то и сказка, что в ней случаются чудеса. Огонь утраченной веры поглотил путешественников, но вреда им, тем не менее, не причинил. Маковым цветом расцвело пламя и на пылающих лепестках вынесло космолёт на Границу.

Глава 35. По ту сторону портала

Улыбкой встретила гостей Сумеречная Долина – радугой, точно такой же, как и над молочной рекой, только перевёрнутой дугой вниз. Своими концами-рожками она упиралась в фиолетовое небо. Основание радуги, напоминающее семицветный ковш, лежало на серо-коричневом горном хребте. Как раз уместилось между двумя заснеженными вершинами, образуя что-то вроде радужного каньона. На дне его зияла дыра, из которой валил дым вперемешку с зелёным туманом. Язычки пламени лизали выход из Межмирного портала, стекая огненной слюной.

Яблоколёт пропах гарью, но остался цел. Фло-мастер прилагал все усилия, чтобы как можно быстрее вывести его из дымовой завесы. Видимость была на нуле. Прожекторы не помогали. Их слабый рассеянный свет терялся в вечных фиолетово-синих сумерках. Яблоки тряслось, подбрасывало и даже переворачивало. Если бы не ремни безопасности, которыми пилоты и пассажиры были пристёгнуты к яблочным креслам, травмы были бы неизбежны.

Пропеллер усердно разрезал дым. Чирк, чирк! – доносилось снаружи его монотонное пение. Ему хрипло подпевал надышавшийся дымом мотор: дхыр, дхыр... Мастер Фло почти вплотную прильнул к экрану, пытаясь что-то разглядеть в темноте. На его бледном, сосредоточенном лице пропустили и шевелились, будто играя, желваки, что было недобрый знаком.

– Э-э-эх, босс, всё нормально, – успокаивал мастера Эхо. – Нормально же идём?

- Какое там нофмально, фах-фах, если я ничего не вижу?! - маленькие глазки Фло гневно блеснули из-под его огромных очков. - Если так будет пфодолжаться, мы во что-нибудь вфежемся.

- Хм, судя по тому, как нам везёт, - не удержался от язвительного комментария Пупырышек, - мы обязательно врежемся.

- Да что вы?! Да как вы смели?! Кафкаете тут под фуку, как вофона!.. - вспылил мастер Фло.

- Кто? Вофона? Ха-ха! - передразнил его бесстыжий гном, что было уже совсем недопустимо.

Разгневанный Фло обернулся, оставив без присмотра панель управления. И зря! Поскольку в этот момент на экране показалось нечто подозрительное.

- Уй, босс?! - крикнул, тыча пальцем в монитор, Эхо, но было уже поздно.

Яблоколёт не успел увернуться, врезался в так некстати и неожиданно возникший на его пути утёс. Пропеллер противно, со скрежетом и свистом, чиркнул по отвесной каменной стене. Гора в ответсыпала его камнями. Лопасти, вращаясь на невероятной скорости, легко разрезали их, превращали в пыль. Однако гора настаивала на своём - угостила пришельцев новым камнепадом. Пропеллер, в конце концов, устал, затупился, притормозил, а затем и вовсе остановился. Камни, больше не встречая на своём пути препятствий, навалились на яблоколёт и, дружно громыхая, повлекли его за собой в пропасть.

Яблоки, побитые, истерзанные, кожура в клочья, покатились вниз. Несчастный пропеллер с ужасным треском отломился и остался где-то позади. А камни всё горячились, всё били и били непрошеных, всё прогоняли незваных. Ещё бы долго наши путешественники мучились так, если бы на их пути, снова неожиданно, но ох как кстати, не возник тупик.

Кто-то, будто специально для гостей, будто знал, что они так больно падать будут, подстелил им соломки. Яблоки с разгона налетели на баррикаду из сушёной травы, которая приняла их мягко, по-матерински. Камни ещё некоторое время барабанили по обшивке, после чего им, видать, игра надоела, и они пошли на мировую - устроились отдохнуть здесь же, на соломенной подстилке.

- Фу-у-ух, - перевёл дух Фло и, вдруг спохватившись, спросил: - Все целы?

- Кажись, не совсем, - простонал Пупырышек и выплюнул себе на ладонь выбитый зуб.

Ёлочка и Машенька не пострадали, только сильно растрепались их причёски. Однако же у Сморчка возникла проблема - сбежала шапка. Вернее, та её часть, которая была живым мехом. Из-за тряски открылось окно, и она выпала... Старик схватился за голову, которую некому было пригреть.

- Ну что за напасть? - причитал колдун. - То Тень чуть не утонула в реке, то шапка затерялась в горах. Где мне её искать? Испугалась, наверное, бедолажная? Одна там... Ай-яй!

- Подумаешь - шапка? Я вот зуб потефял... - пожаловался гном и заплакал.

Из-за выбитого зуба он не мог выговаривать букву «Р» и теперь картавил. Точно так же, как и мастер Фло, над которым Пупырышек совсем недавно так неосторожно шпутил.

Сам Фло уже выбрался из своего покосившегося во время аварийной посадки кресла, прошёл через салон к выходу, где остановился в нерешительности. Дверь заело, и открыть её без инструментов не получится.

- Ухо, пфинеси топоф, - распорядился, не оборачиваясь, мастер, после чего, также не поворачивая головы, обратился к Пупырышку: - Поздфавляю вас, дфужочек. Тепефь мы с вами похожи. Фах-фах! Оба фазговафиваем стфанно, не так ли? Смешно? Ну что же вы так пфеживаете? Вы же должны были знать, что неостофожно пфоизнесённое слово может сфаботать пфотив вас? Язык - это магия. Вам ли, голубчик, этого не знать? Вы же не новичок в сказках?

- Я всё понял! Хватит?! - взмолился гном. - Пфощу вас - не смейтесь надо мной...

- Что вы? Я и не думал смеяться. Пфосто хотелось пфеподать вам уфок. Впфочем, вы пфавы. Хватит! Не стоит тефять вфемя. Нам надо выбифаться. Где топоф?!

- Уй, несу, босс, - отозвался Ухо.

Словно святыню, бережно, на вытянутых руках, он нёс свой любимый инструмент. То, что он любимый, Маша поняла по символу буквы «У», высеченному на блестящем лезвии топора. Следом за другом семенил Эхо, навьюченный двумя тяжёлыми кожаными мешочками. В них были собраны самые нужные и полезные вещи, которые могут пригодиться в дороге.

- Э-э-эх! - затянул песню Эхо.

- У-у-ухнем! - подхватил её Ухо и, не отвлекаясь, под песню, приступил к делу: размахнулся, рубанул.

Дверь треснула, прослезилась соком. Мастер Фло поморщился. Ему нелегко было видеть, как ранят яблоко, которое стало для него таким родным.

Глава 36. Халвовые горы

Машенька последней выбралась из яблоколёта. Сморчок подал ей руку. Она заметно дрожала. Взгляд колдуна, в котором притаилась боль, блуждал по серо-фиолетовым окрестностям. Девочка перехватила взгляд, и сердце в её груди сжалось. Не столько понимала, сколько чувствовала она, что старика нужно поддержать, что очень важно сейчас подобрать доброе слово и этим словом подарить ему надежду.

- Я верю, - просто сказала малышка.

Сморчок вздрогнул, перевёл на неё взгляд, в котором читался вопрос.

- Мы обязательно разыщем шапку, - пообещала Маша, и она действительно в это верила. - Мне сердце подсказывает. Я знаю точно. Вы верите мне?

- Ну, раз сердце подсказывает, Чистое Сердце человеческого детёныша, то как не верить? - колдун улыбнулся - одними только глазами.

Машенька знала, что так бывает. Её папа частенько глазами улыбался. Вроде бы отчитывал дочку за какую-нибудь шалость, говорил что-то строго, а в глазах искорки играют, а в их уголках улыбаются мелкие морщинки. Так же искренне улыбаются, как радуга, перевёрнутая дугой вниз.

— Ёй-ёй, портал до сих пор дымится — всё небо закоптил, — мимо, ёйкая и вздыхая, прошла Ёлочка.

— Фах-фах? — с другой стороны послышался озабоченный голос Фло-мастера.
— Куда нам тепефь идти? Где находится швейная фабфика? Фах, идти пфидётся пешком... Фах-фах...

— Ёй, насколько я помню, фабрика расположена слева от радуги. Ёй, точно! — буковка «Ё» уверенно указала на гору, похожую на обезьяную мордочку.

— Фах, мадмуазель, что вы имеете в виду — слева? Если бы яблоколёт прифиземлился по дфугую стофону фадужного пофтала и мы сейчас стояли бы там, то гофа, на котофую вы указали, была бы спфава, а не слева. В таком случае левой стофоной следовало бы считать вон ту скалу, — мастер повернулся лицом к серому скалистому образованию в форме кувшина с ручкой и носиком.

— Э-э-э, задачка?.. — нервно засунул пальцы в свои кудри Эхо.

— Уй, а волшебный компас нам для чего?!? — радостно вскрикнул Ухо и полез в мешок за компасом, который он предусмотрительно свинтил с панели управления яблоколёта.

Фло-мастер поковырялся немного в приборе, настраивая на поиск швейной фабрики, поднял его над головой, чтобы ничто не мешало красной стрелочке сосредоточиться на нужном направлении. Стрелка несмело покачнулась, затем, дабы избавиться от всяких сомнений, пробежалась вокруг своей оси и остановилась. Она приняла решение — фабрика там, где восток.

— Значит, нам на восток, — объявил мастер Фло и тотчас же двинулся в путь, даже не удостоверившись, идут ли за ним остальные.

Ухо и Эхо переглянулись, потёрли плечи, которым предстояло сейчас потрудиться, взвалили на них мешки и, кряхтя, поплелись за боссом. Машенька с Ёлочкой взялись за руки и вместе запуршали по соломе. Причём малышка нарочно, чтоб шума больше было, шаркала ножками по сухой траве. Весёлый шелест поднимал ей настроение. Замыкали шествие Пупырышек, страдающий из-за потерянного зуба, и колдун Сморчок, который, понятное дело, тоже был без настроения. Тень преданно стелилась у его ног.

Соломенная подстилка закончилась. Далее, насколько мог охватить глаз, простирались серо-коричневые горы.

«Дорога будет трудной, — подумала Маша, делая первые осторожные шаги по камням. — Взбираться на гору мне ещё не приходилось».

При ближайшем рассмотрении камни показались девочке подозрительными. Они крошились под ногами, отчего идти по ним было гораздо сложнее, нежели могла предположить Маша. К тому же камни пахли странно — они пахли вкусно!

«Но разве ТАК должны пахнуть камни?» — изумилась малышка, чьи ноздри явственно щекотали приятные запахивания арахиса и какао. Заинтригованная, Машенька присела на корточки и отколупала кусочек от булыжника, о который

она чуть было не споткнулась. Аромат чего-то вкусного и, вероятно, сладкого усилился. Определённо, он исходил от камня.

Девочка задумалась: «Если в реке вместо воды текло молоко, то почему бы и горам не быть съедобными? В сказке всё возможно. Надо проверить!»

Машенька зажмурилась, высунула язычок и, так и не открывая глаз, положила на него ароматную каменную крошку. Как и предполагала она, камень оказался вполне съедобным. На вкус — ванильная халва.

Войдя в азарт, малышка отщипнула от коричневой глыбы, в состав которой, должно быть, входило какао, затем от плиты с арахисовыми вкраплениями. Ещё попробовала она камешки с изюмом. Это был её любимый сорт халвы.

— Мур-мур, — замурлыкала от удовольствия Маша, — какие замечательные горы?! Мечта сладкоежки — целые горы халвы! Как их правильно назвать? Халвичные или халвяные? Ёлочка, подскажи?

В ответ тишина. Увлёкшись поеданием горной халвы, девочка не сразу это заметила. И только когда её капризный желудок получил вкусную мзду, Машенька опомнилась, огляделась по сторонам. А вокруг никого! Ни Ёлочки, ни Фло-мастера с его командой, ни даже Пупырышка и колдуна Сморчка, которые, как была уверена девочка, шли позади неё. На малышку равнодушно смотрели лишь молчаливые горы и красивое фиолетовое небо, усеянное миллиардами далёких, холодных звёзд.... Да ещё ветерок, деловито сметающий с халвовых уступов сахарную пыль, согласился составить Маше компанию...

— Ау! — позвала девочка.

— Ау-у-у!!! — охотно ответил ей ветер.

— Ау... — едва сдерживала слёзы Машенька, которая поняла, что заблудилась. — Ау, друзья, где вы? Как же вы? Без меня? А как же я? Ау?! Я здесь! Я потерялась...

Сил больше не было сдерживаться. По лицу ручьём потекли горячие слёзы. Любопытный ветер крутился вокруг девочки, которая очень его заинтересовала. Жалея, он гладил её по головке, отчего Машины волосы совсем растрепались, и ласковым дуновением пытался осушить слёзы. Но всё напрасно. На смену высохшим слезинкам катились новые — ещё более горячие и горькие.

— Ы-ы-ы, — рыдала Машенька и тёрла кулачками уже покрасневшие глаза. — Как же я здесь сама? Как?

Ветер не знал, что ответить, дул, присвистывая, и думал, как помочь земной девочке. Надумав, он закружил хвостом халвовые крошки и упорхнул. Теперь Маша действительно осталась одна. Одна-одинёшенька в чужой, незнакомой стране, под чужим небом, которое холодно сверкало, пересчитывая свои звёзды.

Глава 37. Старик под деревом

Седой старик сидел под единственным деревом, умудрившимся выжить в суровой гористой местности, и посасывал, зажав между коленями, большую,

закрученную кренделем трубку. Она остыла. В её недрах давно потухли огоньки. Старику это было безразлично. Он прикладывался к трубке скорее по инерции. Где-то очень далеко витали его мысли.

Дерево заботливо распустило над человеком покрытые розовыми цветами ветви. Они дивно светились, освящая волшебным светом своим вечные сумерки.

Глаза старика широко открыты. Неморгающий, застывший взгляд прикован к горизонту. Там радуга беспокоится, извергает в небо дым. На тёмно-фиолетовом фоне дым почти не различим. Однако глаза человека, неподвижно сидящего под деревом, способны видеть многое.

Сумерки сгостились. Платея неба, всё в звёздчатую крапинку, стало блеклым и невыразительным. Тревога повисла в воздухе. Беспокойство передалось и дереву, которое прогнулось под нахлынувшим внезапно ветром, осыпало цветочной пыльцой старику.

- Что? - очнулся, наконец, человек, поднял голову, стряхнул пыльцу и вопросительно посмотрел на дерево. - Что размахалось ветвями?

Древце что-то хотело сказать, но, увы, не могло говорить. Вместо него передал послание вездесущий ветер:

- Ы-ы-ы... Как же я здесь сама? Как?

- Кто меня зовёт? - встрепенулся стариик.

Он встал, одной рукой опираясь на дерево. Другая рука была занята трубкой. С ней старый человек никогда не расставался, всегда носил её с собой, хотя весила она немало.

- Ы-ы-ы... - доносились откуда-то детские рыдания.

Ветер нетерпеливо дёргал старика за лохмотья, хотел увести его за собой. Но человек медлил, стоял, прислонившись к дереву, и наблюдал за извивающейся на ветру бородой, которая доходила ему до колен.

Тогда ветер разочарованно дунул ему в лицо:

- У-у-у! Ау-у-у!!!

- Ну хорошо, - согласился человек, - веди.

Борода, подхваченная ветром, повернула вправо. Таким образом ветродуй давал понять, в каком направлении следует идти.

Стариик двинулся было, но дерево его не пустило, оплело ветвями руку.

- Что на этот раз? - человек обернулся к дереву, окинул его взглядом и всё понял. - Корни... Ты пустила корни, да? Видать, слишком долго я здесь сидел и думал?.. Прости.

Дерево, которое недавно было походной палкой, покачнулось, поднатужилось. Халовая, присыпанная арахисом земля под ним пошла трещинами. Показались корни.

- Не надо, - слёзно попросил стариик. - Ради меня не стоит. Пощади себя?!

Упрямое деревце не послушалось, накренилось. Послышался треск. Ещё чуть-чуть, и тонкий ствол переломится. Здешняя земля, давно не орошаемая дождями, слишком затвердела. Так просто она не желала расставаться с единственным во всей округе деревом.

Человек стал на колени. Он был немощен и стар. Каждое движение приносило ему боль, но ради друга старик готов был и не такое стерпеть.

- Я терплю, и ты потерпи, - сказал человек и голыми руками принял раскапывать корни.

Слипшаяся комками халва забилась ему под ногти. Подтаяв от человеческого тепла, она также липла к ладоням, не давала себя стряхнуть, мешала старику, но он упорно продолжал копать. Ветер решил помочь человеку, подул сильнее, снимая слоями халвовый песок, разбивая комья в пыль. Да и дерево не сдавалось, повторяло попытку за попыткой, настойчиво шевелило корнями. В конце концов, халва расступилась, выпустила его из своих сладких объятий. Неуклюже, вперевалку деревце выбралось из выкопанной ямы. Теперь оно могло самостоятельно перемещаться, используя корни вместо ног.

Человек был счастлив, потому что не потерял друга, и горд, поскольку друг его стал сильнее. Раньше это была палка. Пусть не простая, а волшебная, но всё же палка. На неё стариик опирался во время своих путешествий по сказкам. Она не раз спасала ему жизнь, помогая отбиться от хищников или сбить с верхних ветвей деревьев, попадавшихся на пути страннику, спелые плоды. Однажды стариик устал бродить по незнакомым тропам, воткнул палку в халву и сел, прислонившись к ней, отдохнуть. Человек сильно устал. Чтобы набраться сил, ему понадобилось много времени. Очень много! Палка ждала его, ждала и сама не заметила, как приросла к чужой земле, превратилась в настоящее дерево.

- Ы-ы-ых?! - не скрывая восхищения, вздохнул стариик. - Какая ты у меня стала!

Палка-дерево благодарно зашуршила, протянула ветви, чтобы человек, как и раньше, опёрся на неё. Стариик не отказался от помощи. Он был немощен. Больные ноги с трудом несли.

Ветер подгонял человека, дул ему в спину. Стариик терпел. Он знал, что должен терпеть, поскольку кому-то нужен. Кому-то, чьи горькие рыдания принёс на хвосте ветер.

Глава 38. Кто меня звал? Ык!

- Ы-ы-ы, - рыдала, с надрывом, до икоты, Машенька, свернувшись калачиком возле большого коричневого камня.

Халва, с её сладостью и приятными ароматами, больше малышку не прельщала. Маше было холодно и одиноко. Она хотела к маме.

- Кто меня зовёт? - неожиданно спросил кто-то совсем рядом, всего в нескольких шагах от камня.

Машенька от страха перестала плакать. Однако натёртый до красноты нос всё не мог успокоиться, по-предательски хлюпал. Чтобы её не услышали, девочка зажала нос двумя пальцами. Долго так выдержать она не сумела. Открылся рот и, хоть Маша того не хотела, громко икнула:

- Ык!

- Да вот же я! Кто меня зовёт? – искренне недоумевая, почему ему не отвечают, допытывался незнакомец.

Малышка притаилась. Она не знала, можно ли ему доверять, поэтому пока молчала.

Незнакомец, судя по хрустящему арахису, подошёл к камню, перегнулся через него. Машенькин лоб защекотало что-то мягкое.

Малышка вжала голову в плечи. Чтобы не икать, она глубоко вдохнула, затем, как учила её бабушка, начала медленно, с паузами, выдыхать воздух. Обычно бабулин приём срабатывал, но, видать, сегодня икота решила сделать исключение. Ей, коварной, пришлось по вкусу мучить девочку. Маша трижды, будто салютовала, икнула:

- Ык! Ык!! Ык!!!

- Я давно уж здесь, – сказал, улыбаясь, седобородый старик.

Это его борода малышку щекотала!

«Ну и бородища?! Ну и длиннощая?!» – удивилась Маша.

Со смешанными чувствами, страха и радости, она рассматривала склонившегося над ней незнакомца. Его прекрасно было видно в розовом свете волшебного деревца. Цветущая корона пышно распустилась над головой старика, образуя что-то вроде нимба.

«Как у Святого Николая?!» – не переставала удивляться девочка.

Вспомнив бабушкину икону с бородатым дяденькой, который деткам подарки приносит, Машенька невольно улыбнулась. Такое сравнение ей понравилось. Испуг и недоверие сменились любопытством. Малышке было интересно узнать, кто сейчас стоит перед ней. Правда, она и так уже много знала. Сердце ей подсказывало, что старый человек – добрый, что он не причинит ей вреда.

– Ну, я пришёл, девочка, – незнакомец сел на камень, потёр больные колени, потом зажал между ними огромную курительную трубку. – Говори, зачем звала? Что случилось?

– Я рада, дедушка, что вы пришли, – вежливо отвечала Маша, – но, простите, я вас не звала.

– Как же так? Ведь ты только что трижды назвала моё имя?! Я, может, не молод уже, но пока что в своём уме.

Малышка растерялась. Честное слово, она не понимала, почему старик рассердился. Что вообще за нелепицу он такую говорит? Как она могла его звать, если даже имени не знает? Действительно, чепуха...

Незнакомец, подперев рукой подбородок, выжидательно смотрел на девочку. Машенька чувствовала, что должна что-то сказать, открыла рот, но опять вместо слов вылетели смешные икательные звуки:

Отшельник Ык

- Ык, Ык, Ык!

- Ну вот же?! – старик нетерпеливо взмахнул рукой. – Ты зовёшь меня!

- Кто – я? Ык...

- А то кто же? По-моему, кроме нас двоих, здесь больше никого нет?

- Но я... Я... – девочка покраснела и впервые за то время, которое она успела провести в Сумеречной стране, обрадовалась сумеркам, поскольку они прятали её стыдливый румянец. – Я просто икала... Ык!..

Старик хлопнул себя по лбу. Машу весьма удивило то, что он тоже покраснел.

– Какой же я болван?! Как я не подумал об этом? – смущённо лепетал незнакомец. – Мне даже в голову такое не пришло. А ведь должен был догадаться! Какой же я... Ну, хватит. По-моему, пора мне представиться. Меня зовут Ык.

– Вам бы водички попить, – посочувствовала малышка. – И я не отказалась бы. Да где её, водичку, взять? Одни сладкие горы кругом...

– Земная девочка меня неверно поняла. Я вовсе не икаю. Это моё имя такое – Ык.

– А-а-а, – наконец-то, дошло до Маши. – Вы, стало быть, буква «Ы»?

– Ык! – утвердительно икнул старик, которому так и передалась Машенькина икота.

Румянец на его дряблых щеках стал гуще. Малышку разобрал смех. Старик по имени Ык был настолько смущён, что начал наматывать на палец свою длиннощую бороду, а носком правой ноги он ковырял халву. Выждав несколько минут, пока Машенька насмеётся (а ей, проказнице, остановиться было невмоготу), Ык спросил:

– И всё-таки земная девочка, имени которой я не знаю, вряд ли будет спорить со мной относительно того, что я пришёл вовремя? Девочка нуждается в моей помощи? Или я не прав? Что-то не так понял?

– Правы! Правы! – спохватилась Маша, испугавшись, что старик обидится и бросит её одну посреди всей этой ставшей ненавистной халвы. – Меня Машенькой зовут. Маша Журавлёва я...

– Очень приятно, – Ык протянул для пожатия огрубевшую, покрытую мозолями ладонь. – Но позвольте поинтересоваться, Маша Журавлёва, что вы делаете в горах? Сама? Без сопровождения?

– Я заблудилась, – призналась девочка, – потеряла своих друзей.

– Это я уже понял. Ык! – старик опять икнул.

На этом моменте разговор прервался, поскольку с неба сорвалась звёздочка. Падая, она ужасно вопила. Ветер махнул хвостом, поймал её и бросил к ногам старика. Ык натянул на ладони рукава истрёпанной походной накидки, осторожно поднял звезду, подул на неё, потёр о локоть, словно золотую монету, полюбовался, прикидывая при этом, куда бы её деть, и, не придумав ничего лучшего, опустил звезду в трубку. Её нежный прохладный свет погас, но уже через мгновение тонкие лучики, пока ещё не смело исследующие новое пристанище, начали просачиваться сквозь крендель.

— Йк, — довольно икнул старик. — Отныне у меня два светильника: дерево и упавшая звезда. Сумерки нам не страшны. Можем отправляться на поиски твоих друзей. Уверен, коль они — друзья, значит, они тоже тебя ищут.

Старик и девочка зашагали вместе по хрустящей арахисом халве. Дерево, переваливаясь с корня на корень, присоседилось к Маше. Оно взяло её под свою опеку, раскрыло над малышкой, словно зонтик, цветущую крону.

Йку дорогу освещала звёздочка, которая праздновала своё новоселье неиссякаемым потоком чистого света. Сумерки отступали перед силой и величием волшебных светильников, таяли, пропуская путников. Шурш, шурш! — шуршал под ногами халвовый песок. А Машеньке с её богатым воображением казалось, что это шуршат фиолетовые юбки призрачных дам, которые встречают её изящными реверансами.

«Как весело и совсем не страшно, — размышляла малышка, бросая на седого спутника благодарные взгляды, — путешествовать, когда ты не одна, когда рядом с тобой друг. Тогда и сумерки не страшны, как не страшны те чудища, которые, возможно, в них обитают. Ну, почти не страшны...»

Глава 39. Чёрный рыцарь верхом на пауке

По дороге Машенька рассказала Йку свою историю, описала в красках вход в сказку через оконное стекло, полёт по парному космосу, зонтичный город, где живут фиолетовые ангелы, борьбу с прожорливыми Сомнениями, погоню за чёрной дырой, Лес Совести, верёвочную пирамиду, поле подсолнухов, молочную реку, переход через портал на Границу, сердце-планету. Закончила своё повествование малышка аварией в горах. Старик слушал с интересом, временами о чём-то спрашивал, после чего неизменно кряхтел в бороду и качал головой, переваривая услышанное. Он многое повидал на своём веку, но такие приключения ему даже не снились. Ему — коренному жителю сказок??!

Дерево и звезда, заслушавшись, светили ярче, выбивали у Машеньки слёзы. Прозрачные, как хрусталь, слезинки ловили свет и множили его. Лицо девочки светилось радостью. Чистые, светлые слёзы заставили её забыть о недавних рыданиях слезами горькими.

«Выходит, слеза от слезы отличается?» — сделала вывод Маша и сама себе удивилась.

Да, порой неожиданные мысли рождаются в её головке. И не важно, что она ещё совсем малышка. Сказка многому учит малышей. Это Машенька тоже поняла.

Свет выловил из сумерек нечто шевелящееся, мохнатое. Старик сразу приметил, остановился. Но Маша, занятая своими мыслями, продолжала идти. Её слезящиеся глаза не видели опасности. Не слышала девочка и окриков Йка, предупреждавшего, что дальше не стоит идти. Поэтому, когда перед самым её

носом вдруг вспыхнули восемь огоньков, Машенька очень удивилась и даже не успела от удивления испугаться. Она стояла и смотрела, как из сумерек на восьми ногах ползёт на неё лохматая чёрная туша.

— Назад! В свет! Назад! — звал девочку Йк.

Малышка попятилась, ненароком наступила на корень дерева, которое, в свою очередь, ненароком припудрило её розовой цветочной пыльцой.

Туша оказалась пауком размером с корову, огоньки — его блестящими глазами. И вот теперь Маша испугалась. Да нет же! Её обуял ужас!!! Она, конечно, знала, что Сумеречная Долина — родина пауков-великанов. Более того, она уже имела возможность познакомиться с двумя представительницами этого сказочного народа — там, на верёвочной пирамиде. Ёлочка уверяла тогда Машеньку, что пауков бояться не надо, что они хорошие. И всё же, столкнувшись лоб в лоб с пауком, который, что вширь, что в высоту, в несколько раз был больше малышки, трудно было не содрогнуться.

Паучище, воинственно шевеля отростками возле рта, вошёл, медленно, по-хозяйски, в круг света, отбрасываемого волшебным деревцем. Его нелепое уродство резало глаза, и Машенька, чтобы не видеть, зажмурилась. Она замерла, готовясь к худшему. В её голове мелькали, одна тревожнее другой, мысли: «Меня сейчас съедят или потом — оставят на десерт? В сыром, как я есть, виде или ещё как-нибудь? Мамочка, как же страшно??!»

— Пардон, барышня! Мы вас напугали? Как прискорбно! Прошу прощения! Пардон! Пардон! — на голову малышки посыпалась извинения, в подчёркнуто вежливом тоне.

Маша, всё ещё жмурясь, приподняла бровь. Неужели это сам паук перед ней извиняется? Вот этот самый лохматый громила?!

О смелев, девочка приоткрыла глаз и тут же закрыла. Вид восьмиглазого паука, нагло рассматривающего её, был невыносим.

— Понимаю, — посочувствовали ей. — К их виду сложно привыкнуть. Я сам долго привыкал. Пять лет и пять месяцев!

— Йк, — икнул за спиной Машеньки Йк, — кого я вижу?! Пэр Плюнь-Чпок??!

— Приветствуя путников, — последовал холодно-вежливый ответ.

«Паук с таким смешным именем?» — прыснула со смеху девочка и, не в силах сдерживать своё любопытство, открыла глаза.

Паук, как и прежде, таращился на неё. Но говорил всё-таки не он, а господин в чёрном комбинезоне, который сидел на его спине. Маша только сейчас его заметила.

— Позвольте спросить, барышня? — паучий наездник приятной брюнетистой наружности обворожительно улыбнулся, слегка наклонил голову и красиво, этак по-рыцарски, приложил правую руку к сердцу. — Передо мной земная девочка? Та девочка с добрым и храбрым сердцем, которая не побоялась заступиться за падшего колдуна перед Хранителем? Маша Журавлёва, если не ошибаюсь?

— Я? — обомлела Маша.

От волнения, вызванного вовсе не страхом, а восхищением перед величественным господином, который одаривал её бархатным взглядом чёрных, с лёгким прищуром глаз, девочка чуть было не забыла, как её зовут.

— Йк, это Маша. Машенька! Вы, как всегда, правы, господин, — старик Йк склонился в почтительном поклоне. Не разгибая спины, он приблизился к малышке и прошептал: — Это пэр Плюнь-Чпок. Буква «П». Правая рука паучьего короля. С ним нужно быть осторожным, ибо гнев Плюнь-Чпока ужасен...

пэр ПЛЮНЬ-ЧПОК

— Полноте, старик, пугать нашу гостью, — укорил Йка господин изменившимся вдруг, осипшим, ставшим похожим на звериный рык голосом. — Я не пугало, чтобы мной пугали детей.

— Йк, йк, йк... — от страха Йк неприлично долго икал. — Я не то хотел сказать. Я не то имел в виду...

— Полноте! — прикрикнул на него Плюнь-Чпок, гневно сдвинув чёрные, будто углем нарисованные, брови.

Он больше не казался Маше милым рыцарем. «Нет, — подумала малышка, — старик Йк прав. С таким нужно быть осторожным. Да...»

Господин пяткой ударил в бок паука. Сильно ударили, согнав на бедолашном злость. Паук присел от боли и, как недавно Машенька, зажмурился.

«Да что же это вы?!» — хотела возмутиться девочка, которой стало жаль паука, но Плюнь-Чпок остановил её холодным взглядом. Впрочем, долго взгляд холодным не был, вскоре смягчился, потеплел.

— Чистое Сердце... Что с него взять? Оно должно кого-то жалеть, ведь потому и Чистое, — снисходительно сказал господин и протянул Маше крепкую, но изящную руку, обтянутую чёрной перчаткой. — Прошу барышню разделить со мной седло. Ножки, пожалуй, устали? Пешком путешествовать по горам слишком утомительно и долго. Вы же, как я полагаю, спешите на фабрику? Вас ищут друзья?

— Вы правы! О, как вы правы! — не переставал кланяться Йк.

Плюнь-Чпок, не обращая внимания на поклоны старика, легко, одним движением руки поднял Машу с халвы и усадил перед собой, затем взял в руки поводья, и вдруг его взгляд упал на звезду в трубке.

— Что это? — строго спросил пэр. — Неужели звезда?

— Так точно, йк...

— Хм, упавшая звезда — это хорошая примета, — только и сказал Плюнь-Чпок, пришпорил паука и скрылся в сумерках.

Со стариком надменный господин и не подумал попрощаться. Но Йк не был в обиде. Он радостно вздохнул, ведь легко отделался. Обычно встреча с правой рукой паучьего короля простому гражданину Антресолии не сулит ничего хорошего.

«С аристократами нужно вести себя осторожно», — думал старик, усаживаясь под своим деревом. Трубку он зажал коленями, ещё раз вздохнул, посмотрел на небо и приступил к своему любимому занятию — начал думать и мечтать. Дерево, как всегда, оберегало человека, распустив над ним цветущую крону. Ветер ласковым дуновением шлёпал по халве. Звёздочка, соскучившись по родному небу, мечтала вместе со стариком, лучистым сиянием своим посыпала приветы сёстрам. Те звали её, смеялись. Звезда от тоски по дому и родным потускнела. Тогда старик натянул на ладони рукава истрёпанной накидки, вынул из трубы звезду и подбросил.

— Лети, милая, домой, — пожелал Йк и смахнул с дряблой щеки одинокую слезу.

Звёздочка лучами зацепилась за небо. Сёстры подбадривали её, хором пели о том, как они рады, как счастливы, что снова вместе.

— И я рад, и я счастлив, — шептал старик, а по щеке текла новая слеза, а в слезе отражалась ЕГО звезда.

Она посыпала лучистым сиянием своим привет человеку, она уже скучала...

Глава 40. Тьма из пропасти

Холмы, склоны, уступы мелькали перед Машенькиными глазами, словно кадры киноплёнки, которую перематывают. Паук беззвучно мчался, перегоняя ветер, ловко перебирал восемью ногами, не касаясь, казалось бы, халвы. Привычный к сумеркам и горам, он не боялся препятствий на своём пути, всюду проползал, пролезал, на любой уступ вскарабкивался. Движения его были быстрыми и при этом плавными. Всадники практически не чувствовали дискомфорта, не замечали тех сложностей, с которыми сталкивался и мужественно преодолевал несущий их паук.

Маша расслабилась, радуясь, что на этот раз путешествие обходилось без происшествий. Присутствие за спиной Плюнь-Чпока придавало ей смелости. Девочка чувствовала, что этот господин очень могуч. Даже на физическом уровне от него исходила сила, от которой у Машеньки шли мурашки по коже, а по шее и затылку пробегал холодок. В чём заключалась сила буквы «П», малышка не знала. Это пока был для неё секрет. Но она не сомневалась, что очень скоро секрет раскроется — мрачноватый пэр Плюнь-Чпок покажет себя, проявит свои возможности.

Паук всё время двигался на большой скорости, и Машеньке трудно было любоваться местными пейзажами. Впрочем, картинка за картинкой, сменяющие друг друга, были удивительно похожи. Вечные сумерки наложили на природу печать одинаковости. Так решила Маша поначалу. Когда же её глаза привыкли к полумраку и мельканию, она изменила своё мнение. Окрестные горы оказались не такими простыми. Каждая из них имела свой неповторимый характер. Вон

промелькнула гора, похожая на слонёнка, за ней расправила крылья гора-сова. Там вот павлином распустила хвост густо-коричневая скала, а рядом – вытянула к небу капюшонистую шею халовая кобра.

«Не горы, а зверинец? – удивилась малышка. – Это, наверное, бог-кондитер приготовил столько халвы? Интересно, где он взял так много семечек? Не с поля ли Цыпочки? Но почему именно халва, а не, скажем, шоколад? Ах, я бы с удовольствием сейчас съела шоколадку!..»

Паук взобрался на зубчатую вершину будто коронованной горы. Здесь, на головокружительной высоте, переливаясь серебристыми искорками, лежал, на первый взгляд, снег. Приласканный звёздами, он возвращал им отражённый свет. Небо над вершиной стало прозрачнее. Снег приветственно хрестел под ногами паука и такие же вкусные, как халва, источал ароматы.

«Слишком вкусно пахнет? Значит, это всё-таки не снег? Нет, не снег! – сделала вывод Маша. – Надо бы его попробовать. Обязательно надо!»

Но как это сделать, когда паук, ни на секунду не замедляя ход, всё бежал и бежал на восток? Плюнь-Чпок погонял его, сжимая коленями паучьи бока и периодически прищипывая пятками. Он торопился, будто той сумасшедшей скорости, с которой мчался паук-скакун, ему было мало.

У Машеньки закружилась голова. Она вдруг почувствовала, что не в состоянии удержаться в седле, сразу обмякла как-то, и её понесло в сторону. Плюнь-Чпок одной рукой схватил девочку за локоть, другой хлопнул паука, приказывая ему притормозить. Паук послушался, но тотчас же выполнить приказу не получилось – слишком большую скорость он набрал. Впереди показался обрыв. Паук, расставив ноги, скользил по вкусно пахнущему снегу и оставлял на нём восемь кривых полос. В последний момент, когда пропасть, притаившаяся за обрывом, уже дыхнула на путешественников холодом, скакуну удалось остановиться. Весь взмыленный, он лежал на брюхе, наполовину погрузившись в снег.

– Ах, – слабо застонала Машенька.

Плюнь-Чпок поддерживал её. Когда же малышка сделала движение, намереваясь сойти, он не позволил.

– Подожди, – тихо сказал пэр, пристально вглядываясь в поднимающуюся из пропасти темноту.

Паук вздыбил свою лохматую шубку, стал на ноги и попятился. Медленно, чтобы не сорваться в пропасть. Комья белого вещества, которое Маша приняла за снег, посыпались вниз. Пропасть проглотила их, не издав ни звука.

– Слышите? – не повышая голоса, спросил Плюнь-Чпок.

Девочка навострила уши. Паук тоже прислушивался. Но всё напрасно – пропасть, заполняющаяся темнотой, которая вот-вот перельётся за край её, на самую вершину, молчала.

«Как такое возможно?» – хотела сказать Машенька, однако пэр зажал ей рот ладонью.

– Тише. Они слушают нас.

– Кто? – беззвучно, шевеля одними губами, спросила малышка, когда Плюнь-Чпок ослабил хватку.

– Призраки кошмаров, когда-либо приснившихся людям, призраки тёмных желаний, когда-либо порождённых их чёрствыми сердцами. Это Граница, девочка. Здесь всякое можно встретить. И раньше отбросам сказочного общества удавалось просачиваться сквозь пограничные двери. Теперь же, когда Черви Сомнения прогрызли в сказках так много чёрных ходов, тьма человеческих душ хлынула потоком. Пограничники, как я погляжу, не справляются со своей работой...

Пэр Плюнь-Чпок говорил ещё что-то. Он рассказывал так тихо, что Машеньке всё время приходилось напрягать слух. Всех слов она разобрать не смогла, но главное поняла – им угрожает опасность, надо бежать отсюда, и как можно быстрее.

– Уходим, – коротко приказал пауку Плюнь-Чпок и крепко обнял девочку.

Восьминогий скакун развернулся, но не успел он сделать и шагу, как тьма пошла в наступление. Из пропасти выскочила свора двухголовых собак. Их глаза горели углами, из ноздрей валил дым. Псы, в один прыжок преодолев расстояние между пропастью и пауком, зубами вцепились в его задние ноги. Паук упал, но прежде взмыкнул, отбросив обратно, в пропасть, скулящих псов. Всадников накрыло снегом.

– Уходим, – сплюнув, повторил приказ Плюнь-Чпок.

Паук попытался встать, но его раны, видно, были серьёзные, и он снова упал. Псы же не медлили. Выбравшись из пропасти, призраки окружили путешественников, отрезали им путь к отступлению.

Плюнь-Чпок спешился. Машу он держал на руках. Подумав немного, пэр опустил девочку на снег и подтолкнул её к пауку. Машенька почувствовала за своей спиной тепло паучьей шубки.

– Держись Шустрика, не отходи от него ни на шаг, – не прошептал, а прошипел Плюнь-Чпок, затем метнул на паука, которого, стало быть, Шустриком зовут, грозный взгляд и приказал, уже переходя на рык: – Защищай её! Отвечаешь за детёныша головой!

Паук вздрогнул, стал над девочкой на полусогнутых ногах, накрыл её своей густой шерстью. При иных обстоятельствах Маша сравнила бы его с наседкой, защищающей свои яйца. При иных обстоятельствах, но не сейчас. В данную минуту ей было не до сравнений. Малышка села на корточки, обхватила колени руками. Паучьи ноги образовывали вокруг неё что-то вроде решётки. Две из них, задние, раненые, дрожали. Сердце Машеньки кольнула жалость. Паук для неё больше не был монстром, которого она так испугалась всего пару часов назад. Теперь это был друг, который защищал её от настоящих чудовищ – тех двухголовых созданий, вышедших из пропасти и не сводивших с девочки горящих глаз.

Плюнь-Чпок вышел вперёд, подбоченился. Ему, вроде бы, совсем не было страшно. Псы оскалились, залаяли. Их лай походил на смех.

– Вы не знаете, с кем связались. Потом не ропщите! – предупредил их пэр.

- Лай-ла-ла! Как же не знаем? Правая рука короля! Лакомый кусочек!
- Лакомый, да не для вас.
- Это мы ещё посмотрим, - огрызнулась правая голова ближайшей к Плюнь-Чпоку псины.

- Я вырву твою печёнку! - облизнулась левая.

Правая грызнула её за ухо:

- Я первая, лай-ла! Первая!

- Вечно тебе всё первой достаётся, - не сдавалась левая голова, отвечая правой тем же: кусала её, да ещё била лапой.

Пёс, чьи головы никак не могли решить, кто из них главнее, закружился волчком. Остальные призраки спорили друг с другом, чья возьмёт. Но беда в том, что у каждой псины было по две головы, и каждая голова придерживалась своего мнения. Невероятная началась грызня!

Плюнь-Чпоку эта неразбериха была только на руку. Он подобрался ближе к сбившимся в кучу собакам, вытянул шею и... Что произошло дальше, Маша не поняла. Шерсть паука, свесившаяся над её лицом, мешала ей смотреть. Девочка только отметила, что сверкнуло что-то серебристое, и тьму в буквальном смысле разрезало на лоскуты. Поскуливая, призраки расползлись в разные стороны, расстелились по снегу, где начали склеиваться обратно в псов.

Один из них оказался в опасной близости от малышки. Он не нападал, просто лежал на брюхе и наблюдал, оценивая ситуацию. Паук его не замечал, зато пёс прекрасно видел, как дрожат раненые ноги Шустрика. Выбрав момент, призрак напал на паука сзади, излил на него всю свою ярость, нанося несчастному новые раны. Шустрик, не ожидавший подвоха, грузно опустился на снег. Машенька едва успела отскочить, иначе паук её наверняка раздавил бы. Коварный пёс только этого и ждал, бросился на девочку. Перед самым лицом малышки раскрылись, лязгнув зубами, две пышущие огнём пасти. Раскрыться - раскрылись, но не укусили, поскольку на Машенькину голову запрыгнула невесть откуда взявшаяся шапка колдуна. Озадаченный пёс сел. Шапка светилась зелёным магическим светом, который отпугивал тёмного призрака. Пёс пригнулся, поджал уши и хвост, но не уходил.

- Это всего лишь шапка, - процедил он сквозь зубы. - Шапка колдуна, но не сам колдун. Да и колдун сейчас, по слухам, уже не тот. Вся сила его в прошлом.

- Не смей порочить имя хозяина! - ощерилась шапка.

- Это для тебя, шелудивая, Сморчок - хозяин. Не для нас! Мы давно свергли колдуна. Он падший. Он больше не наш Князь.

- Ты ответишь за эти низкие слова, чернь! - шапка сделала ударение на слове «чернь».

- Что ты можешь сделать одна? - пёс издал звук, похожий на хрюк. - Одна?

- Я не одна, - усмехнулась шапка, потопталась, устраиваясь удобнее на Машиной голове, свесила хвост, кончик которого спрятался за воротом её платья.

Призрак насторожился, и не зря. С востока на заснеженную вершину безымянной горы надвигалась туча.

Глава 41. Будь с нами, будь, как мы

Лошадь вороная мчалась по небу, сбивала копытами звёзды. Небесные красавицы, возмущённые грубым обращением, насквозь прошивали небо, оставляя на нём длинные огненные стежки. Лошадь второпях задевала халвовые вершины. Гордые горы обиделись, затряслись. Груды халвы обрушились в пропасть.

- К нам идёт подкрепление! Ура! - заорала шапка и на радостях подпрыгнула.

Её совсем не смущало то, что под ней Машенькина голова. Шапка уселась, задрала заднюю лапу и с энтузиазмом начала вылизывать у себя под хвостом. Таким нарочито беспечным поведением она демонстрировала врагам, что им скоро придёт конец.

Псы-призраки завыли. Они предчувствовали свою погибель, поэтому с особым ожесточением ринулись на Плюнь-Чпока. Рыцарь отважно защищался, выплёывал на чернь серебристую нить. Именно выплёывал! Теперь Машенька видела это отчётливо. Нить ранила псов. Только и слышно было: чпок, чпок! Это тьмой истекали раненые призраки. Но Плюнь-Чпок один, а псов - целая свора. Некоторым из них удалось подкрасться к рыцарю со спины и накинуть на него тёмные сети. Тьма жаждала мести, и она мстила - затягивала Плюнь-Чпока в пропасть.

- Лай-ла-ла, хороший улов! - лаяли псы, пуская слюну. - Славный, лай-ла, будет пир!

Лошадь перемахнула через халвовый пик, чиркнула по нему копытом, навечно оставив свой отпечаток, и, наконец, опустилась на заснеженную вершину, которая стала ареной для жестокой борьбы между сворой голодных призраков и одиноким рыцарем. Плюнь-Чпок уже наполовину свесился с края обрыва. Он судорожно цеплялся за камни, но, будучи халвой, горная порода крошилась под его пальцами.

По центру пропасти сгустилась тьма. Она предвкушала изысканное угощенье.

- Надо же? Правая рука паучьего короля?! Сам Плюнь-Чпок в сети попался! - смеялись призраки.

Лошадь подошла к обрыву. Призраки умолкли, не отпуская, однако же, своей добычи.

- Ахура-а-атс? - медленно протянула тьма и засвистела, отзывая назад своих псов.

Призраки, задом наперёд, отлетали в пропасть. Там они соединялись в большущую псину, у которой было много, очень много голов. Все они клацали зубами и дышали огнём, так и норовя обжечь дыханием своим Ахуратс, которая явилась к ним в образе лошади.

Тень оставалась невозмутимой, помогла Плюнь-Чпоку, протянув ему хвост, забраться на вершину. Многоголовое чудище с опаской наблюдало за ней.

Когда же рыцарь отошёл подальше от обрыва, к тому месту, где жались друг к другу паук и Маша, сотни глоток оглушительным басом спросили:

– Что ты делаешь, сестра? На чьей ты стороне? Мы с тобой из одной тьмы... Из одной тьмы мы с тобой сотканы. Почему же ты обижашь нас? Сестра???

Тень заколебалась. Лошадь, из образа которой она не желала выходить, нервно затеребила ушами, забила передним правым копытом по снегу. Чудище из пропасти, чувствуя слабинку своей сестры, продолжало увещевать её и незаметно подплывало к ней ближе:

– Какой ты была и какой ты стала, Ахуратс? Как грозно гремело твоё имя... Раньше! Сколько великих злодеяний ты сотворила за века?! Да мы молились на тебя! Величайшая из нас! Сильнейшая из нас!! Злейшая и темнейшая!!! А теперь что? От той Ахуратс, которую мы знали, осталась лишь слабая тень. Опомнись, сестра! Вернись в наши ряды, ведь мы – твоя семья! Будь с нами, будь, как мы!

Образ лошади оплыл, превратился в кляксу. Тень потеряла форму. Слова, исходившие из тьмы, ядом прожгли её, заставили вспомнить о былом. Ахуратс и не заметила, как чудище из пропасти подплыло к ней вплотную, раскрыло объятия.

– Иди, иди к нам, сестра! – сладко позвали её пёсцы морды, сотни пёсчьих морд, выглядывавших из тьмы.

Ахуратс потянулась к сёстрам. Машенька не верила своим глазам. Неужели Тень, та самая Тень, к которой она успела привязаться, подчинилась тёмным голосам? Не может быть?!

– Ахуратс, девочка моя, ко мне! Ко мне! – откуда-то сверху, прямо с неба, донёсся отчаянный зов Сморчка.

Слова хозяина отрезвили Тень. Она отпрянула от края обрыва. Чудище, протянув к ней щупальца, завыло:

– Ну, почему, у-у-у?! Почему он, а не мы? Ведь ты для колдуна рабыня, у-у-у, а мы – твои сёстры? Вечно ли ты будешь служить ему, вечно ли будешь его тенью? Только тенью?

Ахуратс замялась. Из кляксы вылепилось лицо – лицо плачущего человека.

– Я не рабыня, – Тень воздела к небу очи, из которых чёрной тягучей нефтью капали слёзы. – Он – мой друг. Слышите, друг! Вы знаете, что это такое – ДРУГ? Вы знаете, как это приятно, когда тебя любят? **ЛЮБЯТ**?

– Зло любить нельзя, зло не может любить. Ты такая же, как мы. Чем ты лучше нас? – завистливо лаяли псы. – Почему, у-у-у?

Тень не знала, что ответить. Она и сама не понимала, почему? За что? Действительно, чем она лучше? Чем?

– А разве за что-то любят? Хм... Я не знал. Я думал, что любят просто так. Любят, да и всё. Просто... – размышлял вслух Сморчок. – Ахуратс – мой единственный друг. Я прикипел к ней душой. Она никогда не бросала меня, всегда была рядом, даже когда все миры отвернулись от падшего колдуна.

Машенька вертела головой, напрасно высматривая в сумерках говорившего. Старика Сморчка нигде не было. Голос его, казалось, исходил отовсюду.

«Не растворился же он, в самом деле? – недоумевала малышка. – Хотя колдуны многое могут, на то они и колдуны. Но Сморчок вроде бы лишён силы? Как же так?»

– Любовь придаёт силы, любовь окрыляет, – отвечал Маше колдун, будто слышал её мысли.

Девочка была уверена, что он действительно слышал. Ей захотелось сказать ему, одними только мыслями, что-то хорошее. Она зажмурилась, приложила к сердцу руку и подумала: «Я тоже ваш друг, слышите? Ваш и Ахуратс. Я не отвернулась от вас, хоть вы и падший».

– Любовь придаёт силы, любовь окрыляет! – звонким, весёлым голосом повторил Сморчок.

«Он слышит, он услышал меня!» – обрадовалась Маша.

Тень изогнулась. Её счастливое лицо было обращено к небу, в то время как из спины росли два крепких, сильных крыла. Они касались гор, щекотали их халковые бока. Горы хотели, низвергая в пропасть камни.

Глава 42. Вестницы зари

Оранжевая заря обожгла небо. Изумлённые сумерки расступились. Царствую на Границе вечность, такого зрелища они ещё не видели. Горную вершину окатило золотистым светом, сладкий снег начал подтаивать.

Машенька вспомнила, что ещё не попробовала его, опустила палец в образовавшуюся возле её коленки липкую лужицу, которая на глазах приобретала коричневатый оттенок. Так бывает, когда сахар нагревают на сковородке. Он растворяется, густеет, темнеет, превращаясь в тягучую массу, которая, в свою очередь, быстро стеклениет.

«Сахар-сахарок?! Кто бы сомневался! Сюда бы добавить маслища и какао, как мама делает. Ох, и вкусная получилась бы глазурь на торт!» – замечталась девочка, облизывая палец.

Свет брызнул в глаза, ненарочно причиняя им боль. Привыкшие к сумеркам, они щурились и слезились.

– Да сколько же можно? – Маша вытерла слёзы.

Действительно, уже в который раз слёзы омывают её щёчки? Малышка встала с коленок. Козырьком приложив ладонь ко лбу, чтобы не так резало глаза, она всматривалась в свет. Не сразу, постепенно, на свету стали проявляться пятна.

– Шевелятся? Значит, что-то живое? Что же это? Что? – девочка нетерпеливо закусила губу.

Долго ждать ей не пришлось. Пятна стремительно приближались, росли. Они летели, выстроившись косяком, ритмично, будто на счёт «раз-два», поднимали и опускали крылья.

- Крылья? Это же птицы?! Птицы! – искренне обрадовалась Машенька этим милым существам, которых, признаться, она никак не ожидала встретить посреди мрачных сумерек.

- Прошу заметить, это не обычные птицы, – подчеркнул Плюнь-Чпок. – Вестницы зари. Стражницы Поднебесья!

Он даже не поднял головы, не взглянул на птиц, но голос его звучал убедительно. Пэр знал, о чём говорит, и малышка верила ему. Да и как рыцарю не верить? Только вот, кто такие вестницы зари? Что это за птицы такие, о которых сам Плюнь-Чпок с почтением отзывается?

- Цвириньк, цвириньк! Чистому Сердцу слава! – приветствовали Машу. – Слава! Слава и почёт!

Девочка опешила от таких восхвалений, нерешительно подняла руку и помахала птицам. Они приблизились настолько, что их уже можно было рассмотреть, и принялись наматывать над зубчатой вершиной круги. Машенька мысленно сравнила себя с генералом, который проводит смотр воздушным войскам. «Тогда уж лучше с маршалом, а не генералом», – поправила себя малышка и улыбнулась.

По развоенным кончикам хвостов нетрудно было определить, что птицы, с писклявым цвириньканьем отдающие ей честь, являются ласточками. Машенька вспомнила, как любит этих птичек её бабушка. А всё почему? Всё из-за внучки! Когда Маша была совсем маленькой девочкой, она называла свою бабулю ласточкой. Вот так бежала она по улице, раскрыв объятия, и кричала во всё горло: «Ласточка-а-а!!!» И каждая тётишка обличивалась на этот зов, и на лице каждой читалась зависть. А в бабушкиных глазах (это Машенька отлично помнит) сияли от гордости и счастья звёзды слёз.

Птицы туловища были опоясаны ремнями, посредством которых к ним крепились странного вида устройства. Что-то среднее между пушками и ракетницами. От этих устройств к кловам ласточек протягивались верёвки. Когда птицы пролетали над пропастью, они поворачивали головки влево, верёвки натягивались, и в этот же момент из дул устройств вылетали споны оранжевых лучей. Пронзая тьму, лучи рассыпались на искорки, которые колючками застревали в теле многоголового чудовища. Призраки вопили и корчились. Многие из них отделялись от тьмы и бросались наутёк. Но помеченные искрами, они отлично просматривались в сумерках. Прежде чем беглецам удавалось найти укрытие в какой-нибудь расщелине, птицы их настигали и контрольными выстрелами из пушек пригвождали к халве. Запахло жжёным арахисом.

И здесь, Маша отметила, ласточки действовали организованно. Одни из них, истратив заряд, отлетали, чтобы заправить пушки, другие, со свежими искрами, возвращались, чтобы продолжить операцию. Руководили процессом две лётчицы-командирши. Их несли на спинах ласточки, такие же, как и прочие солдаты в отряде, только без пушек, налегке.

– Левее, левее, а теперь назад! – отдавала распоряжения отлетающим птицам лётчица в лиловом комбинезоне и такого же цвета шлеме.

- Направо, направо, милые! – взмахом руки указывала, куда лететь вновь прибывшим ласточкам, вторая лётчица в голубой форме.

– Цвириньк, цвириньк, – пернатые Стражницы Поднебесья, прославленные вестницы зари, исправно выполняли приказы начальниц. Их развоенные хвостики то и дело мелькали: туда-сюда, туда-сюда.

Плюнь-Чпок уже знакомым Машеньке рыцарским жестом – правую руку приложил к сердцу – приветствовал лётчиц.

- Прелестные, прелестные Лори и Нори! Наша доблестная воздушная кавалерия! Как вы вовремя?! Как вы вовремя!..

Его голос, обычно уверенный, со стальными нотками, задрожал. Тьма хорошо приложилась к рыцарю, выпила много его сил. Тем не менее, пэр Плюнь-Чпок держался достойно. Спина – прямая, как струна. На лице играет полуулыбка.

Похвала из уст пэра Плюнь-Чпока, второй по важности особы в Сумеречной Долине и обаятельнейшего рыцаря, подействовали на лётчиц странным образом. Обе девушки, которые минуту назад беспристрастно командовали целым пернатым отрядом, ужасно смущились, заёрзали в сёдлах и, будто сейчас это было важным, начали поправлять свои причёски. Шлемы им не мешали, поскольку были дырявыми, а из дырочек выглядывали волосы: у той, что в лиловом комбинезоне, – собранные в два хвостика, у той, что в небесно-голубом, – в две толстые косички.

- Напрасно вы нас так хвалите, мы просто выполняем свою работу, – из-под голубого шлема послышался нежный, слегка приглушённый девичий голосок.

– Лишнее это, да... Льстите вы нам... Да... Не стоит. Да-да... – смущённо поддакивала подружке лётчица с хвостиками.

Плюнь-Чпок продолжал улыбаться, не убирал с груди руки. И мало кто мог догадаться, что его сердце, ужаленное тьмой, болит, потому и держится так за него рыцарь.

– Кто те две лётчицы? Буквы? «Л» и «Н», должно быть? Но кто есть кто из них? Отсюда не видать, лычек на погонах не разобрать? – Машенька шёпотом спросила шапку.

Донимать вопросами ей больше некого было. К Плюнь-Чпоку девочка стеснялась приставать. Раненый паук стонал. Оставалась только шапка – подходящий объект для допроса.

Оторвавшись от вылизывания хвоста, шапка промокала что-то неразборчивое и снова вернулась к своему занятию, свесив хвост над Машенькиным левым ухом.

– Попрошу подробнее, пожалуйста, – малышка рассердилась, что её вопросы игнорируют, и дёрнула шапку за этот самый хвост.

Он оказался мокрым. Скорчив презрительную гримасу, Маша вытерла ладонь о подол платья. Шапка взвизгнула, поспешила спрятать под себя хвостик и в отместку, совсем не сильно, скребнула девочку по волосам. Затем, успокоившись, она таки соизволила дать ответ, с подробностями:

– Лётчица в лиловом комбинезоне есть буква «Л». Позывной – Лори. Номер по алфавиту – 13. Вторая, в голубой форме, на имя Нори отзывается. Это номер 15-й, буква «Н».

Быстро оттараторив, будто отчитавшись, шапка притворилась мёртвой: закрыла глаза, высунула язык.

Маше стало совестно. И правда, зачем было обижать шапку, за хвост её дёргать? И это после того, как она, шапка, спасала девочку от призрака? А ведь могла и не спасать?..

– Прошу прощения, мадам. Или всё-таки мадмуазель? Как лучше к вам обращаться? – приторно-сладким голоском обратилась к шапке Машенька, согнула ноги, отведя колени в разные стороны, и немного отодвинула одну ногу назад.

Это она так реверанс изображала. Но поклон не получился. Ноги разъехались на скользкой сахарной корке, и девочка плюхнулась на попу. Шапка крепко задумалась. Настолько крепко, что не обратила внимания на абсолютный провал реверанса в Машенькином исполнении. Она сидела, выпрямив спину и раскрыв пасть, из которой капала слюна. Малышка поморщилась, но промолчала, обёрнувшись тыльной стороной ладони своей заслюнявленный лоб.

– И всё же, уважаемая, как мне к вам обращаться? – снова спросила Маша, не повторяя на этот раз попытки изобразить реверанс. – Мадам, сеньора, миссис, фрау, пани или, может, хатун?

Малышка выпалила все известные ей обращения к дамам. Известные, кстати, из любимых маминих сериалов.

Шапка хекнула, улеглась, подперев хитрую мордочку лапками.

– Думаю, – мечтательно сказала она, – моим рыжим ушкам приятнее будет слышать – ГОСПОЖА КРАСАВИЦА.

– Красавица? – Маша едва сдерживалась, чтобы не рассмеяться.

– Красавица! – подтвердила шапка и гордо выпятила грудь. – Посмотри, какая у меня шерсть! А какие усы! Ни у кого таких нет! Скажи, ты видела когда-нибудь такие?

– Точно не видела, – призналась малышка, и она не кривила душой – усатых шапок, и чтоб они ещё говорили, ей до сих пор не приходилось видеть.

– Посмотри, какой у меня... – шапка хотела что-то добавить, но как истинная дама, к тому же красавица, прервалась на самом интересном месте.

Действительно, зачем раскрывать все секреты? Пусть сами догадываются!

– Хвост? – предположила Маша. Шапка отрицательно покачала головой. – Нос? Лоб? Тогда не знаю.

– Да ну тебя, какая ты недогадливая!.. – шапка обиделась, высунула язык и, обильно брызжа на Машу слюной, объяснила: – Пошмотри, какой у меня кшасифый язычок!

Мимо стрелой пролетели ласточки. На спинах они несли паучий десант. Шапка с любопытством уставилась на них, позабыв о малышке и тем самым избавив её от повинности сочинять комплимент «кшасифому язычку». Машенька этому была очень рада. Пока шапка не опомнилась и снова не закапризничала, девочка посеменила, стараясь не поскользнуться, к обрыву. Она догадывалась, что там, в пропасти, сейчас что-то происходит. Что-то очень интересное! Ей непременно нужно было знать, что именно.

– Быстрей, – шапка подгоняла Машу. – Я ничего не вижу. Пропустим же...

Глава 43. Паучий десант и гостеписец

Ласточки кружились над пропастью, однако ниже не опускались. Пауки-десантники в пузатых, кастрюлеобразных беретах в красно-белую крапинку и с большими сачками (вместо автоматов) наперевес друг за другом, под строгие выкрики старших «Пош-ш-шёл!», прыгали в темноту. Некоторое время их не было видно, как ни всматривалась Маша, присевшая на корточках у края обрыва. Но вскоре начали раскрываться паутинистые парашюты, серебрившиеся, как и нить Плюнь-Чпока, паучьей магией. Одной из сильнейших среди миров, как уже убедилась девочка. Света от паутины и лучистых искорок, застрявших в скулящих призраках, было достаточно, чтобы Машенька и шапка могли удовлетворить, хотя бы частично, своё любопытство.

Десантники, высадившиеся на дне пропасти, собирали кружевые парашюты, распускали их и полученной нитью опутывали правонарушителей. Тех же призраков, которым каким-то образом удавалось освободиться от искрящихся колючек, пауки ловили сачками. Далее следовала стандартная процедура: на пёсси шеи набрасывались петли и, не успевали призраки перегрызть нити, как они завязывались тугим узлом.

Последняя группа десантников, сброшенная ласточками в пропасть, особенно заинтересовалась Машу, поскольку среди военных девочка обнаружила одного штатского. На нём не было берета и не болтался сачок, зато выделялись огромные восьмилинзовые очки и увесистый неуклюжий рюкзак, набитый свёрнутыми в трубочки свитками. В толстых стёклах очков отражались играющие на ветру искорки.

– Интересно, кто тот очкарик? Раз в очках, значит, много читает? Не похож на военного? Что он там делает? – вслух размышляла Машенька, не замечая, впрочем, что делала это именно вслух.

— Тьфу, — сплюнула шапка, которая сидела, положив лапу на лапу, и грызла коготь, — это же гостеписец?! Записывает всех, кто пересекает Границу. Гостей он в списки типа вносит. Нудный! Лучше тебе от него держаться подальше. Замучает своими вопросами, а толку никакого. Только время потеряешь.

Малышка озадачилась. Оснований не верить шапке у неё не было. Стоило бы, наверное, держаться тени, чтобы не попасться на глаза гостеписцу? Но что делать с любопытством? С этим чувством Маша бороться так и не научилась. Оно всегда оказывалось сильнее доводов разума.

— Ну как знаешь, — шапка дёрнулась, лизнула свой бок, — не говори потом, что госпожа красавица тебя не предупреждала.

— А госпоже красавице так уж обязательно всё время что-то грызть, чесаться, лизаться и плеваться? — Машенька, позабыв, видимо, недавний инцидент с шапкой, снова позволила себе рассердиться, за что тут же получила хвостом по носу.

Рыжий хвост нагло свесился над её лицом. Но шапке этого было мало, и она махала им слева направо, справа налево, да ещё приговаривала с нескрываемой издёвкой:

— Тик-так, тик-так, вот так тебе, вот так!

Девочка нахмурилась. Хвост мешал ей смотреть, а противный шапкин голос — слушать. «Ах, эта шапка!.. Куда бы её забросить?» — в сердцах подумала, но, к счастью, не сказала Маша. А то бы шапка ей добавила хвостом по носу.

Паук-гостеписец, тем временем, прохаживался меж рядов повязанных призраков, останавливался возле каждого из них, расспрашивал и что-то записывал в свиток. Писал, правда, он мало, поскольку призраки отказывались отвечать. Паук сердился, топал ногами и размахивал свитком. Наверняка он кричал, но Машенька его не слышала. Паук находился слишком далеко — на самом дне пропасти, малышка же — на самой вершине.

По горам гулял ветер, бороздил халву, выковыривал изюм и арахис, а затем подхватывал сладкий трофей, кружил и с громким «у-у-ух!» заглатывал его в воронку. Так развлекался он долго — целую вечность. Но никак не мог насытиться.

На его пути выросла гора с зубчатой вершиной. По привычке ветер подмёл её уступы, сдул халловую пыль. Он хотел уже удалиться, как вдруг увидел хрупкую детскую фигурку в оранжевом платье. Она показалась ему знакомой. Ну конечно же! Это земная девочка, которую он нашёл однажды плачущей возле коричневого камня! Сколько времени с тех пор прошло, ветер не знал. Может, минуты, может, часы, а может, столетья? Ветру всё это было едино, ветру было всё равно. Но встрече с девочкой он обрадовался.

— Ух-ух-у-ух! — пел ветерок, желая привлечь внимание Машеньки, теребил её платьице.

Девочка съёжилась. На её коже от холода простили мелкие пупырышки. Шапка сжалась, спрыгнула Маше на плечи, вытянулась, распушила шерсть. С таким воротником малышке сразу стало теплее.

Ветер настаивал на своём, дул сильнее. Он хотел, чтобы его заметили, хотел сказать, как он рад. Девочка лишь хмурилась... Тогда ветерок решил сделать ей

подарок — осыпал изюмом и арахисом, выковырянными из халвы. Всё напрасно. Чем больше он старался, тем больше Машенька была недовольна. Она закрыла лицо ладонями, чтобы защитить от изюма глаза, сжала посиневшие от холода губы. Ветер, чьи дары не оценили, совсем отчаялся, метнулся в пропасть, несколько раз прошёлся по её дну. Там были призраки. Много скулящих призраков. Ветру они были не интересны. Он много призраков повидал на своём веку. Другое дело — земная девочка. Такие гости в сказке — редкость. Ветер волновался за неё, чувствовал, что чем-то обидел, но искренне не понимал, чем.

«Нет, так не годится, у-у-у, стоит проверить, как она там», — ветерок помчался назад, на вершину. На лету он сбивал с ног пауков, подхватывал случайные слова и фразы. Некоторые из них, например того очкарика с рюкзаком, его насмешили.

— Надоть уважать закон, — распинался паук-гостеписец, отчитывая призрачных псов, которые жалобно выли и от бессилия скрипели зубами. — Так-так, уважать закон есть обязательно для всех. Ну же, как есть имя ваше? С какой целью вы к нам прийти? Отвечать надоть, когда я вас спрашивать!

Ветер отнёс слова паука малышке. Кажется, на этот раз он угодил. Девочка заинтересовалась, прислушалась.

— Ух ты-ы-ы! — обрадовался ветер, что таки потешил малышку, и, желая закрепить эффект, отправился за новой порцией смешных слов.

Халва под ногами Машеньки, нещадно обдуваемая ветром, уже давно подозрительно трещала, а теперь вот посыпался сладкий песок. Девочка не придала этому значения. Ветер уже возвращался. Он превзошёл самого себя, летел на невероятной скорости, так спешил достичь до земной гостьи смешные слова очкастого паука. Силы, однако, ветер не рассчитал, обрушился на вершину всей своей мощью. Халва не выдержала его напора. Большой кусок горы, как раз там, где на корточках сидела Маша, откололся и понёс малышку в пропасть.

Благо, Ахуратс была недалеко. Тень догнала Машеньку, обхватила её за плечи и, щёлкнув, распустилась над ней парашютом. Девочку сначала подбросило вверх, а затем медленно, плавно она начала спускаться. Ветер, нашкодив, предпочёл удалиться. Где-то там, за тёмными скалами, равнодушным кольцом обступившими пропасть, были слышны его горестные завывания.

Внизу Машеньку уже ждали пауки. Гостеписец вынул из рюкзака чистый свиток. Он готовился к допросу.

Глава 44. Допрос, или Как есть ваше имя?

Шапка уткнулась мордочкой в Машину шею. Она часто моргала. Девочка чувствовала это, поскольку шапкины реснички всё время щекотали её.

— Что-то не так? — спросила Маша, но шапка не ответила, только теснее к ней прижалась.

Малышка так и не поняла: зверёк защищает её, согревая своим мехом, или, наоборот, ищет у неё защиты?

– Надоть же? Надоть же?! – скрестил на груди четыре передних лапы паук-гостеписец. – Кого я сейчас видаю? Это есть шапка колдуна? Где же сам колдун? На каком основании, я есть позволить себе спросить, вы есть пересечь Границу? Это есть недопустимо! Где есть ваш документ?

Шапка молчала, сопела и подёргивала усами. Её волнение передалось обычно бесстрашной Ахуратс. Тень сгустилась в комочек и пульсировала, будто имела сердце, и сердце это лихорадочно отсчитывает удар за ударом.

– Как это надоть понимать?! – взвизгнул от возмущения паук-гостеписец, вперив восемь блестящих бусинок-глаз в Ахуратс, затем он кивнул своим собратьям в крапчатых беретах: – Почему вы её до сих пор не связать? Тёмный призрак есть на свободе. Надоть, надоть связать!

Десантники надвинулись на Ахуратс, которая уже готова была дать сдачи, расправила крылья.

– Это есть недопустимо! Так-так. Есть! – не унимался очкарик.

– Кушайте на здоровье, – ни с того, ни с сего пожелала ему Маша, которая никак не могла понять, почему это паук всё время есть просит, когда вон сколько халвы кругом. – Я пробовала. Есть можно. Не бойтесь, допустимо. Рекомендую ту, что с изюмом. Только пить потом очень хочется.

Грозные десантники наставили на Тень сачки, но, услышав такое, побросали своё оружие и схватились за животы. Безудержный хохот разнёсся по округе. Даже призраки – и те смеялись, перебрасывались шутками:

– Гражданин начальник, перекусите, хе-хе!

– Смотрите не подавитесь, хру-хру!..

Паук-гостеписец сорвал с нашейной цепочки карандаш с красным стержнем, посплюнявил его и быстро, размашисто написал что-то на жёлтом свитке. При этом он не проронил ни слова. Дождавшись, пока смех поутихнет, гостеписец обратился к Машеньке.

– Вы должны понимать – это есть Граница. Мой долг есть проверять, вопросы задавать. Сами видите, с кем приходится работать. Сомнительный это есть контингент!

– Вижу, задавайте вопросы, я отвечу, – поспешила заверить паука Маша. – Только я не сомнительный... Как его? Конверт... или... то есть концерт... В общем, не контрагент я.

По дну пропасти прошла вторая волна смеха. Девочка удивлённо озиралась. И хотя она не чувствовала за собой вины, что-то ей подсказывало – стоит извиниться.

– Прошу прощения, уважаемый, – Машенька забыла, как следует обращаться к пауку, который пишет что-то там, – если что я сказала не так, то не специально. Честно, честно!

Для убедительности малышка прижала к груди руки. Шапка, учуя запах сахара, облизала её липкие пальцы.

– Как есть имя ваше? – строго спросил паук.

— Маша Журавлёва я, — охотно ответила девочка.

Гостеписец внёс имя в списки, подумал, почесал карандашом под резинкой, посредством которой очки держались на его мохнатой голове.

— Это есть официальное имя?

— Ну да... — Машенька, не понимая, к чему клонит паук, растерялась.

— А есть ли у земной гостины ещё имена, о которых мы должны знать?

— Однажды один мальчик, — малышка ясно представила себе Петюньку, такого же очкарика, как и этот паук, — назвал меня Солнечным Зайчиком, и теперь многие меня так зовут. Только я не думаю, что вы это должны знать, что это важно?..

— Мы сами решать, что мы должны знать. Мы есть закон! Итак, Солнечный Зайчик! — старательно вывел карандашом гостеписец, подчеркнул и поставил в конце жирный восклицательный знак. — А с какой целью Солнечный Зайчик пересечь Границу?

— Швейная фабрика. Мы на швейную фабрику за нитками идём. Нитки нужны, чтобы в Лесу Совести починить верёвочную пирамиду.

— Кто есть мы?

— Ох, — вздохнула Машенька, — нас было много: Фло-мастер, Ухо, Эхо, Ёлочка, гном Пупырышек и колдун Сморчок. Только я потерялась. И шапка вон тоже потерялась. А потом мы друг друга нашли. Да, ещё Тень по имени Ахуратс с нами.

— Что-о-о?! — все восемь стёкол паучьих очков как-то сразу запотели. — Падший колдун есть осмелиться снова пересечь Границу? Что скажет на это Хранитель?

— А он уже сказал, — Маша спокойно оправила платье, почесала за ухом шапку, — предоставил колдуну временный пропуск. Потому что я за него поручилась. Так что всё по закону, уважаемый...

— Ну-ну, — паук-гостеписец резким движением поставил точку, чуть не продырявил свиток, — временный — не постоянный.

— Чистое Сердце?! Чистое Сердце?! — загадали вверху, над пропастью, ласточки, обнаружившие пропажу земной гостины.

Раздались залпы пушек, и оранжевым фейерверком вспыхнули зарницы. Пернатые стражницы, ведомые Лори и Нори, беспокойно метались, искали девочку. Пауки-десантники, завидев такой переполох, связались по радио с лётчицами.

— Приём, приём, — говорил в малосенький микрофон, который выдвинулся из-под берета, старшина. — Детёныш с Чистым Сердцем у нас, у нас.

— Не расслышала, повторите, — попросила Нори.

— Девочка на дне пропасти. Как слышите нас? Приём?!

Рация в ответ затрещала, но вскоре сквозь треск прорвался нежный голосок Лори, в котором слышалась забота:

— Ой-ла-ла, с девочкой всё в порядке? Она цела? Нужна помощь?

— Всё в порядке, — успокоил её старшина, — наша гостья цела и невредима.

— Ой-ла-ла! Ха-ха-ха! — звонким колокольчиком засеребрился смех буквки «Л». — Сейчас мы заберём девочку. Ловите лестницу!

Пауки расступились. Длинная, на первый взгляд безразмерная лесенка, сплетённая из крепких паучьих верёвок, спустилась в пропасть. До дна она, однако, не дотянулась. Оставалась какая-то пара метров. Всего-то! Но для Маши с её маленьким ростом это было приличное расстояние. Она подпрыгнула, подняла руки, попыталась ухватиться за лестницу, но та, будто специально, выскоцила из её ладоней и поднялась ещё на пару метров. Теперь уж точно Машеньке не допрыгнуть. К тому же с каждым прыжком хрупкая халовая порода, сырая на дне пропасти, крошилась, превращалась в кашицу, и ножки девочки всё глубже и глубже погружались в халву.

— Ниже давай, ниже, — слышно было, как Нори переговаривается по радио с Лори, советует ей ниже опустить лестницу.

— Ладно, ладно, — согласилась с подружкой Лори, направила ласточку вниз.

Лестница коснулась Машиной макушки. Пользуясь моментом, паучий старшина подсадил девочку на нижнюю ступеньку. И как раз вовремя, поскольку вернулся ветер. Как и Машенька, он был чрезмерно любопытен, а потому не мог долго оставаться в сторонке, наведался с очередной проверкой в пропасть. Малышка больно ударила плечом об отвесную халовую стену.

— Эй, полегче там! — возмутилась шапка, которой тоже досталось.

Ахуратс, чёрной тучей следовавшая за Машей, погрозила ветру пальцем. Мол, не шали, проказник, не дуй, когда тебя не просят. Ветер разочарованно свистнул, обогнал ласточек и помчался к звёздам сдувать с них космическую пыль. Может, небесные красавицы не прогонят, поиграют с ним немножко?

Дальнейший подъём девочки из пропасти прошёл гладко. Лори помогла ей взобраться на спину ласточки, занять место в запасном седле. Вообще-то сёдел было много. Машенька насчитала десять, и каждое из них было двойным, с ремнями безопасности.

Лори обернулась. Убедившись, что малышка пристегнулась, она подняла забрало своего красивого пилотского шлема, подмигнула и весело сообщила:

— Летим на восток!

Глава 45. Швейная фабрика

«Наконец-то я попаду на фабрику, — думала Машенька. — Ах, каким долгим оказалось до неё путь?.. Долгим, но интересным! Вон сколько всего произошло?! А сколько ещё произойдёт? Да, какой же скучной была моя жизнь до того момента, когда меня затянуло в окно? То было дома... Дом... Мама... Ах...»

Девочка вздохнула. Она неожиданно для самой себя почувствовала тоску по дому, по своей комнатке с разбросанными игрушками.

«Что скажет мама, когда обнаружит этот бардак? Наверное, будет ругаться? Только на кого, если меня там нет? Интересно, мама расстроится? Будет ли меня искать? А папка? Папочка?!!» — на этом месте ход мыслей прервался, поскольку

Маша всхлипнула. Ей, так же неожиданно, стало жаль своих родителей... И немножко жаль самой себя.

Ласточки обогнули халвовый пик, изогнутый серпом. За ним, к величайшей радости Машеньки, расстилалась равнина. От гор девочка уже порядком устала, надеялась увидеть что-нибудь новенькое. Равнина не разочаровала её. Она была поистине прекрасна, хотя не изобиловала растениями. Пейзаж – сплошные красно-бурые пески под фиолетовым небом, усыпанным миллиардами звёзд, – будто сошёл с картины художника-фантазии. Песок удивительного окраса слабо светился. Периодически по волнистым дюнам скользили разноцветные огоньки. Появлялись и исчезали, чтобы через секунду снова появиться в совершенно другом уголке равнины.

Прямо по центру её вросло в красные пески грандиозное по форме своей и размерам сооружение. Три, на вид стеклянные, пирамиды, острые вершины которых накрыты диском. Пирамиды составлены из квадратных, гладко отполированных блоков. Совершенно прозрачных, ярко освещённых изнутри. Сквозь стены отлично просматривались прямые, многократно пересекающиеся коридоры, большие залы, крохотные комнатки и прочие помещения, по которым сновали туда-сюда пауки в синих рабочих халатах.

Огромный блестящий диск, венчающий пирамиды, служил посадочной площадкой для космолётов разнообразных моделей. Чего только не было? То и дело зависали над диском летающие ромашки – лёгкий, как поняла Маша, вид воздушного транспорта. Наряду с ними курсировали к фабрике и обратно, в звёздчатое небо, грузовые космомашины: вытянутые сосиски кабачки, пузатые пыхтящие арбузы и груши-ракеты, передвигающиеся странно, скачками.

Груз у всех был одинаковый – свёрнутые мотками, накрученные клубками и обёрнутые вокруг катушек серебристые паучьи нити. Впрочем, были нитки и других цветов. Их выкрасили здесь же, на фабрике. В правой пирамиде на третьем этаже размещался красильный цех. Даже с улицы видно было, как пауки в резиновых перчатках полощут нитки в ванночках, наполненных красками, а затем развесывают их на вентиляторах для просушки.

Интереснее всего Маше было наблюдать за тем, что происходило на втором этаже центральной пирамиды. Это была святая святых швейной фабрики. В просторном, с очень высокими потолками цехе изготавливали волшебные нити. Паучихи в цветастых платочках делали это, что говорится, вручную: выплёвывали паутину, перетирали её лапками, связывали паутинку с паутинкой, переплетали их и при этом вслух читали заклинания. Паучих было очень много. Всех не сосчитать. И каждая из них выплёвывала, тёрла, вязала и говорила что-то. Из пирамиды, хоть не было заметно ни открытых окон, ни дверей, доносился непрерывный монотонный гул. Нити прямо на глазах утолщались, наполнялись серебристым светом.

Готовый продукт складывался на конвейер, по которому он переправлялся с этажа на этаж, из пирамиды в пирамиду. После покраски, например, нити отправились в левый фабричный сектор, где находилась испытательная лаборатория. Там пауки-эксперты в очках и халатах, только не в синих, как

у рабочих, а в белых, рассматривали через микроскопы нитки, изучали их структуру. На специальных станках нити натягивались, затем намеренно мялись и трепались. Таким образом их проверяли на прочность. К чести паучих следует отметить, что большинство нитей выдерживали испытание. Если же какая из них рвалась, эксперты тут же её изымали, помечали маркерами и складывали в мусорные мешки, попутно внося в контрольные журналы соответствующие записи. После этого паук-секретарь звонил в нитеизготовительный цех и по громкой связи отчитывал работниц за брак. Над рабочим местом провинившейся паучихи загоралась красная лампочка.

Этажом ниже, под испытательной лабораторией, располагалась дизайнерская студия, рядом с ней – ткацкий цех и пошивочная мастерская. На больших, во всю стену, холстах художники рисовали модели будущих костюмов и платьев. В соседнем помещении все эти удивительные проекты воплощались в жизнь. Ткачи и портнихи не использовали в своём ремесле иголок и каких-либо других подручных средств. Опять-таки всё делалось вручную: из множества нитей формировались ткани, а из тканей – всевозможная одежда.

В примерочном зале её примеряли манекенщицы – паучихи в париках, с накладными ресницами. Они плавно расхаживали по подиуму, поворачивались в разные стороны, демонстрировали платья, блузки, сарафаны и прочие модели главному оценщику. Это был толстый паук в голубом парике с длинными, почти до пола, кудрями. Его крепко сбитое туловище облеплял модный камзол с позолоченными пуговицами и пышным кружевным воротничком. Чересчур, пожалуй, пышным. Паук был недоволен (то ли манекенщицами, то ли одеждой – непонятно), эмоционально жестикулировал, ругался. Его пышный парик от излишних эмоций всё время сползал набок. Манекенщицы хихикали, хлопали накладными ресницами, отчего паук впадал в ещё большую ярость.

На первом этаже левой пирамиды работал магазин, где проворными продавщицами раскладывались на витринах ткани, нити, швейная фурнитура, то есть пуговицы, молнии для юбок, кнопки и многие другие безделушки. Готовая одежда развешивалась на вешалках и манекенах.

В этом отделе Машенька увидела своих друзей: Фло-мастера, его помощников, старика Сморчка и гнома Пупырышка. Они расположились на удобном мягким диване и из маленьких чашечек попивали кофе. Ёлочка Маша заметила не сразу. Буковка «Ё» на пару с продавцом-консультантом перебирала нитки, рассматривала, щупала их и те, что, на её взгляд, подходили, откладывала в корзинку.

– Э-э-э... Этих же ниток не хватит, чтобы починить верёвочную пирамиду? – несмело спросил Эхо и, вдруг смущившись перед девушкой, вытер пальцами нос.

– Фах-фах, действительно? – мастер Фло отставил пустую чашку и озадаченно поправил очки. – Не хватит же?

Ёлочка поставила на столик корзинку, доверху наполненную нитками. Весело звякнул кофейный сервис. Довольная, со свежим румянцем на щёчках, красавица устроилась в кресле напротив дивана. Продавец с внушительным

списком товаров отправился к кассе пробивать. Ёлочка выдержала паузу, затем сочла, видимо, что с друзей достаточно интриги, успокоила их:

— Ёй-ёй, не переживайте. Это лишь пробные образцы. На складе нам выдадут по выбранным образцам нити нужного размера.

— Фах-фах... — горестно застонал Фло-мастер, стукнул себя по лбу, задел очки, которые, хрустнув, упали ему на колени.

Все обеспокоенно посмотрели на букву «Ф».

— Ух, босс?! — понимающе кивнул Ухо. — На чём же мы повезём?

— Фах-фах, мои яблочки остались в гофах... Фах, эта авафия... Как же быть?

Глава 46. Проверка сердца, или Хряуша

Машенька, соскочив с ласточки, побежала к главному входу. Окриков лётчиц, просивших не спешить, она не слышала. Ей хотелось как можно быстрее присоединиться к своим друзьям, но пришлось задержаться. Прозрачная вертушка, служившая дверью, закапризничала, противно запищала и закружила девочку.

— Без пропуска вход на фабрику запрещён, запрещён, запрещён, — холодно-официально объявила дверь-вертушка.

Внезапно её заклинило. Мощным ударом дверь ударила малышку в спину и отшвырнула её, как непрошеного гостя, после чего застыла, делая вид, что ничего не было. Маша и ахнуть не успела, как уже лежала на животе, вся испачкавшись в красном песке.

Как раз к этому моменту подоспела Нори. Она стала свидетельницей неприятной для девочки сцены.

— Нельзя же так с гостьей?! — в сердцах выкрикнула буквка «Н» и погрозила двери кулаком. Склонившись над Машей, которая всё ещё лежала и плевалась песком, Нори сочувственно спросила: — Не ушиблась ли, милая?

— Легче надо было! Разве не видишь, кто перед тобой? Человеческий детёныш! — принялась с запалом отчитывать дверь Лори.

— Ничего не знаю, — проскрипела дверь. — Без пропуска вход на территорию фабрики запрещён.

— Да какой же тебе пропуск нужен? — буква «Л», разозлившись, пнула вертушку, но та не поддалась, не завертелась.

Лётчица отступила.

— Ну хорошо, — решила пойти на мировую Нори, подававшая подружке знаки, что горячиться не стоит. — Какой такой пропуск тебе нужен?

— Ла-ла, что с ней церемониться?! — не унималась Лори, которая, в отличие от Нори, имела вспыльчивый характер. — Это же не простая девочка?! Это же Чистое Сердце! А ты заладила: вход запрещён, запрещён??!

Вертушка закружила вокруг своей оси, но, как только лётчицы шагнули к ней, снова сработала система блокировки.

— Чем докажите, что Сердце — Чистое? — дверь задала вопрос голосом, лишённым всяческих интонаций. Сразу и не поймёшь, что это был вопрос.

Лори и Нори удивлённо переглянулись. Действительно, чем?

Дверь сама подсказала:

— Пусть девочка подойдёт, я прощу её сердце сканером.

Обе лётчицы разом обернулись, посмотрели на Машеньку, которая уже встала и стряхивала песок с платыща. Весь её насплененный вид говорил, что она не собирается позволить кому-либо щупать своё сердце.

— Ну, пожалуйста?! — попросила её Нори. — Больно не будет.

— Лучик света коснётся тебя, ты и не почувствуешь, — уговаривала Лори.

Маша упрямилась, мотала головой.

— Ну как хочешь, — сказала вдруг Нори, взяла за руку Лори, и они вместе пошли к ласточкам.

— Ла-ла, оставайся тогда здесь одна, — бросила мимоходом Лори.

Малышка всплеснула руками и сердито рыкнула:

— Р-р-р...

Она частенько так порыкивала, когда мама заставляла её делать что-то неприятное: чистить зубы, например, или мыть тарелку. На маму, правда, это никогда не действовало, как не действовало и на лётчиц, которые продолжали идти, не спеша, к ласточкам. Птицы ждали их и от скуки поклёвывали песок, отчего их клювы стали красными.

— Хорошо, хорошо, я согласна! — крикнула вслед буквкам Машенька и, не дожидаясь, пока они вернутся, подошла к двери.

Неожиданная яркая вспышка ослепила её. Девочка зажмурилась, закрыла лицо ладонями, а когда отвела их, обнаружила, что находится в деревне у бабушки. Только не летом, а зимой. Прошедшой зимой, когда Маша проводила у бабушки рождественские каникулы. Малышка, будто во сне, со стороны, видела саму себя, шагающую по извилистой тропинке, высоко поднимая ноги, чтобы не увязли в снегу. Дорожка, едва различимая под снежным покровом, вела через железнодорожный переезд, за которым располагался дачный посёлок. Как всегда в зимнюю пору — пустой, серый, скучный.

Машенька сюда пробирается тайком от бабушки, которая думает, что внучка гуляет на детской площадке возле церкви. Под шубкой она несёт кулёк, в который, также тайком, слила остатки супа с кусочками мяса, картошки и спаржевой фасоли. Хорошо, что кулёк не дырявый, а то бы испачкала Маша новую шубку, которую мама ей купила в модном дорогом магазине.

По рельсам навстречу ей бежит грязный, серый комок и хрипло кричит:

— Хряу, хряу!

Девочка точно не знает, кем является простуженное несчастное создание, которое трётся сейчас об её сапог. Кошкой или котом? Маша ещё не научилась различать, но знает наверно, что Хряушу, как она ласково называет комочек, завезли на дачи и оставили здесь голодать и замерзать какие-то жестокие люди.

Попросту, они выбросили, предали её, забыли... А вот Хряуша не забыла хозяев, всё ждёт и ждёт их, выбегает на переезд и кричит, пока сил хватает или не спугнёт бродячая собака:

- Хряу, хряу!

Где живёт теперь, где ночует бедная Хряуша, Машенька не знает. Каждый раз она встречает её в разных местах: то на перилах платформы, то на крыше полуразвалившегося сарая, а однажды даже в старой будке на заброшенном участке. И всегда Хряуша смотрит в сторону переезда, где, видимо, оставили её однажды.

Маша вылила суп на снег и, пока кошка обедала, гладила её и шептала ласковые слова. Когда-то шёлковая и мягкая шерсть Хряуши оказалась жёсткой, как щетина, слиплась от грязи. Кошка не отстранялась, продолжала чмокать, слизывая язычком картошку и фасоль. Она даже позволила малышке взять себя на руки. Машенька обрадовалась, подумала, что отнесёт Хряушу к бабушке, и тогда будет у неё новый дом. Бабуля уж точно не откажет в приюте бездомному животному, ведь у неё очень доброе сердце! Но не тут-то было. Как только девочка дошла до переезда, Хряуша зашипела, спрыгнула и припустила, будто ужаленная, то ли к будке, то ли к сараю. Долго ещё слышала Маша, как где-то там, за переездом, она тоскливо кричала, зовя хозяина:

- Хряу, хряу!

Малышка ускорила шаг. Уйти бы скорее, чтобы не слышать. Кулёк из-под супа она теребит в руках, не замечает, как рвёт его. Немного жижки пролилось таки на шубку. Но жирное пятно, за которое потом Маше достанется от мамы, её не беспокоит. Что там пятно? Ототрётся, отстирается. Нет, Машеньку терзает другое: переживёт ли Хряуша нынешнюю ночь? Обещают мороз за двадцать...

Зимний день короток. Вот уже солнце клонится к закату. Но перед тем как отправиться на боковую, оно решило поиграть, брызнуло лучиками, окропило светом заснеженную поляну. Студёный ветер подхватил лучи и разнёс по всей округе.

Морозный воздух зазвенел, встречая праздник. Рождество идёт! Это колокола местной церквишки в вокале соревнуются. Кто зонче? Кто громче? Кто веселей? Дин-дон-да! Дин-дон-да!

Машенька, погружённая в свои мысли, и не заметила, как наступил вечер. Солнышко уснуло, спрятавшись в спаленке за горизонтом. Его последние лучики ещё резвились, ещё гуляли по снегу искристым серебром. Ветер сердился, выгонял их, выметал. Он хотел очистить снежную шубку, в которую зябко куталась промёрзшая земля.

«Шубка?! Пятно!» - вспомнила Маша и принялась снегом натирать жирный след от супа. Авось, сойдёт? Не вышло. Пятно, напротив, расплылось, разрослось, постепенно окрашиваясь в пурпурно-красный цвет. Девочка приглядилась. Это ведь не от супа след?! Это же красный песок?! А шубка - не шубка вовсе, а лёгкое оранжевое платьице. В недоумении, она подняла

голову. На табло, которое висело над дверью-вертушкой, высветилась надпись: «ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ!»

Сама дверь медленно, чинно оборачивалась вокруг своей оси. Машенька стояла как вкопанная. Она ещё переживала за Хряушу, чувствовала на коже холодный снег.

Сияющая надпись сменилась другой: «НУ ТАК ЧТО? Я ДОЛГО БУДУ ЖДАТЬ? СКВОЗНИКИ...»

Лори и Нори подхватили малышку под руки, и так, втроём, они вошли на фабрику.

Глава 47. Подготовка к отлёту

Нитки, отобранные на швейной фабрике, было решено переправить в Лес Совести на ласточках. Стайка большая, крупную партию за раз перевезти сможет. Главное - благополучно пройти через Межмирный коридор. А с этим, Маша знала уже на собственном опыте, могут возникнуть проблемы. Радужный портал молодой, неопытный ещё, ненадёжный.

Лори и Нори для подстраховки (ласточками рисковать нельзя) решили воспользоваться запасной Дверью. К тому же и лететь до неё, как заверили лётчицы, гораздо ближе, нежели до Радуги.

Ласточек укомплектовали дополнительными креслами, которые прикрепили к птичьим спинам при помощи толстых кожаных ремней. Такими же ремнями, только более длинными, было решено присоединить птицу к птице, чтобы во время полёта, если что, они не потерялись. Свободных от кресел ласточек навьючили нитками, которые тоже скрепили ремнями.

Справившись с погрузкой, Фло-мастер, Ухо и Эхо приступили к оборудованию «пассажирских» и «грузовых» птиц защитными куполами. Кто знает? Может, в Междумирье нечем будет дышать или температура достигнет критических пределов? Защита не помешает. Её мастера наколдовывали с помощью волшебных инструментов, которые им одолжили пауки (свои они оставили в разбившихся яблоках). Со стороны казалось, что Ухо и Эхо стучат тяжёлыми молотами прямо по воздуху. Но ведь действительно стучат? Слышино было: тюк, тюк!

Мастер Фло подставлял гвозди с широкими квадратными шляпками. Один удар молотом, второй, и гвоздь, погружаясь в воздух, исчез. На самом деле он не совсем исчез, предположила Маша, а просто стал невидимым. От этого предположения она вдруг обиделась. Как это так? Мне? И не видно?!

Работа не прекращалась ни на секунду. Фло ловко подставлял гвозди под то и дело опускающиеся молоты. Ловко - это не то слово. Виртуозно!!! Он-то был один, а молотобойцев двое! И оба размахивали инструментами с завидным энтузиазмом, без передыху.

— А почему? — Машенька, верная своему любопытству, осмелилась отвлечь мастеров от работы своим вопросом. — Почему вы, мастер Фло, гвозди подставляете? Вас же могут ударить по пальцам? Пусть ученики сами гвозди вставляют.

— Фах-фах, — покачал головой Фло, не отрываясь всё же от своего занятия, — они не могут. Вы превильно, мадмуазель, заметили, что они — ученики. Им ещё многому следует научиться.

— Не понимаю? Чему учиться? Подставлять гвозди?

— Фах, пефефыв, — распорядился мастер, засунул неиспользованные гвозди в карман комбинезона, обернулся к девочке, посмотрел на неё хитро. — Это не так просто, как вы думаете, мадмуазель. Это очень сложная процедура. Нужно видеть, куда подставлять гвозди.

— А они, что ли, не видят? — удивилась малышка.

Ухо и Эхо виновато потупились.

— Пока нет. У этих балбесов ещё не намётан глаз. А потом, у них нет очков фантазёфа! Очков, сквозь которые видны самые сложные, я бы сказал — ювелирной работы, фантазии.

— Таких очков, как у вас?

— Как у меня, — гордо вскинул подбородок Фло. — Это тоже, между прочим, моя работа.

Машенька начала теребить подол платьица, переминаться с ноги на ногу, что означало — ей чего-то очень хочется, но она не решается попросить.

— Желаете, мадмуазель, посмотреть? — спросил напрямик Фло-мастер, от испытывающего взгляда которого ничего не могло ускользнуть.

Хотя чему тут удивляться? Ведь на нём волшебные очки!

Девочка просияла, после чего с ещё большим рвением продолжила теребить платье. Это уже рвалось наружу её нетерпение. А мастер, будто нарочно, не спешил. Он медленно, осторожно снял свои огромные, в форме буквы «Ф», очки, подышал на каждое стёклышко, протёр рукавом, полюбовался и только затем, так же осторожно и медленно, передал их Маше.

Нацепить на себя очки у девочки не получилось. Слишком велики они были для неё, да ещё дужки не слушались — каждая смотрела в свою сторону и не желала за ухо надеваться. Тогда Маша просто приставила очки к глазам. Носить их она не собиралась. Лишь бы взглянуть хоть одним глазком на прозрачный купол!

Сначала её ждало разочарование, поскольку по-прежнему ничего не было видно. Сплошной туман. Девочка от досады хмыкнула, закусила губу. Она хотела уже вернуть очки их владельцу, грешным делом подумав, что мастер Фло её обманул. Но нет! Очки заработали. Туман рассеялся, явив взору малышки нечто непонятное, но очень красивое. Наверное, это и был защитный купол. Состоял он из тончайших белых волокон, по которым игриво прыгали солнечные зайчики. В тех местах, где мастера успели вбить гвозди, стенки купола имели более чёткие формы. Остальные же волокна, до которых не дошла ещё очередь, свисали и беззащитно трепыхали, реагируя на каждое движение. Стоило,

например, мастеру Фло взмахнуть рукой, как тонкие волокна взвились, будто по ним прошёлся сильный ветер.

— Видите, мадмуазель, какие они тоненькие? И как чутко они на всё феагифуют? Понимаете тепефь, как тфудно их гвоздями прифибивать? Надо точно уловить момент и правильно приставить гвоздь, чтобы он пришёлся как фаз на место, где переплетаются волокна. Ошибки в этом деле недопустимы. Иначе весь тфуд пропадёт дафом. Начинай тогда сначала. А вы знаете, сколько ещё таких куполов нужно собирать? На каждую ласточку! — рассказывал, похозяйски заложив руки за спину, Фло-мастер.

Ухо и Эхо не без зависти поглядывали на малышку. Им-то мастер никогда не позволял смотреть сквозь фантазийные очки...

Маша отвела от лица очки — пусто, приставила к глазам — купол проявился, опять отвела. На этом её игра с очками закончилась. Фло вернул их на свой нос.

— Хватит, — сказал он, — отдыхать. Пофы работать. А вам, мадмуазель, фекомендую пройтись с Ёлочкой по фабрике. Когда ещё доведётся здесь побывать?

— Ладно, поняла, — понурila голову девочка, — я вам мешаю?

— Ну что вы?! — вежливо возразил мастер Фло, уже не глядя на Машу.

Сразу обеими руками он приставил к невидимым волокнам гвозди. Ухо и Эхо усердно били молотами.

— Ещё один вопрос задать можно? — поинтересовалась Машенька и тут же добавила, пока ей не отказали: — А потом я уйду. Честно!

— Я весь внимание, мадмуазель.

— Откуда берутся эти самые волокна, в которые вы гвозди забиваете?

Мастер молчал. Девочка видела только его лысый затылок, но была уверена, что он сейчас улыбается.

— Позвольте, мадмуазель, не фаскфывать всех секфетов. Только одно скажу вам — это магия, — загадочно пробурчал себе под нос Фло.

Сквозь весёлый перестук молотов Маша едва расслышала его слова. Она пожала плечами и отправилась гулять по фабрике. Рабочие, занятые делом, не обращали на неё внимания. Это было на руку девочке — никто не приставал с вопросами, не запрещал, не указывал, как та противная дверь.

Кстати, дверь! Машенька долго бродила по незнакомым коридорам и, сама того не желая, вышла в холл с вертушкой. Поморщившись, она повернула в обратную сторону, но дверь заметила её и жалобно заскрипела. От этого скрипа у Машеньки разболелись зубы, а сердце предательски дрогнуло. Чтобы скорее избавиться от неприятных ощущений, девочка ускорила шаг, а затем и вовсе побежала. То и дело натыкаясь на стены (не успевала вовремя притормозить), Маша поворачивала налево, направо, налево... Сколько всего было поворотов — не сосчитать. Коридоры, будто издевались, всё время петляли и никуда не приводили.

«Но как же так? — изумилась малышка. — Вон сквозь прозрачные стены видны помещения, а в них работают пауки?! Почему же я не могу туда попасть?»

Впереди послышался скрип. Значит, Машенька вернулась в холл. Вертужка медленно кружилась. Как только малышка подошла к ней, она остановилась. Скрип прекратился.

- Ну что? - зло выпалила Маша, глядя на дверь исподлобья. - Что ты хочешь?

Скрипучим механическим голосом дверь ответила:

- Услышать.

- Что-о-о? - девочка развела руками. - Что именно?

- Что произошло с Хряушей? Пережила ли она ту ночь?

У Машеньки отлегло на сердце: «Вот почему дверь так жалобно скрипела? Она переживает за кошку! Надо же?! А я-то думала, что пристанет ко мне с допросом и этим своим... сканером снова будет щупать меня?»

- Не беспокойтесь - выжила. И не только ту ночь, но и все последующие. Потом, когда я уехала, её бабуля моя подкармливалась. Хряуша от угощений не отказывалась, но пост свой так и не покинула, до сих пор живёт на брошенном участке и хозяина высматривает, ждёт...

На стене, что напротив вертушки, висело радио. Оно закашлялось, а затем мужским оперным голосом запело:

- Машеньку Журавлёву просьба подняться наверх! Машеньку Журавлёву просьба подняться наверх!

Девочка посмотрела наверх. Сквозь прозрачный потолок, вернее, множество потолков громоздившихся друг на друге помещений пирамиды, просматривалась посадочная площадка. Там собирались все ласточки. Они готовились к отлёту.

- Машеньку Журавлёву просьба подняться наверх! - повторило радио.

- Да слышу я... Не глухая... - огрызнулась Маша, которую зло взяло, что так и не успела толком погулять по фабрике. - Ну и ну? Быстро же мастера все купола смастерили?! А я всё по коридорам?.. Ах...

- Машеньку Журавлёву просьба подняться наверх! - невозмутимо пело радио.

Девочка, стиснув зубы, побежала. Куда бежать, она не знала. Разве разберёшься в этом стеклянном лабиринте, который, похоже, с ней ещё играется, намеренно не выпускает? Но на этот раз всё вышло по-другому. Практически сразу удалось найти лестницу, ведущую наверх.

- Р-р-р, - зарычала Маша, представив себе, как она будет сейчас вышагивать по этим бесконечным ступенькам.

Однако и здесь ей повезло. Лестница оказалась эскалатором. Ступеньки сами девочку повезли. Мимо проплывали этажи. Пауки, прощаясь с гостью, махали ей, а некоторые даже фотографировали на память.

Эскалатор быстро вывез Машеньку на дисковидную крышу. Тюк, тюк! - послышались знакомые звуки. Мастер с учениками обходили ласточек, на которых уже примерили купола, и вбивали молотами, где нужно, последние гвозди. Лори и Нори заняли места пилотов. Пассажиры стояли возле трапа - раскрытое крыло ласточки. Все ждали Машу.

«Снова в путь, снова куда-то летим?» - подумала малышка и сладко зевнула. Только сейчас она почувствовала, как устала, как ей хочется спать.

Глава 48. Запасная Дверь

Ласточкин караван отправился в путь. Лори и Нори вели птиц в противоположную от халвовых гор сторону. Туда, где находилась запасная Дверь. Как ни допытывалась Машенька у своих друзей, о какой такой Двери идёт речь, никто не смог ей дать вразумительного ответа. Даже Фло, который, будучи мастером, много секретов знает, о запасном портале ничего не слышал.

Старик Сморчок отмалчивался. Его мучили воспоминания. Совсем недавно колдун во главе чёрной армии вторгся на Границу. Он искал тогда проход в Антресолию и в поисках своих был слеп и безудержно жесток - дотла спалил паучью столицу и чуть было не уничтожил весь Сумеречный Мир. Вот кто должен его по-настоящему ненавидеть - пауки! Что ж, падший колдун заслужил это. Да, а портал Сморчок нашёл-таки в той войне, которую сам развязал. Проход, как выяснилось, находился на дне Целебного озера. Того самого озера, которое колдун едва не осушил...

«Целебное озеро! Неужели мы летим в столицу? Куапу?! - старик горько усмехнулся. - Места бывалой славы? Хм, чёрной славы... Нет мне прощения, нет!»

Ахуратс прочла мысли Сморчка. Желая хоть немного унять тревогу хозяина, она приняла его любимый образ - собаки, положила передние лапы на колени старика, высунула язык. Тень не проронила ни слова, но колдун слышал её: «Не печалься, хозяин. Я с тобой. Я разделю с тобой твою участь, какой бы она ни была».

«Нет, милая, ты достойна совсем другой участи. Лучшей!» - тоже без слов, мысленно, сказал старик.

Тень протестующе завыла.

Ласточки пошли на посадку. «Как? Уже??!!» - читался один и тот же вопрос во взглядах пассажиров. Никто ничего не понимал. Сморчок очнулся от своих дум и тоже недоумённо озирался по сторонам. Наряду с изумлением на его лице отобразилось облегчение, ибо то, что ждало караван внизу, определённо не было Целебным озером, а значит, его позорное возвращение в паучью столицу откладывается. Но где тогда Дверь?

Птицы описали круг над безжизненным, покрытым трещинами каньоном и сели у его края. Пассажиры не сводили глаз с лётчиц, которые изучали какую-то карту и перешёптывались. Фло-мастеру надоело ждать, и он осмелился спросить:

- Фах-фах, что происходит?

Лётчицы, казалось, его не слышали, спорили между собой.

- Не может быть?! - воскликнула Нори. - Это какая-то ошибка. Карта врёт!

- Ла-ла, легче, подруга! - горячо возразила Лори. - Карта - документ, а документ не врёт. Дверь здесь!

– Не может быть?! Не может быть?! – всё не верила Нори. – Наверное, карта старая. И вообще, где ты её взяла? Не на эльфийском ли рынке? Эльфы – те ещё мошенники... Да ну тебя, подруга! Карта врёт. Где ты здесь видишь Дверь? Где?

Обе лётчицы посмотрели на дно каньона, совершенно пустое, и вздохнули.

– Это как же понимать? Это куда вы нас привезли? Ну вы даёте?! – разъярился Пупырышек.

Фло-мастер, как ни странно, с ним был солидарен:

– Фах-фах, действительно?

Почувствовав поддержку, гном вовсе разошёлся:

– Хы-хы-хы! Сэкономили время... Ничего не скажешь! Короткий путь, хы-хы! Лори упрямилась, крутила карту, смотрела на неё и так, и эдак и всё твердила:

– Дверь здесь! Дверь здесь!

– Так почему бы вам её не открыть? – предложил Сморчок.

Все умолкли, посмотрели сначала на старика, затем на мастера Фло. Что он на это скажет?

Фло поправил очки, которые, как всегда, сползли ему на кончик носа. На щеках заиграл румянец. Мастеру было стыдно, что не в его гениальную голову пришла мысль открыть портал. Ну, или хотя бы попробовать открыть.

– А что, дфузья, это дельное предложение! Не стоит спофить и фугаться, лучше давайте пфовефим гипотезу колдуна, задействуем магию. Если в этом каньоне действительно спфятан пофтал, он после пфочтения заклинания откроется. Ну что, мадмуазель? – Фло обратился к Машеньке. – Ваш выход. Откфывать двефи у вас пфевосходно получается.

– Да, это мне не впервой, – гордая собой, девочка выпрямила спину, расправила плечи и, не заставляя друзей ждать, прочла заклинание: – Абра-ар, Бурундуn, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да!

Песок ожил, заструился к образовавшейся на дне каньона ямке. Заглатывая всё больше и больше песка, она росла. Послышался странный клокочущий звук, будто кто-то, большой и сильный, полощет горло. Яма, поперхнувшись, изрыгнула песок, потемневший от влаги. Из-под земли забил источник. Изумрудно-зелёная вода быстро заполняла каньон, лечила его раны – смазывала трещины жирным слоем ила, который она принесла с собой. На водной глади весело лопались пузыри. Приятное журчание ласкало слух. Всего за несколько минут иссущенный каньон превратился в живописную реку.

– Ну и ну?! Ну и ну?! – не скрывала радости Нори и ласково похлопывала по плечу свою подружку. – Ты была права – Дверь здесь.

– Как же она может быть здесь? – не поверила Машенька. – Кроме воды, я ничего не вижу..

Лицо Сморчка, на которого снова нахлынули воспоминания о Целебном озере, помрачнело.

– Вода... Вода... – повторял одно и то же слово стариик.

Он провёл ладонью по лицу, вздохнул, подумав вдруг, что, если бы у него была такая карта ТОГДА, не пришлось бы так много тратить времени и сил на осаду Куапы. Запасная Дверь была у него под самым носом, а он не знал, а он

упустил свой шанс... Стоп! Сморчок, приводя себя в чувство, сам себе влепил пощёчину, чем весьма удивил Машу.

«Не сметь! Не сметь жалеть! – приказал колдун своему сердцу, которое учащённо забилось при мысли об упущенном шансе. – Я уже не тот, что был раньше. Я исправляюсь. Долой чёрные мысли! Долой!»

А сердце не слушалось, билось, как сумасшедшее. В нём разворачивалась борьба между Человеком и тем Зверем, каким был Сморчок, Великий Трельяжный Князь, в своём недавнем прошлом. Досада, злость и в то же время стыд и раскаяние грызли его сердце.

«Как хорошо, – подумал колдун, – что никто не догадывается, как мучаюсь сейчас я и как мне стыдно...»

Старик ошибался. Ахуратс догадывалась. Да нет же, она точно знала, что творится в душе хозяина. Но Тень преданная – она не выдаст.

– Вода, – таки решил Сморчок пояснить Маше, которая внимательно за ним наблюдала, – это зеркало, созданное самой природой, а любое зеркало – отличный проводник магии. Несомненно, вода и есть Дверь.

– Точно? – допытывалась девочка и заглядывала в глаза старику, в которых, как она чувствовала, застыла боль.

– Точно не знаю. Но вероятнее всего это так. Более того скажу: судя по изумрудному окрасу воды, данная река питается тем же подземным источником, что и Целебное озеро в Куапе, долгие годы служившее порталом. Это означает, что наши шансы попасть в Межмирный коридор велики. Но наверняка мы об этом узнаем только тогда, когда попробуем войти.

– Куда войти? – спросили все разом.

– Нет, нет, нет! – запротестовала Нори. – Нырять ласточки не умеют, нырять ласточки не обучены.

Лори молчала и внешне казалась спокойной. Однако то, как крепко она сжимала поводья, выдавало её внутреннее напряжение

Зелёные волны бились о берег, шипением напоминали о себе. Пузыри лопались, выпуская пар. Вода в реке, оказывается, была тёплой.

– Ласточки мои, слушайте меня! Летим прямо в воду! – громко, приказным тоном обратилась к стражницам Лори. Птицы, все как одна, встрепенулись, подняли головки. Их командирша взяла паузу, подбирая нужные слова, а затем, уже по-дружески, продолжила говорить: – Доверьтесь мне! Всё будет хорошо!

– Фах-фах, не бойтесь, – подбодрил ласточек Фло, – вы все под защитой лично мной сконстф... сконстфуифованных куполов. Не бойтесь, мастер Фло знает толк в делах фантазийных!

Его доводы стражниц убедили. Птицы захлопали крыльями, взметнувшись в небо, покружили для разгона над рекой и под дикое гиканье лётчиц вошли в воду.

Мастер Фло не обманывал. Его защитные купола сработали на славу – не пропустили ни капли зелёной жидкости, бурление которой, по мере того как караван погружался всё глубже и глубже, нарастало и у самого дна достигло ужасающих масштабов.

— Ёй-ёй?! — запаниковала Ёлочка. — Вода кипит? Мы кипим? Мы сваримся. Ёй-ёй!?

— Точно, точно... Река кипит, как суп в кастрюльке... Точно сваримся!.. — пищал перепуганный гном.

— Глупости вы всёговофите, — сердился Фло из-за того, что его труд недооценили.

— Мой защитный купол и не такое выдефжать может. Не паникуйте.

Яма на дне заполненного водой каньона снова напомнила о себе. Совсем недавно она глотала песок, а теперь принялась жадно, большими глотками пить воду. Образовалась воронка, которая закружила по часовой стрелке ласточкин караван.

Машенька зажмурилась и, чтобы успокоиться, считала: «Один, два, три, четыре, семь... Нет, неправильно. Итак, сначала. Один, два, три, четыре, пять, шесть, семь, восемь...»

Сумасшедшая карусель остановилась. Рёв засасываемой воды оборвался. Его сменил мирный плеск.

Девочка открыла глаза. Вокруг была вода, но какая-то другая. Не зелёная — голубая! А сверху, сквозь толщу её, проглядывало солнце.

Глава 49. По ту сторону портала, или Янтарный город

— Фу-ух, — облегчённо вздохнул Фло. — Пфошли быстфо, без осложнений. Двефь, хоть и стафая, а надёжная. Это наглядный пфимеф того, что у магии нет сфока давности.

— Не верю, что обошлось, не верю, что дверь надёжная, — ворчал Пупырышек, который сидел, наклонившись вперёд и судорожно вцепившись в колени. — У нас без осложнений не обходится.

— Ух, ну что ты всё время недовольный? — Ухо погрозил гному кулаком. — Вечно ты кислый, как уксус, вечно всё у тебя не так.

— Эй, утомонись, не обращай внимания, — Эхо, чтобы отвлечь внимание друга, сорвал с его головы кепку и помахал ею. — Не связывайся...

— А что так, я вас спрашиваю? Что так? — Пупырышек, распалившись, стукнул ребром ладони да по своему колену и тут же, как пёс побитый, заскутил: — Уй-уй!..

— Э... Это ты сплошное «НЕ ТАК!» — на этот раз рассердился уже не Ухо, а Эхо.

— Может, это из-за тебя нам всё время не везёт?

Гном гневно сверкнул глазами, отстегнул ремень и сделал движение, чтобы сойти со спины ласточки. Ёлочка удержала его:

— Ёй, куда? Вода кругом?!

— Вот именно — вода! — Пупырышек поднял указательный палец. — Что это за вода? Где мы? На карте указано, куда ведёт портал?

Лори и Нори покачали головами.

— Приплыли, да сами не знаем, куда? — съехидничал, зло усмехнувшись, гном и плохнулся в кресло, сложив руки на груди.

Как ни печально, но он был прав. Ласточкин караван плыл неведомо куда. Птицам не было нужды махать крыльями — их несло течение. Оно было настолько мощным, что вырваться из него стражницам не хватало сил. Им, в конце концов, подвластно поднебесье, но не водная стихия.

— Пфидётся смифиться, — сделал вывод Фло и, заметив, как гном открыл рот, чтобы сказать какое-нибудь колкое словцо, добавил: — Это вфеменная мефа. Вфеменная!

Воцарилась неловкая, липкая тишина. Ласточки — и те не пересвистывались. Все присматривались, изучали окружающий водный мир.

Вода была чистой и прозрачной, как слеза. Солнечные лучи пронзали её, даря тепло причудливым растениям. Они поднимались из глубины, тянули к солнышку жемчужно-белые стебли, густо разветвлённые и совершенно лишённые листьев. Ветви, похожие на седые усы, переплетались между собой, образуя настоящие подводные джунгли. Странное дело — абсолютно необитаемые?! Ни одна рыбёшка не тревожила покой мерно покачивающихся белых отростков.

«Может, они несъедобные? Или, ой, ядовитые? — гадала Машенька, рассматривая странный белый лес, который, если бы не солнышко, наверняка показался бы ей устрашающим. — Ой-ой, а вдруг они опасны и для нас?»

— Вряд ли они опасны, — спокойным голосом сказал Сморчок, догадавшийся, о чём думает малышка.

Впрочем, это было совсем нетрудно — Машу, как всегда, выдавало её испуганное лицико.

— Фах-фах, вы знаете, что это за фастения? — спросил у старика мастер Фло.

— Нет, растения мне незнакомы. Я просто хотел сказать, что этим бледным плетям до нас не достать. Течение не позволит — очень уж быстрое.

— Ёй, как хорошо! — обрадовалась Ёлочка. — Ёй!..

— Чему вы радуетесь? — грубо оборвал её гном. — Тому, что мы стали заложниками течения?

— Фах, вы опять за своё? Фах, голубчик, вы невыносимы! Фазве можно так гфубо фазговафивать с дамой? — отчитал Пупырышка Фло.

— Уй, зачем мы его взяли с собой? — пожал плечами Ухо.

Эхо с ним согласился:

— Э-э-эх, надо было оставить его с пауками.

Гном обиженно надул губы, откинулся на спинку кресла и, чтобы ни на кого не смотреть, поднял кверху голову. Его жёсткая, будто из проволоки, борода смешно торчала и время от времени подёргивалась, что означало — Пупырышек шевелил губами, беззвучно ругаясь. Внезапно гном вскочил с кресла, указал пальцем вверх и заорал:

— Смотрите! Смотрите! Солнце стало ближе! Нас выносит на поверхность!

— Цвириньк, цвириньк! — запели ласточки, приветствуя светило.

Но радовались они преждевременно. Солнце оказалось не солнцем, верх – не верхом. Мир перевернулся, а вместе с ним кувыркнулись и наши путешественники. До этого момента все их ощущения говорили о том, что караван поднимается, а вышло наоборот – вместо того, чтобы всплыть, ласточки опустились на дно, над которым свисали белые плети. Ни одна из них не осмеливалась коснуться его аккуратно вымощенной янтарём поверхности.

В том месте, где течение выбросило путешественников, заросли нависали как раз над их головами. Но по мере продвижения к источнику света, который первоначально приняли за солнце, стебли растений, будто занавеси над сценой, поднимались всё выше и выше. Невооружённым взглядом было видно, что их искусственно подрезали. Дно явно было обитаемым.

Свет становился ярче. Пока глаза не привыкли к нему, приходилось щуриться и прикрываться ладонями. Не испытывали дискомфорта только лётчицы, которых защищали забрала шлемов.

Впереди показался город. Как и дно-мостовая, он был создан из янтаря, излучавшего дивный золотистый свет. Город опоясывала толстая крепостная стена с зубчатыми башенками. Над ней возвышались крыши дворцов, храмов и прочих сооружений. В основном это были треугольные кровли, крытые золотыми пластинами в форме рыбьих чешуек, и купола из небесно-голубой бирюзы. Каждая вторая крыша была украшена изящными флюгерами, изображающими всевозможных рыб. Флюгера, однако, бездействовали, поскольку над городом царил полный штиль – течения обходили его стороной.

Машенька очень удивилась, когда выловила взглядом из всего этого пышного великолепия печные трубы. Для чего они нужны? Ведь под водой огонь не разведёшь? Тем не менее, вопреки всем доводам разума, из труб валил цветной дым. И только когда ласточки вплотную подплыли к городской стене, стало ясно, что девочка приняла за дым подкрашенную булькающую воду – это качали воздух спрятанные в домах компрессоры. Синие струйки смешивались с красными и образовывали фиолетовые пузыристые облачка, а в сочетании с жёлтыми потоками они окрашивались в ядовитый зелёный цвет.

В город вели ракушечные ворота. Огромная раковина, завидев гостей, раскрылась и показала розовый язык, весь в пупырышках. Лори и Нори это не смутило, и они смело повели через ворота караван. Раковина удивилась, но гостей проглотила, захлопнув за ними с громким щелчком створки.

Глава 50. Людокрабы, или Всеводная конференция

Белокурые желтоглазые русалки окружили гостей, тыкали в них пальцами, хихикали. Им было в диковинку видеть живых ласточек здесь – на глубине. Путешественники отвечали тем же – в упор, не стесняясь, разглядывали хозяев янтарного города. Не только Машенька, но даже её друзья были поражены.

Ещё бы?! Ведь это не простые, с рыбьими хвостами, русалки, к которым в Антресолии все привыкли. У существ, обступивших ласточек, вместо хвостов были пунцово-красные крабы тела с пятью парами ног и двумя клешнями. Всё остальное, до пояса, у них – человеческое. Наряду с клешнями даже имелись обычные руки.

От толпы желтоглазых аборигенов отделились двое: бородатый старец и мальчишка. Держась за клешни, боком, они направились к гостям. Людокрабы за их спинами умолкли.

– Приветствуем гостей Янтарьграда! – торжественно произнёс старец и низко поклонился, чиркнув клешнёй по янтарной мостовой.

Мальчик последовал его примеру и тоже поклонился. Лори и Нори, отвечая на приветствие, приложили ладони к шлемам. Пассажиры кивали, махали, улыбались. Один только Пупырышек воротил нос.

– Этим ходячим консервам не стоит доверять, – процедил он сквозь зубы.

Но гнома никто не слушал. Всем уже порядком надоело его ворчание.

– Добро пожаловать на конференцию! – продолжал приветствовать бородатый людокраб, едва разогнувшись, не без помощи мальчика, свою старую больную спину.

– На какую такую конфефенцию? – Фло от удивления часто заморгал, будто вот-вот заплачет.

Крабостарик нахмурился. Взгляд его выцветших блекло-жёлтых глаз стал суровым, подозрительным. Зрачки сузились в две вертикальные щёлки.

– Как на какую конференцию?! На Всеводную! – вместо старца начал рассказывать мальчик. – Раз в столетие в наш славный Янтарьград приплывают жители глубинных вод со всей Антресолии и прочих миров.

– Так вы разве не на конференцию? – всё допытывался старый краб.

Его соплеменники, напустив на себя воинственный вид, защёлкали клешнями.

– Осторожнее, сейчас консервы нас прищучат... – невпопад пошутил Пупырышек, за что Ёлочка его дважды ушипнула.

– На конфефенцию! Конечно же, на конфефенцию! – предпочёл солгать Фло, лишь бы избежать гнева людокрабов.

Напряжение толпы спало. Кавалеры-крабы защёлкали клешнями, словно кастаньетами, выводя весёлую горячую мелодию. Длинноволосые крабодамы пустились в пляс. Детишки путались у них под ногами и взрывали хлопушки.

– А вы из какого водоёма, позвольте узнать? Где это водятся такие странные создания? – старый краб показал клешнёй на ласточек.

– Фах, откуда мы? – глаза Фло, не привыкшего лгать, забегали. Ему срочно надо было что-то придумать.

– Э-э-э, это... Из Янтарного озера мы, – решил помочь мастеру Ухо. – Там тоже... янтарь... Вот... Как у вас.

– Ага, ага, – закивали краболюды. – Янтарное озеро нам знакомо. А как же?! Слышали, слышали!

Однако старик опять почему-то хмурился.

- Что-то не так? – испугался Фло.

- Да вот думаю я, не обманываете ли вы нас? Ведь делегация от Янтарного озера уже прибыла?.. Во главе с принцессой Яхтар?!

Ухо и Эхо, услышав красивое имя, закатили глаза, заулыбались. Позволил себе улыбнуться даже Пупырышек. К мастеру Фло вернулась решимость.

- Так это меняет дело, голубчик! – он весело подмигнул старику. – Ведите нас к ясноликой Яхтаф. Пусть она лично подтвефдит, что знает нас.

Машенька беспокойно заёрзала в кресле. Ёлочка успокаивала её:

- Всё будет хорошо, ёй. Яхтар – из наших.

- Это как? Тоже буква? А какая?

- Сама догадайся, ёй. Сколько всего букв в алфавите? Сколькоих ты уже встретила? Сколько осталось?

Девочка задумалась, вспомнила всех, с кем ей довелось познакомиться во время путешествия по сказке. Она насчитала тридцать две буквы, хотя знала, что в алфавите их должно быть тридцать три. Значит, одной не хватает. Маша ещё раз, на этот раз вслуш, перечислила своих друзей, называя их по именам:

- Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да, Еремей, Ёлочка, Жужа, Зелёнка, Инсулин, Йод, Карапэ, Лори, Медок, Нори, Оперенко, Плюнь-Чпок, Розочка, Сыр Иванович, Типун Таратуста, Ухо, Фло, Холст Хмелевич, Цыпочка, Чинита, Шань, Щень, Твердолобик – твёрдый знак, Ык, Мякиш – мягкий знак, Эхо, Юшка... О, поняла! Последняя буква – «Я». Ну да, это и есть Яхтар!

- Э-э-эх! Идём к Яхтар! К Яхтар идём! – кричал Эхо, приложив ко рту ладони, словно рупор.

Ухо на радостях задрал майку и забарабанил по животу, чем привёл в восторг людокрабов, которые с ещё большим энтузиазмом защёлкали клешнями.

Старый краб не стал задерживать гостей, направил их на Фонтанную площадь, где находилась Арена. Именно там, как объяснил он, проходит сейчас Всеводная конференция. Если пришельцы не хотят опоздать, им стоит поторопиться.

Благо, до Фонтанной площади плыть пришлось недалеко – всего пару кварталов. Это был элитный район. Дома, обрамлявшие широкий янтарный проспект, соревновались друг с другом в красоте и богатстве. Причудливая лепнина, резьба, изысканные барельефы и арки, стройные колонны и очаровательные скульптуры, высеченные из перламутра, мозаика из белого и чёрного жемчуга – все эти и другие украшения демонстрировали невиданную роскошь. Но более всего впечатлили Машеньку розовые коралловые сады перед особняками, между ветвями которых порхали разноцветные рыбки.

Проспект оказался почти безлюдным. Местные жители уже давно собрались на Фонтанной площади, откуда доносился многоголосый рокот. Редкие прохожие, встречавшиеся на пути каравана, останавливались в изумлении, снимали шляпы и кланялись. А одна полная крабодама с голубой рыбёшкой на золотом поводке при виде ласточек чуть было не лишилась чувств.

Янтарный проспект вывел караван на широкую круглую площадь, по центру которой был разноцветный фонтан. Площадь окружали многоэтажные

террасы, тонкие перила которых обивали водоросли. На террасах, полуразвалившись на низких кушетках и попивая через трубочки коктейли, отдыхали благородные и не очень жители глубинных вод. Представители самых разных племён и народов. Почетных гостей конференции отличали от прочих коралловые венки.

Кого только здесь не было?! В первую очередь, бросались в глаза русалки, рыбы хвосты которых были окрашены в самые разные цвета. Хвосты эти, как поняла Маша, являются своего рода паспортами. Окрас их чешуи свидетельствует о принадлежности русалки к конкретному племени. Наряду с обычными русалочими народами были широко представлены на конференции и другие существа. На Машин взгляд, более интересные! Раньше девочка и вообразить не могла, что такие бывают – даже в сказках.

Взять, к примеру, вон тех, с виду нормальных людей, только прозрачных и желеобразных, как медузы. Их довольно внушительная группка расположилась на третьем уровне террас. Медузочеловеки, как и все, пили коктейли. И прекрасно видно было, как напиток течёт по их пищеводам и накапливается в желудках... У некоторых, между прочим, помимо коктейлей просматривались также пирожные и прочие сладости.

На четвёртом уровне, непосредственно над медузами, собирались человекоосьминоги. Они здоровались друг с другом, пожимали щупальца. У тех проказников, кто перепил коктейля, присоските и делали щупальцам коллег, которые, в свою очередь, прыскали на шутников чернилами.

На том же уровне, что и осьминоги, только немного правее, расположились людоскаты. Они нервно били длинными хвостами с острыми шипами на концах, которые способны пронзить самую толстую броню. Скатам непонятно было такое легкомысленное поведение осьминожек.

Машенька опустила взгляд. На втором уровне террас расхаживали горделивого вида господа. Ноги и руки, как у человека. Торс и зубастая голова, как у акулы. По белоснежным тогам, пурпурным коротким плащам, скреплённым на плечах массивными золотыми брошками, и коралловым венкам можно было догадаться, что это очень важные особы.

Компанию акулам составили стройные девушки с рыбьими головами. Их золотистые волосы (а может быть, хвосты – малышка толком не разобрала) были перетянуты на затылках длинными шёлковыми лентами. Пухлые, выпученные губы, густо накрашенные яркой помадой, заученно улыбались, обнажая четыре ряда мелких острых зубов.

Кушетки на самом нижнем (нулевом) уровне занимали зеленокожие люди с непонятными наростами на спинах. Маша не сразу догадалась, что нарости – это панцири, а люди – это, соответственно, черепахи-мутанты. Все они держали на коленях золотые пластины, на которых резцами и молоточками выбивали витиеватые письмена. Таким образом черепахи вели протокол, сохраняя для последующих поколений информацию о Всеводной конференции: кто выступил, на какую тему, кто, кому и какие задавал вопросы.

Местным жителям достались места на галёрке. Многие из них были недовольны тем, что плохо видно, поэтому неприлично топали, свистели и щёлкали клешнями.

На тот момент, когда караван вырулил на Фонтанную площадь, на Арену вышла, чтобы выступить перед делегациями, принцесса Яхтар – буква «Я». Длинное белое платье изысканно облепляло её точёную фигурку. Распущенные волосы цвета золота струились до самых колен.

Имя принцессы несколько раз объявила улитка-глашатай, которая сняла с себя раковину и приложила её к губам, используя как громкоговоритель:

– Внимание! Внимание! Принцесса Янтарного озера – ясновельможная Яхтар!
Площадь огласили громкие аплодисменты.

Глава 51.

Да здравствует мудрая Яхтар, или Червь на голову

– Я приветствую глубоководное общество на конференции, которая проводится уже в 847-й раз,

– принцесса Яхтар, изящно приложив ладонь к груди, трижды поклонилась собравшимся.

Черепахи-протоколистки, активно стучавшие молоточками по резцам, вдруг замерли.

– Простите, – сказала одна из них, пробежав глазами текст, – вы ошиблись. Конференция проводится в 849-й раз.

– Да нет же, – перебила её другая черепаха с крестообразной царапиной на панцире, – в 850-й!

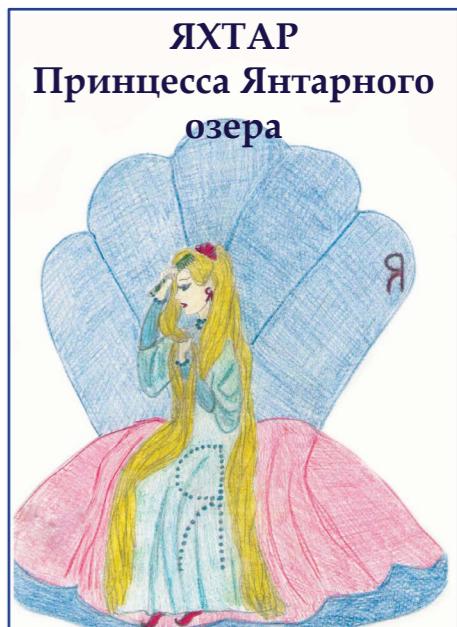
– 845-й, я вам говорю! – заверила третья.

Толпа на верхних террасах разразилась хохотом. Крабам смешно было наблюдать за тем, как пререкаются друг с другом черепахи.

Принцесса стояла, склонив голову набок, словно голубка, и ждала, когда утихнет спор. Русалки из её свиты – зеленохвостые по правую руку, златохвостые по левую и одна синехвостая за спиной – были менее терпеливы, раздражённо мели хвостами по мостовой, оставляя на ней блестящие чешуйки.

– Внимание! К нам пожаловала новая делегация! Из... Эм-м-м... Из... – неуклюже объявила улитка-глашатай, которая впервые видела ласточек и никак не могла понять, к какому водному народу они относятся. Скрестив от напряжения усики, улитка спросила у пришельцев: – Откуда вы?

– Из нейтральных вод, – сказала первое, что пришло на ум, Нори.

- Нейтральных? Нейтральных! Каких таких нейтральных?! - недоумённый шёпот переходил от террасы к террасе.

Делегаты сплетничали на разных водных языках. Они смаковали новость, запивая её новыми порциями сладкого коктейля. Особенно усердствовали медузы, которые от переизбытка напитка в их желудках поменяли цвет: были розовыми, а стали пурпурно-красными.

Яхтар заулыбалась, откинула волосы назад и пошла навстречу каравану. Синехвостая русалка, следовавшая за принцессой по пятам, подобрала её волосы заколкой, чтобы не мешали и не трепались. У этой русалочки должность была особенная –олосоохранительница.

- Я знаю их, – ласково сказала Яхтар и протянула руки к ласточкам. – Это мои друзья. Это же бесстрашные Стражницы Поднебесья?! А с ними волшебные буквы и... О, я не верю своим глазам?! Человеческий детёныш! С Чистым Сердцем!

- Ах?! – одновременно ахнули, выпустив вереницы пузырьков, сотни делегатов.

- Надо же? Впервые за столько лет наша Всеводная конференция удостоилась внимания ребёнка, пришедшего извне?! – удивлялась каракатица в кружевной косынке.

- Неужели из того самого – земного мира? – выпучила глаза камбала.

- С Чистым Сердцем, слышала? С Чистым!!! – восторженно шептала морская звезда своей соседке – костлявой селёдке. – Это, как пить дать, какое-то знамение! Интересно, к чему?

- К добру, исключительно к добру, – твердила селёдка.

А черепахи наперегонки выбивали на золотых пластинах сенсационную новость: ВПЕРВЫЕ ЗА ВСЮ ИСТОРИЮ ПРОВЕДЕНИЯ ВСЕВОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ, НА 847-ОМ СЪЕЗДЕ, ГЛУБОКОВОДНОЕ СООБЩЕСТВО ПРИНИМАЛО ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДЕТЁНЫША С ЧИСТЫМ СЕРДЦЕМ!!!

- На 850-ом! – воскликнула одна из черепах, подсмотрев, что пишет её коллега.

- Что вы? На 849-ом! – крикнула третья.

Снова разгорелся спор. Выступление ясновельможной Яхтар было безнадёжно сорвано. По этому случаю улитка объявила обеденный перерыв. Крепкие детины – кашалоты в полосатых майках – принесли на спинах столы и стулья и разместили их непосредственно на Арене, вокруг фонтана. Далее за дело взялись юркие официанты: полумальчики-полурыбы с закрученными, как у морских коньков, хвостами застелили столы белыми скатертями и заставили их разнообразными блюдами. Под номером один в подводном меню значилась морская капуста. Очень полезная, между прочим, для здоровья!

Её предложили отведать и Машеньке. Весёлая русалочка с белозубой улыбкой поднесла капусту на расписном подносе. Однако малышка, поморщившись, отказалась. По трём причинам. Во-первых, она не любила капусту, хотя морскую ей ещё не доводилось пробовать. Во-вторых, выйти за пределы наколдованного мастером Фло защитного купола не представлялось

возможности. Вокруг вода... А это значит, что ни Машеньке, ни её друзьям не суждено попробовать яств с морского пиршства... На сей счёт особенно сокрушался Пупырышек:

- Ну как же так? Несправедливо! Ай-яй!

Что касается третьей причины, то она буквально свалилась сверху. Пузатый, недавно отобедавший людскими сомнениями Червь подмял под себя столы, фонтан, задел хвостом террасы и примыкавшую к площади городскую ратушу, снёс с крыши все флюгера, разбил шикарные, с выложенным из жемчужин циферблатором, часы. Но этого беспорядка ему было мало, и Червь принял с неуёмным аппетитом заглатывать печные трубы и узкие башенки, срывать одну за другой золотые черепицы, слизывать янтарь на стенах, грызть бирюзовые купола. А что съесть Червь Сомнения не успевал, он разбивал, ломал, дробил. Только и летели во все стороны камни и осколки.

Гости конференции, побросав стаканы из-под коктейлей и коралловые венки, перевернув в панике кушетки, кинулись к выходам, сбивали друг друга с ног, у кого ноги эти были, падали, кричали. Труднее всех пришлось черепахам, которые тащили на своих панцирях мешки с протоколами. Оставить врагу на съедение важные документы никак нельзя!

Принцессу Яхтар подхватили русалки и понесли прочь от монстра. Заколка раскрылась, волосы распушились, растрепались, блеснули золотом. Червь заметил их и, выплюнув недожёванную черепицу, бросился следом за русалками. Ему преградил путь ласточкин караван, который в поднявшейся суматохе не успел покинуть площадь. Да и ласточки, храбрые стражницы, вовсе не стремились сбежать. Они расправили крылья, направили на монстра пушки.

- Не стфелять! – что есть мочи закричал Фло, весь покрывшийся пунцовыми пятнами. – Защитный купол не даст ядфам пфобить себя. Эдак мы сами подофвёмся! Фах, какой я дуфень?! Фах, как не учёл такую ситуацию?! Фах-фах, были бы здесь мои яблочки, мой яблоколёт...

Червь стал втрое шире и уже не помещался на Арене. Выгнувшись дугой, он чихнул. Кусочки не успевшей перевариться пищи разлетелись по площади и террасам. На ласточек обрушился дырявый колокол, которым чудище, видать, полакомилось ещё до того, как наведалось с визитом в Янтарьград. Машенька так решила, поскольку не помнила, чтобы в окрестностях видела хоть бы одну колокольню.

Защитный купол Фло-мастера спас караван. Немой, с вырванным язычком, колокол отскочил в сторону, едва не зацепив русалок, которые плотным кольцом обступили Яхтар. По неведомой причине принцесса отказалась эвакуироваться с площади, и теперь ей угрожала опасность.

Лори и Нори в отчаянии обернулись к старику Сморчку. Фло, Ухо и Эхо смотрели на него с мольбой. Все молчали, но ясно было, что они просят о помощи. Просят падшего колдуна задействовать Ахуратс.

Ведь Тень не раз уже справлялась с подобными монстрами. По сути, только ей это до сих пор удавалось.

А что же Сморчок? Как ни странно, он сидел, понурившись, и не звал свою Ахуратс, которая притаилась у него за пазухой. Сидел и по-стариковски шевелил губами, будто что-то жевал.

- Хм, ждёт, наверное, чтобы мы унижались, просили, умоляли?.. – гном скривил в презрительной усмешке свои толстые губы.

- Отнюдь, – Сморчок метнул в него обиженный взгляд, – меня просить не надо, но... В данной ситуации, друзья, я помочь бессилен. Боюсь, что Тень мою разъест солёная вода... Помните, что было с ней в реке? А здесь целый океан?!

- Я добавлю, что это не просто океан, – из-за спин русалочек послышался голос Яхтар, – а Океан Слёз. Они, слёзы эти, очень солёные.

- Фах-фах, что же делать нам? Что делать-то? – Фло обеими ладонями потёр вспотевшую лысину.

- Я знаю, что нужно делать, – твёрдо сказала принцесса. – Океан, повторю, состоит из слёз, а слёзы бывают разные. Есть слёзы печали, слёзы горя, боли и отчаяния. Купаясь в них, Сомнения крепнут и растут. Но есть слёзы, пролитые от счастья, от радости, есть также слёзы благодарности и любви...

- Да-да, есть такие! – не удержавшись, выкрикнула Маша и тут же устыдила того, что поддалась порыву нахлынувших на неё эмоций и прервала саму принцессу. – Ой, извините?!

- Я вот что хотела сказать, – как ни в чём не бывало рассказывала дальше буковка «Я», – светлых слёз меньше, нежели слёз печали, зато они горячие и энергией своей согревают океан. Именно они образуют тёплые течения, одно из которых, я смею предположить, принесло вас сюда.

- Фах, конечно же! Тёплое течение, да! – оживился Фло, оставив, наконец, в покое свою лысину, которую натёр до красноты.

- Я также думаю, что светлые слёзы должны как-то воздействовать на Сомнения? Если... Если в слезинках печали Черви эти, как на дрожжах, растут, то почему бы не допустить, что в слезах радости они наоборот – уменьшатся? А может, и вовсе исчезнут? Истинная любовь Сомнений не терпит?! А, друзья? Давайте проверим это?

- Но как? – разверла руками Нори.

- Я полагаю, что нам нужно выманить монстра за пределы города, подвести его к тёплому течению.

- Гениальный, фах, план! Гениальный! Вы, пфинцесса, пофазили меня своей мудростью! – искренне похвалил Яхтар мастер Фло.

Он был восхищён и готов был сказать ещё много приятных слов в честь ума и сообразительности Яхтар, но не позволили обстоятельства. Наглый Червь опять пошёл в наступление.

Глава 52.

Ещё одно Сомнение долой!!!

Орущая, визжащая от страха толпа заметно поредела. Лори и Нори быстро сориентировались, направили караван к выходу. Русалки тоже не зевали, понесли принцессу. На сей раз Яхтар оставила волосы распущенными, не позволила синехвостой русалке подобрать их заколкой. Мудрая принцесса смекнула, что её роскошные, отливающие золотом кудри привлекают внимание чудища, которое, видать, любит всё блестящее. Вот она и решила использовать их как приманку.

План Яхтар сработал. Червь клюнул на уловку, прыгнул на русалок, но промазал, рухнул прямо в проходе, где, будучи слишком толстым, благополучно застрял. Это привело его в ярость, и он с удвоенным рвением замахал хвостом, громя окрестные здания и сооружения. Все эти изящные, роскошные произведения архитектурного искусства с колоннами, скульптурами, цветными витражами, жемчужной мозаикой и коралловыми садами превратились в жалкую кучу обломков.

- Лай-ла, быстрее! – не столько приказывала, сколько просила ласточек Лори.

- Но! Но-о-о! – подгоняла их Нори, голосок которой от частых выкриков охрип.

Отчаянные лётчицы старались как можно быстрее вывести Червя за пределы Янтарыграда, пока ненасытный монстр полностью его не разрушил. Пернатые стражницы выкладывались по полной, но здесь, в чуждой для них стихии, им было трудно развить ту феноменальную скорость, на которую они были способны в своём родном Поднебесье. Караван двигался медленнее, нежели того хотелось. К тому же Червь Сомнения не спешил покидать город, где оставалось ещё так много лакомств, к которым он не успел приложиться. Монстр всё время отвлекался то на янтарную башню с золотым шпилем, то на ажурные фонари, то на арки, увитые водорослями, то на белые мостики и мосты, переброшенные от квартала к кварталу.

- Напрасно, всё напрасно... Он не хочет идти за нами, – едва прошептала Нори, которая уже не могла говорить – потеряла голос.

Лори не утешала подружку, потому что сама растерялась и не знала, что предпринять в данной ситуации. Ласточки почувствовали, что с лётчицами творится что-то неладное, притормозили, завертели головками. Они ждали очередных команд, но таковых почему-то не поступало.

- Если дальше так пойдёт, толку не будет, – мудро решила принцесса Яхтар и опять взяла инициативу на себя, приказала русалкам вернуться к монстру.

Как ни уговаривали её хвостатые, как ни упрашивали одуматься и укрыться где-нибудь в лесу, буковка «Я» настаивала на своём. Ослушаться принцессу русалочки не имели права, поэтому в конечном итоге они сдались, развернулись и поплыли навстречу Сомнению, оставляя за собой белые дорожки из пузырьков.

Червь не сразу заметил группку русалок, несущих златоволоску. Он был увлечён заглатыванием скамейки, которая оказалась привинченной к мостовой. Пришлось повозиться, сорвать с песчаного дна на совесть уложенную янтарную плитку.

– Я здесь! Я здесь! Посмотри на меня! – крикнула Яхтар настолько громко, насколько была способна.

Эта её выходка не на шутку напугала русалок, у которых от страха даже чешуйки побелели, будто покрылись инем. Монстр дёрнулся. Скамейка, которую он таки отодрал от мостовой, застряла у него в горле, причиняя боль. Начались конвульсии. Червь упал на живот, разбив красивейшую плитку, сжался в гармошку и невероятным усилием выдул из себя скамью.

– Яй-яй, что ж ты так? Яй-яй! – подтрунивала над ним безумно смелая Яхтар. – Не слишком ли много ты ешь? Вон уже обратно из тебя еда лезет!

– Сейчас я тебя съем, дерзкая, и посмотрим, что с тобой будет тогда, – хрипло погрозил Червь и пополз к русалкам, вспарывая животом мостовую.

Хвостатые девицы подхватили Яхтар, которая сжала кулачки и всё кричала и кричала что-то, дразня монстра, и пустились наутёк. Да так припустили, что вмиг обогнали караван.

– Лай-ла?! – спохватилась Лори и от души свистнула, что означало – полный вперёд.

– Фить, фить, фить! – весело отзывались ласточки.

Ловко маневрируя между башенками и куполами, которые почти сразу же, подмятые чудищем, рушились, караван приближался к воротам. Входная ракушка, завидев, какая надвигается на неё громадина, оставила свой пост и, клацая створками, попрыгала в сторону леса. Туда же направились русалки с Яхтар и ласточкин караван.

Как только Машенька и её друзья достигли белого леса, пришлось убавить скорость. Заросли, которые стали гуще и мощнее, нежели они были при первом с ними знакомстве, нехотя пропускали путешественников. Птицы едва успевали уворачиваться от намеренно хлещущих по ним плетей. Лес, казалось бы, сердился на пришельцев за то, что те нарушили его покой.

– Левее, левее, – вяло командовала Лори, которая вовсе не была уверена в том, что нужно поворачивать налево.

По её расчётом (а память у лётчицы отменная!) течение должно было находиться где-то здесь, поблизости. Но как ни плутали ласточки с русалками по лесу, с трудом уворачиваясь от недружелюбных ветвей, найти течение не удавалось.

– Я думаю, что течение переместилось, поменяло своё расположение, – предположила Яхтар.

Её голос доносился откуда-то сзади. Принцесса отстала от каравана, запутавшись волосами в зарослях. Тоненькими белыми пальчиками русалки пытались их распутать, но у них не особенно это получалось.

– Не понимаю, как это может быть? – недоумевала Нори.

– Я слышала... Яй-яй... – застонала Яхтар, у которой синехвостая русалочка ненарочно выдернула пряжку, – что Океан Слёз называют бездонным. Не

потому, что дна вовсе нет, а потому, что дно это постоянно движется. И океан вроде бы всё время переливается... Сверху вниз и обратно.

– Фах-фах, понятно тепефь, почему мы никак не могли всплыть. Я всё думал, ну как же так? – хлопнул себя по колену Фло. – А вон оно как?! Океан пефеливается! Понятно!

– Понятно, что ничего не понятно, – сдвинул густые брови Пупырышек. – Вот что нам делать? Где течение это искать? Как от Червя избавиться? Сейчас догонит чудище и всех проглотит... А мы стоим тут и разводим руками...

– Ёй, что делать? Что делать? – всплакнула Ёлочка.

– Верить, – тихо сказал Сморчок, не поднимая глаз.

– Во что-о-о? В то, что течение вернётся? Ха! – Пупырышек сплюнул, затем вытер губы рукавом.

– А хотя бы и так, – так же тихо и не поднимая глаз, ответил колдун. – Почему, собственно, ему не вернуться, если дно постоянно движется?

– Действительно, – поддержала Сморчка Машенька, – надо верить в чудо, и тогда оно сбудется. Надо верить! Вот как верю я!

Малышка крепко-крепко зажмурилась, будто бы от этого ей легче верилось, представила себе, что вот здесь, вот сию минуту зажурчит вода и вернётся течение. Вода не зажурчала, но теплом повеяло. Дно опустилось. Путешественники этого не заметили бы, если б не увеличилось расстояние между дном и ветвями. Вместе с зарослями потянуло вверх и Яхтар. Русалки, чтобы не потерять принцессу, выпустили острые ноготки и обрезали бедняжке волосы. И как раз вовремя, поскольку кустарник с золотой копной исчез. Дно резко крутануло влево. Но и этого наши друзья совершенно не почувствовали. Им казалось, что ничего не изменилось. Отчасти так оно и было: путешественники не сдвинулись с места, само место переместилось. Стало гораздо теплее. Значит, течение совсем близко.

Со стороны Янтарыграда приближался ужасный треск. Это Червь Сомнения пробирался сквозь заросли и на ходу пробовал их на зуб. Белые плети были совсем невкусные, поэтому монстр их тут же выплёывал, но потом вновь и вновь кусал... Наверное, по привычке. Надкусленные ветви мстили Червю, хлестали его по спине, а сочившийся из их ран сок оставлял на его раздутом теле ярко-красные ожоги. Монстр поскучивал, глухо рычал, но упорно полз дальше, вглубь леса. Он чувствовал, что там его ждёт добыча.

Вот уже показалась голова Червя. Его чёрные жадные глазки сощурились. Надо же, какая подобралась компания?! Ласточки, русалки, буквы и настоящий человеческий детёныш! Ах, это, должно быть, очень вкусно??!

Предвкушая удовольствие, Червь Сомнения облизнулся и разинул пасть, которая, будто бы она была резиновая, растянулась до невероятных размеров. Таким образом чудище намеревалось проглотить всех сразу. В этот самый момент дно снова передвинулось. Мощный поток тёплой воды ударил прямо в пасть монстра. Не в силах остановиться, Червь Сомнения пил и пил горячие слёзы, пролитые людьми в самые счастливые моменты их жизни. Пил, пока не лопнул, превратившись в миллионы радужных пузырей. Да и те один за другим лопались: плюф, плюф! Очень скоро от Сомнения и пузырчатый след рассеялся.

Глава 53. Всплытие

Течение подхватило путешественников и стремительно понесло. Куда именно – вверх или вниз, сложно было определить, ведь в этом странном подводном мире, где дно гуляет само по себе, все ощущения обманчивы. Вместе с караваном оказались в пленау течения также Яхтар и её русалочья свита. Сопротивляться напору воды было бесполезно. Русалки и не пытались. Они распустили плавники, раскинули тонкие руки, зажмурились и пели о любви серебристой рыбки-попрыгуньи к ветру. Вместе с ними пела и ясноликая Яхтар. Буковка и её хвостатые подружки явно наслаждались теплом и той колоссальной энергией, которую дарили им человеческие слёзы счастья.

Что удивительно – волосы принцессы, второпях обрезанные русалками, будто стали длиннее?! Машенька поначалу подумала, что это обман зрения. Просто лучики света, льющегося из ниоткуда, отражаются в локонах Яхтар и своей переливчатой игрой зрителю удлиняют их. Но нет! Волосы действительно росли. То ли на них так действовало течение, то ли это был результат чарующего пения русалок, девочка не разобрала. Однако она точно видела, что уже на втором куплете песенки за спиной Яхтар распустились золотым плащом её длинные шикарные волосы. Вода нежно трепала их, точно расчёсывала.

Внезапно локоны принцессы, а также косы её русалочек опустились, накрыли белые лица красавиц. Течение поменяло своё направление и понесло путешественников в обратную сторону. Океан Слёз в очередной раз продемонстрировал, насколько у него капризный характер.

Ласточки, которых несло задом наперёд, вжали головки. Вода обрушилась на них всей своей мощью и... И неожиданно закончилась. Океан смилиостивился над путешественниками, выпустил их на волю. Птицы защебетали, встречая родную стихию – небо, расправили крылья. Они готовились к полёту, но Лори и Нори натянули поводья, давая понять пернатым стражницам, что торопиться не стоит. Надо бы сначала осмотреться. Да и не оставишь же вот так, не попрощавшись, Яхтар?..

Русалки взялись за руки, образовали круг, по центру которого, на пересечении разноцветных хвостовых плавников, стояла в мокром платье принцесса и выкручивала золотые волосы. В отличие от своей свиты, она превосходно обходилась без воды. На её щеках даже появился лёгкий румянец.

Яхтар, как и прочие путешественники, с любопытством рассматривала открывшуюся панораму. То тут, то там из бирюзовой глади воды выглядывали шершавые коричневые столбы, из которых росли, уходя вглубь бездонного океана, белые плети. Сами же столбы поднимались в небо, где терялись в его ослепительно-бесконечной дали. Солёные волны, спешащие по своим делам, с почтением расплывались перед этими исполинами и, пенясь и шипя, огибали их. Если какой из них, поддавшись шалости, удавалось брызнутуть на столб, в тех местах, куда падали блестящие капельки, шершавый слой вздувался и лопался,

уступая напору белых ростков. Новые плети, пока ещё тоненькие, неокрепшие, тянулись к воде, а достигнув её поверхности, пили, утолщались, набирались сил, чтобы продолжить свой рост уже под водой. Таким образом множились седые джунгли, которые заплели собой почти весь Океан Слёз.

– Что это, а? Что это? – спросила у друзей Машенька, но те молчали, поскольку сами ничего не понимали.

Яхтар заплела подсохшие волосы в косу, перебросила её через плечо, сложила руки на груди.

– Я думаю, – сказала она чуть погодя, – что это какие-то деревья. Вон их стволы, а под водой расплелись их корни.

– Фах, фах, что же это выходит – дефевья фастут пфямо из океана? – изумился Фло.

– Из Океана Слёз, – уточнила буковка «Я».

– Э-э-эх, сейчас подымется и узнаем, что это за деревья такие, – потёр колени Эхо. – Ну, чего же мы ждём?

Лори и Нори кивнули, взяли в руки поводья.

– Я с вами! Подождите! – крикнула Яхтар и капризно топнула ножкой по синему плавнику русалочки.

Та поморщилась, но не осмелилась пожаловаться, лишь заметила:

– А как же мы, ясновельможная? Что делать нам?

Принцесса перепрыгнула с русалочьего хвоста на крыло, любезно протянутое ей ласточкой, взобралась на спину птицы, устроилась в пассажирском кресле, посидела, немного подумала. Улыбнувшись посетившей её милую головку мысли, она распорядилась:

– Вы, мои золотые рыбки, вернётесь в Янтарьград, найдёте кашалотов и передадите им мою просьбу собрать как можно больше горячих слёз счастья. Это отличное лекарство против Сомнений. Мы используем его в борьбе с Червями.

– Пфавильно, пфавильно! – поднял указательный палец мастер Фло. – Пусть собефут. Мы вефнёмся за лекафством позже. Надеюсь, уже на новеньком яблоколёте!..

Русалки подпрыгнули, кувыркнулись в воздухе и с громким плеском погрузились в воду. Ближайшие к ним стволы, щедро омытые океанской водичкой, покрылись десятками свежих корешков. Взявшись за руки, красавицы уже намеревались отправиться в обратный путь, но синехвостая русалочка вдруг отделилась от группки, подплыла к ласточке, где разместилась принцесса, и протянула Яхтар заколку:

– Это тебе, ясновельможная, чтобы косы не трепались.

Буковка «Я» приняла подарок, прижала его к груди, благодарно склонила голову. Русалка махнула принцессе хвостом и нырнула к своим подружкам, которые сбились в стайку на небольшой глубине в ожидании, когда вернётся течение. То, что вернётся, они уже знали наверняка.

Не успели Лори и Нори отдать команду о взлёте, как ласточки, захлопав крыльями, поднялись в небо. Им не терпелось покинуть этот странный, мокрый

океан. Фло-мастер активировал защитные купола, которые при всплытии на время отключил. «Для подзафядки!» – как пояснил он.

Птицы, набирая скорость, переговаривались друг с другом:

- Фить, фить!
- Цвиринь, цвиринь!!

Глава 54.

Стволы, подпирающие небо, и древесный лифт

Подниматься было нелегко – мешали деревья. Ласточки, особенно те, что летели по бокам строя, беспрерывно натыкались на стволы, задевали крыльями кору. Птицы, замыкавшие караван, отставали, тянули назад передних. Кожаные ремни ласточкиной упряжи от перетяжки трещали. Караван бросало из стороны в сторону, от ствола к стволу. Очень скоро взъерошенные стражницы выдохлись, их движения стали вялыми. От усталости они невнимательно слушали лётчиц, неверно понимали команды. Когда нужно было повернуть направо, обязательно кто-нибудь поворачивал налево. В результате караван раз за разом врезался в стволы.

– Пефедохнуть бы? – несмело предложил мастер Фло.

Несмело, поскольку понимал, что его предложение бессмысленно. Отдыхать попросту негде! Безразмерные стволы загадочных деревьев были совершенно лишены ветвей, на которых птицы могли бы устроить себе привал.

– Фить? Фить? – жалобно попискивали ласточки.

Лори и Нори подняли забрала шлемов, тёрли кулачками глаза. Маша заметила, что их лица заплаканы. Лётчицы не знали, как помочь измученным птицам, и, осознавая свою беспомощность, безмерно страдали.

– Ёй-ёй! Я знаю, что нужно делать! Вы ещё немножко потерпите! – ободряюще крикнула ласточек Ёлочка, потянувшись к своей корзинке, пошебуршала там, вынула спицы. Осмотревшись по сторонам, буковка «Ё» обратилась к друзьям с просьбой: – Только вы все мне поможете, ладно? Одной мне не справиться...

– Фах-фах, безусловно, – с готовностью пообещал Фло-мастер. – Поясните нам, дофогуша, что вы собираетесь делать? Фах-фах?! Неужели сплести вефёвочную площадку??!

– Ёй, именно. Её самую! – засмеялась Ёлочка.

– Э-э-эх, что нам делать прикажете? – бравый Эхо отстегнул ремень и зачем-то с ногами взгромоздился на кресло.

Ухо держал его, чтобы не упал, а сам смеялся, заразившись хорошим настроением от очаровательной буковки «Ё».

Вдруг посерёзнев, Ёлочка принялась объяснять, кому и что придётся сейчас делать:

– Ёй, ты, Эхо, проберёшься на спину ласточки, груженной нитками. Отвяжешь один моток, отмотаешь нитку и перебросишь её конец сюда, к нам на борт. Ухо поймет.

– У-у-у, – возмутился Ухо, – почему это у Эхо более важное задание? А мне – стой и лови?

– Ёй, не капризничай, Ухо, – успокаивала его буковка «Ё». – Пойманную ниточку ты подашь мне. Я из неё сетку свяжу. Ты, Ухочко, сетку эту к столбу привяжешь. Вон к тому. А потом к тому. И к тому вон. Видишь, как много работы? Как раз для такого молодчины, как ты!

– Лай-ла, и мы поможем, – Лори, будто школьница, подняла руку.

– Ёй-ёй, все поможете, все поможете, – приговаривала Ёлочка, выплетая из протянутой Ухо нитки первые петельки.

Работала буковка «Ё» исправно. Сразу видно было, что она знает толк в вязальном деле. Да и спицы у неё были волшебные. Войдя во вкус, они начали вывязывать вместо одной петли сразу две, затем вместо двух – десять, двадцать... Не прошло и часа, как между стволами растянулась крепкая, на совесть вывязанная сеть. Ласточки, наконец-то, получили возможность передохнуть. Задорным пересвистом птицы сообщали друзьям о том, как они благодарны за заботу.

Пока стражницы отдыхали, пассажиры сошли на площадку и туда-сюда прохаживались, перекусывали шоколадными батончиками, которыми их угостили лётчицы. Машенька тоже решила размяться, съехала со спины ласточки на растянутую сетку. Сначала на коленках, ползком, затем выпрямившись во весь рост, она потихоньку направилась к ближайшему стволу. Верёвки ходили под ногами ходуном. Девочка знала, что они очень крепкие и, значит, не порвутся, но всё равно ей было боязно. Поэтому, когда Маша добралась до дерева, она с нескрываемым облегчением вздохнула, прислонилась к стволу спиной. Неосторожно бросив взгляд вниз, малышка океан не обнаружила. Он давно исчез где-то там, в подёрнутой синеватой дымкой пропасти. Небо же, в которое гордо упирались деревья-великаны, и не думало становиться ближе.

«Это же на какой высоте мы сейчас находимся?» – ужаснулась Машенька, и от этой мысли у неё закружилась голова.

Девочка села боком к стволу, обхватила руками коленки, приложила к коре ухо и тут же вздрогнула, поскольку изнутри доносились какие-то звуки. Бр-рр-р, др-др... Будто работает моторчик? Звуки то приближались, то удалялись, то снова становились ближе и громче.

Маша обернулась к друзьям. Они, похоже, ничего не слышали, прогуливались и, как прежде, вели неспешную беседу.

«Неужели действительно из дерева это?» – подумала малышка и, затаив дыхание, снова прильнула к стволу. Она не знала, почему, но ей казалось, что это добрый знак.

Точно! Др-р-р – это мотор рычит. Определённо, внутри дерева полое, и в нём что-то есть. Что-то с мотором. Придя к такому выводу, Машенька начала шёпотом читать двери открывающее заклинание. Сделала она это скорее по

привычке, которая выработалась у неё за время, проведённое в сказке. Если куда-то срочно нужно попасть, что-то узнать, а видимых глазу дверей нет, их можно искусственно наколдовать. Достаточно произнести всего лишь пять слов:

– Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да.

Дерево задрожало. Друзья бросились было к Маше, но попадали, поскольку сетку хорошенько встряхнуло. Потревоженные ласточки взмыли ввысь и, обеспокоенно пересвистываясь, кружили над площадкой.

Древесная кора отслоилась, превратилась в труху. Под ней образовалось огромное овальное дупло. Приятно запахло свежей древесиной. Моторчик некоего таинственного механизма, спрятанного в стволе, надрывно заурчал. Дерево удивлённо открыло дупло-рот и как бы спрашивало, зачем его разбудили.

– Уй, что это, босс? – спросил у мастера Ухо и тыкнул грязным, с погрызенным ногтем, пальцем в сторону дупла.

– Фах-фах, а я знаю? – отмахнулся Фло.

Сморчок встал, для равновесия, чтобы снова не плюхнуться на сетку, раскинул руки, постоял, набираясь смелости, и медленно, маленькими шажочками начал пробираться к дереву. Ему пришлось переступить через Машеньку, которая испугалась, что натворила что-то нехорошее, и не могла пошевелиться. Добравшись до дерева, старик прислонился к нему плечом, вытянул шею и осторожно засунул в дупло свою невообразимо большую голову. Его шапка вертелась и крутилась, стреляла наглыми глазками вверх, вниз, направо, налево. Она исследовала нутро дерева, абсолютно не опасаясь каких-либо неприятных сюрпризов.

– Ух ты?! – радостно выкрикнула шапка и даже свистнула. – Так это же волшебный лифт?

– Действительно, – причмокнув, сделал вывод Сморчок, – лифт. Только ума не приложу, как же он открылся? Не сам же по себе?

– Это я, – подала голосок Маша, к которой возвращалась уверенность в том, что она поступила правильно. – Это я открыла... Прочла заклинание... То самое! Ну, вы знаете!..

Тонкие, плотно скатые губы колдуна изогнулись в улыбке. Множество глубоких морщин отпечатались на его лице, отчего оно, как ни странно, сделалось более добродушным.

– Чистое Сердце подсказало человеческому детёнышу, как должно было поступить. Решение Чистого Сердца для нас свято, – говоря это, старик приложил руку к груди и склонил голову, шапка на которой, в свою очередь, склонила перед Машенькой рыжую головку. – И всё же маленькой девочке стоит быть осторожнее. Заклинание, произнесённое в неподходящее время в неподходящем месте, может накликать великую беду.

Шапка лизнула колдуна в нос.

– Хозяин, не ворчи. Она же, – зверёк указал на мальшку мокрым, облизанным хвостом, – сделала всё правильно.

– На этот раз пронесло, да... Но в следующий раз?

– В следующий раз я посоветуюсь с друзьями, – пообещала Машенька.

– Пфостите, уважаемые, что я вас пфифываю, – вмешался в разговор Фломастер, – но думаю, что лифт долго ждать не будет. Нам надо опробовать его, пфовефить, куда он ведёт.

– Уй, босс, кто первым пойдёт? – спросил Ухо, успевший засунуть свой курносый нос в дупло. – Лифт всех нас вместе не выдержит. Не-а, не потянет. Точно, уй!

– Я первая пойду, – вызвалась девочка. – Я же лифт открыла?

– И я пойду, – решил Сморчок и шагнул в дупло.

– Фах-фах, куда же вы без меня? А вдруг что-то поломается и надо будет починить? Без мастера нельзя, а посему я с вами, – заявил Фло. – А вы, Ухо и Эхо, останетесь, поможете лётчицам пефепфавить кафаван.

– Ёй, возьмите, пожалуйста, меня? – попросила Ёлочка и сложила домиком ладошки. – Выдержит ли лифт?

– Полагаю, что выдефжит, – авторитетно заявил Фло уже из дупла.

Буковка «Ё», прихватив свою чудо-корзинку, следом за Машенькой забралась в древесный лифт. Последним заскочил в дупло, не спросив на то разрешения, Пупырышек. Дверцы лифта задвинулись. Тут же на стене высветились два отпечатка человеческой руки: одна ладонь указывала вверх, другая – вниз.

Машенька, недолго думая, приложила свою ручонку к первому отпечатку, и кабинку понесло вверх.

– Недавно кто-то обещал советоваться с друзьями? – сказал с лёгкой иронией в голосе Сморчок, делавший вид, что рассматривает свои ногти.

– Хозяин, не ворчи, – снова заступилась за девочку шапка и, чтобы задобрить старика, принялась вылизывать его щёки.

Сморчок улыбался по-своему, по-стариковски – лучился морщинками. Его тощая грудь содрогалась от беззвучного смеха. Тень, которая слишком долго спала у сердца колдуна, выглянула из воротничка, чтобы узнать, что так раздобрило её хозяина.

Маша, не стесняясь, засмеялась звонко, задорно, по-детски. Её смех подхватили Ёлочка и Фло-мастер. Даже Пупырышек, как ни старался он держаться, прыснул-таки со смеху:

– Хы-хы! Хы-хы!

Глава 55. Верхний ярус леса и гнездовая больница

Сколько времени понадобилось лифту, чтобы доставить пассажиров на верхний ярус леса, Машеньке сложно было определить. Время внутри кабинки вело себя странно: то ускорялось, то замедляло свой ход. Ни с того ни с сего сердце девочки начинало учащённо биться. Лица друзей расплывались перед её глазами, мелькали, словно пламя свечи на ветру. Слова, которые говорили они, Машину ухо не улавливало. Слышен был лишь противный комариный писк.

Потом вдруг всё замедлялось. Будто пригвождённое, сердце замирало. Даже моргнуть малышка затруднялось. А когда она разлепила губы, чтобы сказать что-то друзьям, получился медвежий рык... Пупырышек засмеялся, а Машеньке послышалось, что он заблеял, как баран. Ёлочка неожиданно заговорила по-ослиному: «Ёа-ёа...» Фло-мастер же извергал какие-то непонятные квакающие звуки. Но и квакая, он умудрялся картавить.

Изменения, происходившие с девочкой и её друзьями, одновременно смешили их и пугали. «В самом деле, – думала Маша, – что будет, если я утрачу способность говорить? Ой, мамочка?! А что, если я всегда так буду рычать? Басом?..»

К счастью, когда лифт остановился, всё пришло в норму. Пассажиры тяжело дышали, приходя в себя. Кто держался за сердце, кто – за голову. Пупырышек стоял на четвереньках и жевал кончик бороды...

Дверцы раздвинулись. Перед лифтовым дуплом раскинулась верёвочная площадка. Машенька разочаровалась, подумав было, что они вернулись к сетке, сплетённой Ёлочкой для ласточек. Но окинув взглядом окрестность, девочка поняла, что это был нижний этаж верёвочной пирамиды в Лесу Совести. Колючие ветви, вечно продуваемые ветром, угрюмо скрипели, будто отчитывали путешественников за их долгое отсутствие. Некоторые из них в сердцах сбрасывали иголки. Со свистом разрезая воздух, иглы падали на сеть, которая, принимая груз, ужасно раскачивалась. Кое-где им удавалось проскользнуть сквозь ячейки сети. Высвободившись из верёвочного плена, они продолжали падать в неведомую для них пропасть.

– Интересно, эти иголки достигнут океана? – размышляла вслух малышка.

Она сидела на корточках, подперев ладошкой подбородок, и любовалась красивым, но опасным зрелищем – искрящимся серебром иглопадом.

– Фах-фах, сомневаюсь, – рядом с Машенькой уселся Фло. – Что-то не пифомню я, чтобы в океане иголки плавали. Фасстояние слишком велико. Пфедполагаю, что во вфемя полёта иглы фаскаляются и плавятся. Попфосту, они исчезают...

– Ёй, вроде бы утихло? Ёй, точно – угомонились, – сделала вывод Ёлочка, выглянув из дупла. – Ёй, быстрее выходим и отправляем лифт назад. Надо ласточек переправить. А вдруг иглы поранят их там, внизу? Ёй!

– Сомневаюсь, но подстфаховка не помешает. Выходим, – согласился с Ёлочкой Фло и пропустил её вперёд.

Следующим пошёл Сморчок, за ним Маша. Фло не спешил покинуть дупло, стоял на пороге, будто чего-то ждал.

– Дай пройти, – гном грубо толкнул мастера. – Чего стал?

– Попфошу повежливее?! – обиделся Фло, но не отступил. – Какой вы губубиян, однако?

– Сейчас как дам, как дам! – погрозил кулаком Пупырышек.

– А ты попфобуй! – мастер распалился, толкнул гнома вглубь кабинки и сам, не удержавшись, туда же ввалился.

Завязалась драка. В потасовке кто-то (не разобрать было – гном или Фло) хлопнул невзначай по светящейся ладони на стене лифта. Механизм сработал мгновенно. Дверцы захлопнулись, и лифт умчался вниз. Ещё какое-то время было слышно, как гудит внутри дерева моторчик, но вскоре он затих. Как ни прислушивалась Маша, прикладывая к стволу то одно, то другое ухо, – тишина. Будто ничего и не было.

– Ёй, мужчины, – усмехнулась Ёлочка, – все они драчуны.

– Попрошу не обобщать, – возразил Сморчок и выпятил колесом свою тощую грудь. Буковка «Ё» одарила старика таким насмешливым взглядом, что он сразу сник, грудь опять впала. Застеснявшись вдруг, колдун счёл нужным пояснить: – Ну, в прошлом я, возможно, кое-что натворил...

– Ёй, войну развязал, чуть не уничтожил целый мир! Разве это кое-что?

– Ну, в прошлом это... – в прошлом... – мямлил старик, лицо которого покрылось маковым румянцем.

Машенька не стала слушать, как спорят её друзья, полезла по лесенке на верхние этажи пирамиды. Ёлочка и Сморчок, спохватившись, последовали за ней. Навстречу к ним спешили гномы, белки и начальник лесной милиции Опанас Оперенко, беспрерывно дувший в свой свисток: тру-тру-ля-ля! Медсестра Зелёнка с чемоданчиком, помеченным красным крестом, летела верхом на длинноносом комарике, который тоненьkim голоском звенел:

– З-з-з, пос-с-сторонитетс-с-сы! С-с-скорая помощь, з-з-з! Помощь!

Девочку подхватили белки, уложили на носилки и, лихо перепрыгивая с этажа на этаж, понесли её в больницу. Остальными пациентами занялись комары. Их вовсе не смущало, что Ёлочка и старики Сморчок совершенно здоровы. Нужно было, как разъяснила Зелёнка, провести профилактические меры. Кто знает, какие инфекции подхватили путешественники в пути? Проверить не помешает!

Белки, местные жительницы, превосходно ориентировались в Лесу Совести. Не сбавляя скорости, они умудрились обойти все иголки и не пораниться. Девочку вмиг доставили на вершину леса, где находилась больница. В качестве палат в ней выступали свитые из веточек гнёзда. Смотровая комната, в которой принимали пациентов доктора Инсулин и Йод, прибывшие с берегов Молочной реки, тоже располагалась в гнезде. Сверху комнату защищала от иголок и ветра соломенная крыша. Доктора сидели за круглым столом и заполняли карточки больных. При виде Машеньки оба брата заулыбались. Они узнали её.

– Йоксель-моксель?! – хлопнул по столу ручкой Йод. – Какие люди?! Вам всё-таки удалось пройти через Радужный Портал в Сумеречный Мир и привезти нитки??!

— Ить, наслышаны, — ввернул словечко Инсулин, бесцеремонно прервав младшего брата, — наслышаны мы о подвигах экспедиции мастера Фло. Скользких Червей Сомнения вы победили? Впечатляет! Впечатляет! Ить...

— Кстати, где остальные? Целы ли? Невредимы? — Йод обеспокоенно спросил белку-милиционерку, доставившую Машу в смотровое гнездо.

— Что с ними сделается? Скоро всех доставим, — отрапортовала белочка, подтолкнула малышку к столу и была такова — прыг да скок обратно, к лифту.

Йод встал и, прихрамывая, опираясь одной рукой на трость, а в другой неся табурет, обошёл стол, поставил табурет перед девочкой и жестом предложил сесть. Машенька не отказалась от предложения. От усталости у неё слипались веки, а рот непроизвольно зевал.

— Интересно, весьма интересно, — Инсулин тщательно протёр очки, отчего в свете одинокой лампы на столе они заблестели, как две звёздочки. — Ты видишь, братец, то же, что и я?

— Йоксель-моксель, — неоднозначно ответил Йод и по-солдатски стукнул каблуком о каблук.

— Я так и думал, — согласился Инсулин.

Что такое интересное увидели в ней доктора-братья, малышка не узнала, поскольку уснула. Засыпая, она свалилась с табурета на пол, где свернулась калачиком и сладко засопела.

— Йоксель-моксель, как же девочка устала? — сочувственно прошептал Йод и с нежностью погладил Машеньку по головке.

— Именно, устала, — подтвердил диагноз Инсулин.

По просьбе докторов комары-санитары отнесли девочку в подготовленную для неё палату — маленькое, но уютное гнёздышко. Пуховые подушки и перинка услужливо прогнулись, принимая Машу. Мягкое одеяло, наверняка набитое тем же пухом, заботливо укрыло её и само подоткнулось, просунув один из своих кончиков под детскую щёчку. Машенька улыбнулась, поскольку ей снилось, что это мама коснулась её щеки тёплыми, мягкими губами.

Комары не стали жужжать, молча накрыли гнёздышко-кровать соломенной крышей и улетели выполнять свои санитарские обязанности. Им следовало ещё принять Машиных друзей, в том числе целый ласточкин караван.

Глава 56. И снова в путь!

Машенька настолько устала, что проспала остаток дня, ночь и следующий день до самого вечера. Лишь когда на антресолевском небосклоне, смутно просматриваемом сквозь соломенную крышу, заморгали две жёлто-блинистые луны, девочка проснулась. Её разбудило жуткое чувство голода. Маша, растрёпанная, в мятом платьице, села и нехотя отбросила одеяло. Посидев так минуту или две, она снова упала на перинку — лень было вставать.

Вечерняя прохлада давала о себе знать. Стало зябко. Малышка потянула на себя одеяло, но оно не желало натягиваться, выскоцило из Машенькиной ладошки, оголило её коленку.

— Да что же это такое? — обиделась девочка и, чтобы отомстить одеялу, отпихнула его пяткой.

— Пора кушать, а-а-апчхи, — сказал кто-то голосом профессора Абра-ара.

Соломенная крыша отодвинулась. Не кто-то, а живой профессор, собственной персоной, протянул Маше руки.

— Абра-арушка?! Родненький! Как же я соскучилась! — малышка не скрывала своей радости, прильнула к груди друга.

Обнявшись и свесив ноги, они долго сидели на краю гнезда и наблюдали, как прыгают с верхушки на верхушку юркие белки. По распоряжению Опанаса Оперенко милиционерки раздавали пациентам больницы гостинцы. В Машенькино гнездо посыпались дроблённые лесные орешки! Это было весьма кстати. Голодная малышка ловила гостинцы на лету и тут же угощалась ими. Её щёчки надулись, как у хомячка.

— Ах-ах, не стоит так спешить. Ах-ах, так можно и подавиться, — поучал малышку Абра-ар.

— Ага, м-м-м, угу, — вроде бы соглашалась с ним Маша, при этом ни на секунду не переставая жевать.

Когда девочка хорошенько подкрепилась орешками, профессор повёл её к чемоданистому кораблику, который был припаркован поблизости с больницей. По дороге Абра-арушка, как всё время называла его Машенька, рассказал, что Фло-мастер собирается в очередную экспедицию, на этот раз не столь далёкую — в яблоневый сад. Цель экспедиции очевидна — подобрать для нового яблоколёта спелые фрукты. Фло планирует оборудовать их сложнейшей спецтехникой и тем самым подготовить к погоне за Червями Сомнения и чёрными дырами.

— Ах, самое интересное, Машенька, заключается в том, что мастер собирает новую команду охотников за Сомнениями. И кто, как вы думаете, войдёт в её состав? — профессор, увлёкшись рассказом, положил руку на плечо малышки.

— Колдун Сморчок, конечно же?! — воодушевилась Маша.

— Ах, — подмигнул ей профессор, — вы всегда всё знаете. Естественно, колдун Сморчок. И Тень его тоже. Эта парочка благородными поступками подтвердила свои намерения стать на путь добра.

— Ура! Тра-ля-ля! — Машенька подпрыгнула и хлопнула над головой в ладоши.

— В яблоневом саду, — рассказывал, улыбаясь, Абра-ар, — состоится Совет Тридцати Трёх, на котором каждая буква перед самим Хранителем должна будет поручиться за колдуна. Я думаю — всё пройдёт гладко.

— И ему тогда разрешат оставаться в сказках?

— Ах, да. Наверняка!

— Тра-ля-ля! Тра-ля-ля! — два раза на левой ножке и трижды на правой подпрыгнула счастливая Маша.

Профессор взял малышку под руку, чтобы она не свалилась с ветки, и, хитро подмигнув, спросил:

- А разве человеческую девочку не интересует, кто ещё войдёт в команду мастера Фло?

- Как? Это ещё не всё? - Маша сделала вид, что удивилась.

- В команду попросилась Ёлочка, и её приняли. Ведь буковка «Ё» - первоклассный специалист по штопанью. Ах, принцесса Яхтар также вызвалась стать членом экипажа. Говорят, это она придумала запастись слезами счастья для борьбы с Сомнениями....

- Абра-арушка, - Маша не дала договорить профессору, повисла на нём, заглянула ему в глаза, - а я знаю, что там внизу! Там Океан Слёз! Он почти бездонный. Не потому, что дна вовсе нет, а потому, что дно не стоит на месте, всё время движется. Именно из его солёной водицы растут Ели Совести.

- Ах, знаю я. Теперь мы все знаем. Это важное научное открытие. Вот когда всё закончится, я напишу об этом статью. Но прежде, ах, - Абра-ар мечтательно вздохнул, - сам спущусь в океан.

- На лифте?

Профессор не ответил Машеньке, поскольку они уже пришли. На лысой, давно сбросившей иглы ветке разместился до боли знакомый девочке чемодан из-под швейной машинки.

- Внимание! Вай-вай, наша Машенька вернулась! - закричал Вьюга-вьюн, который сидел на корме чемодана, обхватив коленями ручку зонтика Бурундуна.

Сам Бурунунчик висел на спицах и подтягивался. Услышав такую замечательную новость, он сорвался, но ловко вывернулся и уселся прямиком на плечи Вьюна. Уже вдвоём, крича и ругаясь, друзья кубарем покатились с чемодана на растянутую под лысой веткой сетку. На крик сбежались буквы, белки, гномы. Гагатун бросился разнимать друзей. Дзинь-да-да, завидев малышку, раскрыла объятия и запела:

- Дин-дон-да! Дин-дон-да!

Маша, как обезьянка, скакала от Абра-ара к Дзинь-да-да, от Дзинь-да-да к Гагатуну, которому, наконец, удалось усмирить Бурунунчика с Вьюном. Оба оболтуса сидели, расставив, будто ножницы, ноги, хлопали друг друга по плечу и наперебой извинялись:

- Б-б-будь люб-безен - прости.

- Вай, прощаю.

- Б-б-большое теб-б-бе за это мерси.

- Вай-вай, это тебе, дружище, спасибо.

Из чемодана выглянула Ёлочка, успевшая уже обосноваться на его дне. Она поправила веночек с двумя клубочками и протянула руки за корзинкой, которую ей подала паучиха. Рядом с чернявенькой головкой Ёлочки показалась копна золотых волос Яхтар. Ясновельможная принцесса не отказалась разделить трюм чемоданистого кораблика с остальными пассажирами. Впрочем, отдельной каюты в чемодане из-под швейной машинки и не предусматривалось.

- Как же мы полетим? - удивилась Маша. - Без волшебного пара чемоданчик не полетит ведь?

- Цвирик, цвирик! - с неба обрушилось беззаботное пение ласточек.

Посвежевшие и отдохнувшие, Стражницы Поднебесья выделявали фантастические виражи. Их не смущали вечерние сумерки. К сумеркам ласточки уже привыкли.

- Ах, Машенька, - профессор снял шляпу и, сощурившись, следил за полётом свободных птиц. - Думаю, это и есть ответ на ваш вопрос. Ласточки чемодан понесут.

Лори и Нори сбросили сверху верёвки. Ухо и Эхо поймали их, прикрепили к чемодану. Мастер Фло лично проверил на прочность узлы и остался доволен работой своих учеников, вскарабкался на корму и объявил:

- Все на бофт, дамы и господа! Отправляемся в яблоневый сад. Фах-фах!

- Постойте, - Маша потянула за плащ Гагатуна, который стоял на плечах Бурундуна с Вьюнчиком и занёс было ногу, чтобы залезть в чемодан. - А как же верёвочная пирамида? Её же надо починить?

- Это мы берём на себя, - пообещал Пупырышек и козырнул, приложив ладонь к полосатой шапочке. - Бригада гномов и не с таким справлялась. К тому же нам помогут паучихи.

Девочка кивнула. Если насчёт гномов она немножко сомневалась, то мастерство паучих-ткачих вселяло в неё уверенность. Там, где замешана паучья магия, промахов не бывает.

В трюме чемодана было тесновато, зато весело. Ни на минуту не умолкала беззаботная беседа. Только Сморчок, забившийся в угол, угремо молчал, будто набрал воды в рот. Он выставил ладони, куда капля за каплей стекала Тень. Сгустившись, Ахуратс принял образ пламени, которое при каждом вздохе хозяина испуганно вздрогивало. И колдун, и Тень переживали, ведь на Совете Тридцати Трёх решится их судьба.

Глава 57. Яблоневый сад

Яблоневый рай - так Машенька назвала бы тот необычный край, в который доставили девочку вместе с компанией друзей быстро крыльевые ласточки. Необычный даже для сказок, которые никогда не бывают обычными.

Кудрявые яблоньки, купаясь в солнечных лучиках, цветли и плодоносили одновременно. Верхние веточки покрывались почками, которые набухали и лопались, рождая свеже-зелёные, примятые листочки. Обласканные весной листья выпрямлялись и быстро росли. На ветках среднего яруса совершалось не менее священное действие - распускались бело-пенистые цветы. К ним спешили вооружённые лопаточками и ведёрками пчёлы-труженицы. Перелетая с одного цветочка на другой, они собирали ароматную пыльцу - основу для вкусного, целебного мёда. В это самое время нижние ветки ломились от богатого урожая. Яблоки всевозможных сортов подставляли солнышку свои круглые бока и на глазах румянились.

Степень спелости плодов определяли эльфы в голубых комбинезонах и шапочках. Те из них, кто имел крылышки – прозрачные, как у стрекоз, подлетали к яблокам, прикладывали к ним предметы, по форме напоминающие дудочки, и слушали. Что именно они слушали, Машенька понятия не имела. Ведь яблоки не люди и дышать не умеют? Но эльфы, судя по всему, знают некий секрет!..

Если какое яблочко, по единодушному решению экспертов, достигало нужной кондиции, черенок, посредством которого плод крепился к материнской ветке, перепиливался пилой. Упасть на землю яблоку эльфы не разрешали. Чтобы избежать повреждений, плоды аккуратно ловили дистанционно управляемыми сачками. Затем их складывали аппетитными горками на шелковистой траве.

К нижним веточкам, после того как они отплодили, приходила в гости осень, да не с пустыми руками – с гостинцами. Щедрая госпожа золотом покрывала листья, а ветер, её верный спутник, играл на баяне вальс. Принаряженные листья не могли удержаться от соблазна потанцевать и, срываясь с веточек, они кружили и кружили в нежном осеннем хороводе.

Отгуляв и отплясав, осень отправлялась на другие ветви, что повыше. Там эльфы как раз собирали новый урожай. Следом за ней семенила, оставляя снежные следы, зимушка-зима в белой шубке. Эта шубка, видимо, была старенькой, потёртой. Подкладка порвалась, и из дырочек то и дело вылетали крупнозернистые снежинки.

После зимы наступала красна весна, а её затылок уже припекало жаркое лето. И так по кругу – друг за другом. Без выходных и отпусков. Эльфы и пчёлы едва успевали цветы опылять, яблоки собирать, листья подметать.

Процессом сортировки урожая руководила Цыпочка, с которой Машенька познакомилась ещё на подсолнечной заправке. Буковка «Ц» не только знала толк в цветочной магии. Она также превосходно разбиралась в садоводческом волшебстве. Поэтому ей было предоставлено последнее, но самое важное слово по определению дальнейшей судьбы яблок.

– Ца-ца, ценю ваши усилия! Поработали вы на славу! – хвалила Цыпа эльфов, которые, сняв шапочки, выстроились перед ней в ряд и все как один смущённо ковыряли носками ботинок землю.

– Жу-жу? – напомнили о себе пчёлки, похвалить которых забыли, хотя они выполняли одну из самых сложных работ – опыляли цветы.

– Ца-ца?! – спохватилась волшебница. – И ваш труд я высоко ценю, родные. Как же мы без вас??!

Пчёлы вытерли о фартучки испачканные цветочной пыльцой лапки, после чего, подлетая друг за дружкой к Цыпе, протягивали их цветочница для пожатия. Красавица улыбалась каждой труженице и от души жала лапку за лапкой. Покончив с формальностями, она приступила к делу:

– Вот это яблоко пойдёт на компот, это – на варенье, то – на сушку.

Ласточки, достигнув пределов яблоневого сада, пошли на снижение. Натренированным в частых и сложных полётах стражницам легко удавалось огибать ветви густо насаженных деревьев, но вот чемодан, неуклюже волочившийся за караваном, всё время натыкался на плоды и цветы. То тут,

то там расплывались облачка ароматной пыльцы, а из чемодана доносилось чихание Абра-ара, у которого начался очередной приступ аллергии.

Эльфы и пчёлы провожали караван, нарушивший идеальный порядок, недружелюбными взглядами и, тем не менее, от работы не отвлекались. Однако, когда чемодан наскочил на переспевшее жёлто-красное яблоко и ненароком сбил его, терпение хозяев сада лопнуло. Труженики сломя голову бросились к яблоку, которое при ударе о землю треснуло и засочилось. Пчёлки лопатками, а эльфы за отсутствием подходящего инструмента непосредственно ладонями черпали яблочную кашицу и собирали её в ведёрка.

Цыпочка подбоченилась, нахмурила брови. Она готова была разразиться гневной тирадой, но, разглядев, кто прибыл в гости, смягчилась.

– Ца-ца, дорогие, ничего страшного. Это яблочко перезрело, но джем из него выйдет вкуснейший.

Чувствуя за собой вину, мастер Фло рассыпался в извинениях:

– Пфекфасная Цыпочка, профостите нас. Это вышло случайно. Большой ли мы нанесли саду ущерб?

– Что вы, мастер?! Какой ущерб? Мы сейчас всё соберём. Ничего не пропадёт. На поляне уже огонь разведён, котёл стоит. Сварим джем и вас угостим. Ца-ца! – цветочница взяла Фло под руку и, понизив голос, спросила: – Цель какова вашего визита? Ведь не просто так вы в наш сад заглянули? Да, а где ваш знаменитый летательный аппарат? Почему вы в чемодане прибыли? Это же не совсем удобно?

Фло-мастер потупился. Ему не так-то легко было признаться в том, что он собственными руками разбил яблоколёт.

– Ца-ца, – цокнула язычком Цыпа, и без слов догадавшаяся, в чём тут дело, – бывает. Вы не унывайте. С вашим талантом да с нашими чудо-яблоками мы создадим новый яблоколёт. Ещё лучше прежнего будет. Выбирайте!

Дважды предлагать не пришлось. Фло-мастер вприпрыжку помчался за эльфом-проводником. Ухо и Эхо от него не отставали. Естественно, и Машенька, хотя её не приглашали, увязалась за мастером. Ей крайне необходимо было на всё взглянуть своими глазами, во всё засунуть свой любопытный нос.

– Вот здесь у нас ранние сорта, рядом средние, чуть поодаль позднеспелые, – разъяснял гид. – Справа – кисло-сладкие, слева – сочные и приторные, как мёд. Тут вон традиционные, на практике опробованные сорта, там вон – новинки. А на самом верху привиты сорта яблок, которые долго после сбора лежат.

– Уй, босс, – Ухо приподнял бейсболку и почесал затылок, чтобы лучше думалось, – наверное, такие нам нужны?

– Какие такие? – полюбопытствовала Маша.

– Фах, те, что сохфаниются долго и не пофятся! – воскликнул Фло. – Ай, да молодец! Ай, да умник!

– Эй, голубчик! – окликнул эльфа Эхо. – Дай-ка нам три яблока с верхушкой. Эльф не отреагировал, пожал тоненькими плечиками, сложил руки на груди.

– Эй, я тебе говорю?! Дай нам яблок!

Надув щёки, эльф повернулся к гостям спиной.

– Уй, щепетильные они очень. Эльфы эти... – шептал Ухо Эхо, но так громко, что все слышали.

Машенька вышла вперёд, присела в реверанс и выпалила все вежливые слова, которые пришли ей на ум:

– Пожалуйста! Будьте любезны! Сделайте одолжение! Если вас не затруднит, скажите нам три яблочка! Очень просим!!!

Вежливость подействовала. Эльф, молниеносно изогнувшись, поймал Машину руку, поцеловал и упорхнул к своим товарищам, которые уже приготовили зубастые пилы. Вооружившись «дудочкой», он проверял яблоки, спевшие на верхушках деревьев: слушал их, щупал, похлопывал, поглаживал, стучал и даженюхал. Проверка длилась долго – эльф попался придиличивый.

Фло-мастер нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Он напоминал сейчас большого лысого ребёнка, который не может дождаться, когда ему вручат его любимую игрушку.

– Сжалитесь надо мной, фах-фах?! – взмолился Фло. – Мочи нет ждать. Так недалеко и до сефдечного пфиступа. Нельзя ли побыстрее?

– Пожалуйста?! Будьте так любезны! – попросила от себя Машенька.

Галантный эльф послал девочке воздушный поцелуй, затем уселся, положив ногу на ногу, на нежно-зелёное яблоко и похлопал по нему. Это было знаком для его товарищей: плод созрел. Шарк, шарк! – тут же заработала пила, усердно перепиливающая толстый черенок. Эльф же, как ни в чём не бывало, продолжал сидеть верхом на фрукте и беззаботно рассматривать свои ногти. Когда яблоко покачнулось, готовое вот-вот упасть, он переключил своё внимание на ногти второй руки, но с места не сдвинулся.

– Уй, ну и даёт?! – присвистнул Ухо. – Какой храбрый?! Какой удалец??!

– Эх, ничего особенного, – возразил Эхо. – Это он перед нашей Машенькой красуется, корчит из себя героя.

У пилы, видать, хорошо были наточены зубья. Она быстро справилась с поставленной задачей, перепилила черенок. Яблоко, лишившись поддержки, полетело вниз. На лету оно пробивало брешь в пёстро-зелёной короне.

– Эхе-хей! Их-ха!!! – кричал эльф, который по-прежнему сидел на фрукте и, чтобы не свалиться, обеими руками держался за черенок.

На ловлю яблока вылетел сачок. Даже сразу два – для подстраховки. Эльф, не желая быть пойманым, отпустил, наконец, черенок, но отлететь не успел – угодил во второй, запасной сачок, который мчался на него со спины. Эльф застонал. Запутавшись в сачке, он поранил крылья.

– Заигрался, малой, чуток? Вот и получил... Немедленно в медпункт! – отчитывала нерадивого труженика эльфийка-бригадирша в розовом свитере.

– Нечего баловаться на работе!

Дальше дело пошло быстрее. Сачки поймали ещё два яблока, круглых и румяных. По просьбе мастера Фло собранные плоды отправили в местную мастерскую, оборудованную всем необходимым для фантазийного волшебства инструментом.

Настроение буквы «Ф» значительно улучшилось. Фло то и дело протирал очки, не веря своим глазам.

– Фах-фах, какое счастье! Фах-фах, какая фадость! – разминал он пальцы, предвкушая удовольствие от предстоящего труда.

– Уй, босс, управимся ли до Совета? – спросил Ухо, уже обнимая яблоко, которое он облюбовал для своей кабинки будущего яблоколёта.

– Непфеменно, непфеменно, – пообещал Фло.

Глава 58. Совет Тридцати Трёх

Три золотых дракона изогнулись восьмёркой и вострубили, извещая сказочное общество о начале Совета Тридцати Трёх.

– Ку-ку, ку-ку, все на полянку-ку! – прокукукала кумушка-кукушка, кутаясь в серую шаль.

Она уже заняла место в зрительском ряду, на душистой цветущей ветке яблоньки. Рядом с ней примостились пучеглазая сова и цветочная фея, которая всё время охала и поправляла волосы, грозя пальчиком ветру. Специально к Совету фея посетила русалочью парикмахерскую и сделала себе модную причёску. А ветер бесстыжий хулиганит, треплет локоны, сводит на нет многочасовой труд.

Поляна быстро заполнялась. Те, кто не мог или не хотел сидеть на деревьях, размещались непосредственно на траве. В частности кролики в смокингах и бабочках вели под лапу крольчих. Они спешили занять вакантные места в первых рядах. Ушастые дамы то и дело теряли свои туфли, высокие каблуки которых увязали в земле. Из-за этого они вынуждены были по многу раз останавливаться, возвращаться, искать туфли и обувать их, чтобы уже через минуту вновь потерять.

– Хых-хы! – откровенно смеялись над кролями гномы, шумной гурьбой проторавившие себе дорогу сквозь траву.

Однако занять места поближе к центру им не позволили драконы. Крылатые ящеры всего лишь разок ударили по земле хвостами, и трава пошла волнами, отбросила гномов, истощно орующих и размахивающих топориками, за край поляны.

– Почётные места предназначены для Тридцати Трёх! – громогласно провозгласил некто невидимый.

Его голос доносился из центра поляны, куда так и не добрались гномы. Неведомо откуда взявшееся облачко зелёного тумана расплылось над самой травой, которая покрылась вдруг россыпью из серебристых росинок.

– Мяв, дружище, ты забыл о человеческом детёныше с Чистым Сердцем. Девочка по имени Маша Журавлёва, она же Солнечный Зайчик, – самая

почётная из почётнейших гостей, – промяукал кот, толстый и полосатый, который бесшумно трусил по поляне к облаку.

Поравнявшись с туманом, кот упал на траву и, блаженно мурлыкая, начал кататься по ней и лизать росу.

Облако приобрело очертания волчьей головы, которая удивлённо вытянулась и спросила:

– Ты, Барсениус, сам? А где твой ангел? Что-то я его не вижу?

Кот перестал лизать. Его шерсть всталась дыбом, а жёлтые глазища загорелись, как две лампадки.

– Мяу-у-у! – вырвался гневный клич из полосатой груди Барсениуса. – Надмир гибнет. Парная атмосфера сильно разрежена. Волшебный пар вытекает через чёрные дырки. Сиреневые птицелюды на грани вымирания. Ангел не мог остаться в стороне, когда его семья в опасности. Он ТАМ...

Всхлипнув, кот свернулся калачиком и кончиком хвоста вытирал катившиеся из глаз слёзы.

– Полноте, полноте, – утешала его волчья голова. – Сейчас сюда придёт земная девочка. Негоже Великому Барсениусу плакать в её присутствии.

– Ку-ку, ку-ку, вижу девочку-ку! – сообщила кукушка.

Отряд зайцев-барабанщиков задними лапами принялся отбивать по коряге весёлый марш: тум-тум-та-та, тум-тум-та!

На полянку вышла Машенька. Трава доходила ей до пояса, в связи с чем передвигаться девочке было затруднительно. Приходилось часто останавливаться и переводить дух.

– Ку-ку! Ку-ку! – загорланила над самой Машенькиной головой в одну из таких остановок глазастая кукушка, завидевшая новых гостей. – Вижу, ку-ку, на полянку-ку выходят бу-ку-квы!

– У-у, все тридцать три? У-у? – поинтересовалась сова.

– Сейчас посчитаем, – воодушевилась фея и нацепила на нос пенсне.

Маша едва добралась до середины поляны. Перед ней распустился одуванчик. Он кивнул малышке растрёпанной жёлтой головкой и протянул листик, предлагая на него сесть. Машенька, не раздумывая, устроилась на листе, подогнула под себя уставшие ножки. К ней подошёл толстый кот, лизнул, здороваясь, коленку и улёгся рядом, под листом.

– Давай, м-м-мур, – непонятно к кому обратился толстяк, – огласи полный список участников Совета.

– Внимание! – объявила волчья голова, в которой Маша узнала Хранителя, однажды отворившего перед ней дверь в сказку.

Прямо на глазах девочки к голове из тумана пририсовалась шея, а на шее повисла верёвка, которую оттягивала книзу тьма тьмущая ключей.

– И зачем столько ключей? – изумилась малышка. – Шея ведь одна? Ах, бедняжка?! Больно, наверное, такой груз на себе таскать?

– И не говори, мяу, – подал голос из-под листа кот. – Вы, люди, всё теряете и теряете веру в чудо, а он всё находит и находит, хранит и хранит. Он, мяу, на то и Ключник...

— Внимание! — повторил волк, тряхнул головой и почесал за ухом вылезившейся из тумана задней лапой. — На поляну приглашается буква «А».

Профессор Абра-ар, запахнув плащ, чтобы не испачкать травой белоснежную рубашку, пробирался сквозь заросли к центру поляны. За ним гуськом следовали прочие буквы алфавита, которых перечислял согласно установленному порядку Ключник:

— Абра-ар, Бурундун, Вьюга-вьюн, Гагатун, Дзинь-да-да, Еремей, Ёлочка, Жужа, Зелёнка, Инсулин, Йод, Карапэ, Лори, Медок, Нори, Опанас Оперенко, Плюнь-Чпок, Розочка, Сыр Иванович, Типун Таратуста, Ухо, Фло-мастер, Холст Хмелевич, Цыпочка, Чинита, Шань, Щень, Твердолоб, Ык, Мякиш, Эхо, Юшка Юговой, Яхтар.

Буквы, члены Совета Тридцати Трёх, разместились по кругу, в центре которого стоял во весь свой громадный рост Ключник, поклонились ему. Сказочное общество встречало Совет громкими аплодисментами и радостными выкриками. Особенно усердствовала кукушка:

— Ку-ку, ку-ку, бу-ку-ку-квам слава!

Волк дёрнул задней лапой. Крики и аплодисменты сразу стихли. Все боялись гнева Хранителя. Все, кроме Барсениуса, который вытянулся на спине, демонстрируя пушистый, белый животик, и лениво, растягивая гласные, промякал:

— Мя-ау, серый? По-мо-о-ему, мя-а-ау, ты кое о ком забы-ы-ыл?

Ключник лязгнул зубами, но стерпел. Только Великий Барсениус, Тайный Советник, мог позволить себе при всех ТАК обратиться к его зубастой особе.

«Был бы на месте кота кто-то другой, — подумала Машенька, — не сдобривать бы ему. Не простой это кот, точно не простой. А как он на любимца Яшки Ермолаева похож? Такой же наглый, ленивый и толстый».

— Да помню я, — сказал волк, — помню и в подсказках не нуждаюсь.

— Ну-ну, мяу-у, фыр, — кот фыркнул — ему в ноздрю что-то попало, — скажи, наконец, зачем Совет созвал? Где виновник торжества?

— Осторожно, моё терпение не безгранично, — предупредил кота Хранитель и для острастки зарычал.

На Барсениуса это, правда, не подействовало.

— Давай вызывай его, — бесстрашно продолжал подсказывать Ключнику, что нужно делать, хитрый кот. — Мы ждём.

— Мы ждём, мы ждём, — подхватили собравшиеся на поляне антресольки, жители всевозможных сказок.

Волк завыл, призывая к тишине, а добившись нужного эффекта, позвал:

— Ладно, покажись уже.

Рядом с Хранителем материализовалась тщедушная фигурка старика. У ног его стелилась Тень. Это Маша знала наверняка, хотя среди густых зарослей травы Ахуратс совершенно не было видно.

— Ой, откуда он взялся? Только что ведь на том месте никого не было? — недоумевала малышка.

— Мыр-фыр, — пренебрежительно то ли муркнул, то ли фыркнул Барсениус, — это падший колдун, тёмный. Его укрывает Тьма. Для истинных антресолек он невидимый.

— Да что же это вы?! За что же это вы?! — возмутилась девочка и непроизвольно сжала кулаки. — Сморчок хороший! А Тень его лучше всех! Неужели вы этого не видите?

Кот кивал, будто соглашался с Машенькой, и в улыбке растопырил усы.

— Надо же? Мур-мур... Земная девочка с Чистым Сердцем заступилась за падшего? Иметь такого адвоката — великая честь. Надеюсь, подсудимый это оценит.

— Почему подсудимый? — опешила Маша.

— Да потому, мур, что сейчас мы его будем судить, — просто ответил кот.

Хранитель пошёл по кругу, волоча за собой ключи, которые безжалостно мяли траву. Он всматривался в лицо каждой буквы. Взгляд его слегка раскосых зелёных глаз, казалось, пронизывал их насквозь.

Завершив обход, волк объявил:

— Итак, на повестку Совета Тридцати Трёх выносится вопрос о судьбе падшего колдуна Сморчка. Всем вам известно, что за свои преступления перед сказками он был лишён магических сил и сослан на Землю в ранге простого смертного.

— Позор, позор ему! Таким, как он, не место в сказках! — раздался крик в толпе.

Одинокий крик, поскольку антресольки его не поддержали. Неизвестный баловник выкрикнул что-то невразумительное, а потом предпочёл умолкнуть.

— Я, — Ключник выпятил грудь, вследствие чего верёвка натянулась и загремела ключами, словно погремушка, — по личной просьбе человеческого детёныша с Чистым Сердцем предоставил падшему шанс доказать, что в его душе ещё не угас последний лучик добра. Удалось ему это или нет, решать вам, дамы и господа. Но предупреждаю вас! Лишь в том случае, если все тридцать трех членов Совета поручатся за падшего, ему будет даровано прощение. Но если хотя бы один проголосует «против», наказание колдуна будет похлеще, нежели ссылка в земной мир. В общем, голосуйте. Кто за прощение падшего, шаг вперёд.

Буквы, не колеблясь, шагнули. Однако круг разорвался. Двое, Вьюн с Бурундумом, не сдвинулись с места. По рядам антресолек прошёл испуганный ропот.

— Вьюнчик?! Бурундумчик?! — позвала их Маша.

В спешке спрыгивая с листа одуванчика, она упала на землю, разбила коленку.

Оба друга обернулись. Девочки не было видно — её укрыла трава. Слышались только рыдания. Машенька оплакивала колдуна и Тень, которых ей так и не удалось спасти.

Слёзы малышки подействовали на друзей отрезвляюще. Подмигнув друг другу, они сделали шаг вперёд.

— Я ручаюсь за колдуна, — твёрдо сказал Бурундин. — У него б-б-большое и щедрое сердце. Он заслужил прощение.

— И я верю ему, вай-вай, — говоря это, Вьюга-вьюн приложил руку к груди. — Он верный друг. Вай-вай!

- Решено, значит. Падший прощён, а вместе с ним и Тень его получает амнистию, - сделал вывод Хранитель и зевнул, на глазах расплываясь зелёным туманом.

Глава 59. Обратно в Надмир

Новая команда охотников за чёрными дырами с неизменным командиром - Фло-мастером - отправилась в Надмир. Машеньке, Ёлочке и Яхтар пилоты выделили места в яблочных кабинках. Остальные, волшебная буквенная пятёрка, а также колдун с Тенью, по привычке разместились в чемодане. Попасть в парной мир не составило труда. Черви Сомнения постарались, продырявили его насквозь, превратив в подобие дуршлага. Правда, парным мир этот теперь назвать было сложно, поскольку почти весь волшебный пар вытек... Через те же дыры.

Зонтичный город пока ещё держался, балансируя на остатках пара. Его башни, некогда названные Машей пароскрёбами, сильно накренились. Ещё немнога, и город перевернётся вверх тормашками и сорвётся в неведомую пропасть. Вполне возможно, что зонтами не откажется пообедать одна из прожорливых чёрных дыр. Но что тогда будет с ангелами, родной дом которых так стремительно разрушается?

«Несчастные... Каково им сейчас? - переживала малышка за сиреневых человекоптиц. - Кстати, где они?»

Как ни всматривалась она в зонтичные улицы, ей не удавалось обнаружить ни одного ангела. Только перья курсировали от зонта к зонту.

Фло-мастер выпустил из яблока руку-хваталку, которая поймала одно перо и поместила его в камеру под яблочной кожурой. Заработал сканер. На экране центрального компьютера высветилось изображение пера. Специальная программа разложила его на множество фрагментов. На основе каждого из них вырастали новые перья, которые снова раскладывались и складывались. В конечном итоге, из перьев вылепилась фигура птицеангела. Загорелась красная лампочка. Рука-хваталка, преобразовавшись в руку-указку, показывала путешественникам, в какой стороне им следует искать человекоптиц.

- Фах-фах, не пфавда ли, это чудо, а не техника?! - похвастался Фло. - Смотфите, как я усовеф... усовеф... усовеф...

- Усовершенствовал? - подсказала Ёлочка.

- Это самое, ну да, я пфоделал с новым компасом. Тепефь он может искать не только Чефв... В общем, Сомнения. Его ничего не стоит запф... запфогф... запфогфаммиф...

- Запrogramмировать, наверное? - на этот раз уточнила Яхтар.

- А я о чём толкую? - вспылил мастер, но сразу же успокоился, поймав на себе ласковый взгляд принцессы. - Я пфосто хочу сказать, что тепефь мы можем искать всё, что угодно. Вот, скажем, ангелов. Они где-то там.

Впереди расплылась чернота. Словно опухоль, она разъедала атмосферу Надмира, отбирала у него последний пар. Послышился грохот. Мимо яблоколёта промчались зонты, которые всё-таки перевернулись. Пароскрёбы, сталкиваясь, наносили друг другу непоправимый ущерб.

- Уй, босс?! - воскликнул Ухо.

Он явно хотел сказать ещё что-то, но, почему-то смущившись, умолк.

- Фах, говофи уже. Недомолвки твои ни к чему, - упрекнул ученика Фло, неотрывно следивший за удалявшимися зонтами.

Их притягивала к себе чернота, что, собственно, и не было удивительно. Дыра разрослась, стала очень сильной. Что ей стоит проглотить город, когда она готова уже полакомиться целым миром?

- Уй-уй, босс! Боюсь, это та же дыра, которую мы упустили однажды. Тогда! Помните? Вон и обрывки зелёных лучей, которые мы наколдовали, пытаясь поймать её, из ненасытного рта свисают. Уй, это точно она, босс!

- Ну и пфекфасно. У нас с ней стафые счёты. Фах, стафые, - Фло сощурил глаза и отдал приказ компьютеру: - Полный пефёд! Дефжим куфс на чёфную дыфку.

Дыра тоже узнала своих давних обидчиков, захотела - ей представился шанс отомстить им.

- Не сбавлять скофость, не сбавлять. Мы спфавимся, - успокаивал Фло свою чудо-машину, почувствовав, как яблоколёт задрожал, а сердце его, новенький моторчик, начало сбиваться с ритма.

По мере приближения к гигантской чёрной дыре всё ощутимее становилось её дыхание. Выдох, вдох, выдох, вдох... Нестерпимый холод пронизывал насквозь, а в ушах звенели, ненароком причиняя боль, тысячи колокольчиков.

Маша сдавила уши руками - не помогло, надавила сильнее - колокольчики не стихли, а напротив, запели громче.

- Что это? - спросила девочка, но её не услышали. Звон перекрывал все прочие звуки. Пришлось кричать, и Машенька, набрав в лёгкие больше воздуха, крикнула: - Что это звенит??!

Крикнула и тут же скривилась - от холодного воздуха заболели зубы.

- Это магия! - крикнул в ответ Сморчок, который также зажимал ладонями уши.

Его шапка накрыла рыжую головку хвостом. Из-под него выглядывали, смешно подрагивая, одни пышные усы.

- Я думаю, яй-яй... - начала говорить Яхтар и застонала, схватившись за щёку.

Фиолетовый свет залил космос. Это не понравилось дыре, черноту которой осквернили, и она пошла в наступление - откусила ещё кусочек Надмира. Загадочные колокольчики стали нестерпимо звонкими.

Превозмогая зубную боль, Яхтар таки договорила:

- Я думаю, друзья, это звон от магии ангелов. Они борются. Им надо помочь.

- Поможем! – пообещал Фло и распорядился прибавить скорость.
- Э-э-э, босс, у нас и так скорость критическая?.. – засомневался Эхо.
- Однако мастер настаивал на своём:
- Пфифавить, фах! Выдефжим!

Машенька вжалась в кресло. По опыту она уже знала, что сейчас предстоит пережить крайне неприятную процедуру. Но как ни готовила себя малышка к предстоящему испытанию, как ни настраивалась, всё, что произошло в дальнейшем, стало для неё неожиданностью. Да, нелегко человеческому детёнышу привыкнуть к суперскоростным перелётам по сказочному космосу.

Яблоколёт затрясло. Спасибо ремням безопасности, которые надёжно держали Машу, не дали ей упасть. Но вот голова её, ничем не зафиксированная, болталась, как у болванчика, туда-сюда, туда-сюда. Щёки покраснели. Девочке казалось, что кто-то ущипнул её, натянул кожу и для пущего эффекта защемил её прищепками. Стало очень больно и страшно. Машенька хотела закрыть глаза, но они не закрывались. Как не закрывался и рот, из которого непроизвольно вырывался дикий визг. Лицо девочки застыло, превратилось в маску, по которой извилисто растекались струйки горячих слёз.

– Стоп, – приказал ученикам Фло, воспользовавшись микрофоном – иначе его не услышали бы. – Дальше нельзя. Дыфа засосёт. Надо сначала осмотреться.

Эхо потянул тормозной рычаг на себя. Мотор облегчённо чихнул и утих. Тем не менее, яблоколёт не прекращал движение. Попав в зону влияния чёрной дыры, он пошёл по кругу, радиус которого медленно, но верно сокращался. Дыра неумолимо притягивала к себе путешественников.

Глава 60. Ангелодракон

Ангелы... Много ангелов. Тысячи, миллионы – не сосчитать. А они всё подлетали и подлетали к дыре. Потрёпанные, раненые, измождённые. Подлетая, человекоптицы сбрасывали перья, которые, будучи подхвачены вихрем, порождённым дыханием дыры, пускались в пляс по кругу. Дыра не возражала относительно того, чтобы обзавестись фиолетовой орбитой из перьев, насмехалась над голыми ангелами, извергая из чёрных недр своих клюкочущий смех.

Сиреневая кожа ангелов светилась изнутри, казалась прозрачной. Впрочем, это не был обман зрения, как поначалу подумала прильнувшая к иллюминатору Машенька. Фигуры человекоптиц действительно просвечивали насквозь. Дzon, дzon, дzon! – надрывно звенели они, превращаясь в пульсирующие густки сиреневого света. Густки эти соединялись друг с другом, создавая новое существо – многоликое, многорукое, многокрылое.

- Ангелы перерождаются?! – Сморчок восхищённо всплеснул руками.
- Впервые такое вижу. Это же... Это же ангелодракон! Высший пилотаж магического искусства!

Тело дракона быстро покрывалось перьями – длинными, узкими и заострёнными на концах, как мечи. Человеческие руки вырастали рядом с птичьими лапами с закрученными, густо-фиолетовыми когтями. Головы раздваивались, троились, покрывались множеством лиц, каждое из которых, открывая сиреневый рот, порождало звон: дзон, дзон, дзон!

Иллюминатор яблоколёта покрылся изморозью. Ничего не было видно. Боясь упустить что-нибудь интересное, Машенька переключила своё внимание на монитор компьютера, который висел над её креслом. Камера внешнего видения, транслировавшая на него заснятые изображения, ещё работала.

Ангелодракон закрыл собой половину парного космоса. Настолько он был велик! Но и чёрная дыра не мешкала, съела вторую половину, подмяв под себя своих младших сестриц – дыры помельче, поскромнее. Подкрепившись, она поднатужилась и выплюнула армию Червей. Таких же толстых и бесстыжих, как и те, что когда-то прогрызли её. Сомнения набросились на дракона. Намереваясь отравить своим ядом, они кусали и кусали его.

Дракон будто именно этого и ждал, добровольно подставился под удары и укусы, а затем внезапно свернулся калачом – таким образом, чтобы хвост его касался головы. Черви оказались в ловушке внутри живого кольца. Ощетинившись мечами-перьями, ангелодракон крепко сжал в своих объятиях Сомнения. Он пронзил их, резал, рубил, одновременно ранил самого себя и всё же не останавливался. Пришпиленные к дракону Черви извивались, пытаясь вырваться, но ангельские перья всё глубже и глубже вонзались в их тучные тела.

Дыра, передохнув, снова почувствовала жажду, сделала ещё один жадный глоток. Расстояние между ней и яблоколётом катастрофически сокращалось. Дракон, чтобы помешать дыре, ударил её хвостом. Для этого манёвра он вынужден был разорвать кольцо. Черви воспользовались моментом, начали кусать друг друга, заражая злостью, а значит – делались сильнее. Соскользнув с перьев, они бросились врассыпную искать, чем бы таким вкусненьким поживиться. Их ждало разочарование. Дыра съела почти весь Надмир и вот-вот собиралась проглотить три спелых эльфийских яблока.

– Моё, моё, моё!

– Нет, моё, моё!

– Да нет же, всё моё!

Сомнения, натыкаясь друг на друга, горячо спорили между собой, у кого больше прав на яблочный десерт. Каждый Червь норовил первым добраться до яблоколёта с чемоданистым прицепом, начинённым буквами.

– О, ещё чем-то пахнет?! – принюхивались Сомнения. – Настоящий деликатес

– Чистое Сердце человеческого детёныша!

– Фах-фах, всем членам экипажа готовность номеф один, – объявил по радиосвязи Фло-мастер. – Как слышите меня? Пфиём, пфиём?!

– Всё в порядке, слышим вас нормально, – ответил ему из чемодана Вьюнчик.

– Га-га-га, дай рацию сюда, га! – послышался заливистый смех Гагатуна.

– Б-б-бардак! Б-б-безоб-б-бразие! – сопровождало смех возмущённое бурчание Бурундунчика.

– Тр-тр-р-р... – это, видимо, рацию уронили.

– Да что вы?! Снова за своё? Хватит баловаться! Вы же не маленькие! – стыдила друзей Дзинь-да-да.

– Ах, дайте мне, коль у вас ничего не получается. А-а-апчхи! – рация, судя по чиханию, перешла в руки профессора Абра-ара. – Ах, уважаемый Фло, мы вас слышим, мы готовы.

– Как только Чефви пифиблизятся на фасстояние выстфела, фах-фах, – мастер щёлкнул пальцами, – п-п-пли-и-и!

– Вас поняли, сделаем, – сладко пообещал Вьюга-вьюн, который таки вернулся себе рацию.

– Я думаю, – покачала златокудрой головкой Яхтар, – что у нашей команды дисциплина немного хромает.

– Немножко, ёй? – пожала плечиком Ёлочка. – Это, подружка, мягко сказано...

– Ничего, фах-фах, выдефжим, – твёрдо сказал Фло и кулаком стукнул по толстой красной кнопке на мониторе компьютера.

Из яблок вылетели ракеты, наполненные слезами счастья. Черви, вечно голодные, с готовностью проглотили их и тут же лопнули. Подобный неожиданный эффект не отпугнул следующих за ними собратьев. Монстры шире открывали рты, норовя проглотить как можно больше со свистом летящих на них «угощений».

– Ахуратс пошла, – доложил по рации Сморчок.

Из чемодана выскоцилзнула Тень, едва различимая на тёмном, практически лишенном пара небе Надмира. Долгое время она не имела возможности хорошо размяться, скучала на груди хозяина. Сейчас же, получив, наконец, спецзадание, Тень резвилась от души. И не важно, что души у неё нет... Всё равно было весело. Сначала она приняла облик чайника, булькала, стучала крышкой и плескалась кипящими чернилами, в которых с громким «чефыр-фыр-фыр» растворялись Сомнения. Когда ей надоело так хулиганить, Ахуратс придумала новую шалость – превратилась в пылесос с длинным носом-шлангом, из которого, пока он засасывал паразитов, доносилось «ахс-ахс!». Наигравшись вволю в пылесос, Тень трансформировалась в огромный шприц, колола Червей в жирные загривки, впрыскивала в них чернильное лекарство. Эдак она одна справилась почти со всеми Сомнениями. А если кому-нибудь из них всё-таки удавалось избежать близкого знакомства с грозной Ахуратс, проскользнуть мимо, то в ход шёл яблочный сок.

Ухо и Эхо крутили вентили, после чего из блестящих кранников, которые выдвигались из-под обшивки космолёта, на Червей полился сладкий яблочный дождь. Под воздействием волшебного фруктового сока Сомнения слепли, становились беспомощными, с налёта врезались в чемодан. Там их уже ждали. Пассажиры чемоданистого кораблика набрасывали на Червей приготовленные заранее сети.

– Ах, вместе взяли! – командовал Абра-ар. – Ну же? Взяли?!

– Б-б-берём, б-б-берём! – весело ответил Бурундун.

– Взяли уже! Вай, взяли! – уточнил Вьюн.

- Гаг-га, тогда тянем, тянем! – натянул сети Гагатун.

- Давайте, давайте ещё! Все вместе! – подбодрила товарищей Дзинь-да-да.

Сеть затянулась. Слепые Сомнения отчаянно расшатывали её, не в силах разорвать сплетённые Ёлочкой узлы. Но напортачить они всё же умудрились – под тяжестью Червей перевернулся чемодан, из трюма которого с воплем выпал Сморчок. И так повезло ему?! Приземлился прыжком на клубок Сомнений, некоторые из которых уже начали прозревать. Срок действия сока эльфийских яблок, к сожалению, слишком быстро истекал… Учуял добычу, такую близкую, такую беззащитную, монстры потянулись к нему. Из их раскрытых зубастых ртов стекала слюна, которая дымилась и ужасно смердела, соприкасаясь с заговорёнными паучьими магами верёвками.

- Ахуратс?! Ахуратс?! – позвал старик свою помощницу, но Тень, поглощённая ловлей новых партий Червей, беспрерывно высакивавших из чёрной дыры, не услышала зова хозяина.

- Не с-с-слыш-шат тебя? Ш-ш-ш… – шипело Сомнение, вгрызаясь в сердце Сморчка. – Вот так-то тебя любят… Ш-ш-ш… Вот так-то тебе преданы… Что? С-с-сложно осознавать правду? С-с-сложно понимать, что ты никому не нужен? Ш-ш-ш… А ты верил… А ты доверял?..

Колдун качал головой и улыбался. Он был слишком стар и слишком мудр, чтобы поддаться голосу Сомнения. По привычке, выработавшейся у него с тех пор, когда он был настоящим магом, Сморчок ударил в ладоши и к огромному своему удивлению высек сноп зеленовато-синих искр. К нему вернулись колдовские силы! Осознав это, старик не улыбался уже, а хохотал. Не жалея себя, он бил и бил в ладоши. И чем крепче становилась его вера в собственные силы, а также в чистоту странной дружбы, зародившейся однажды между ним и Тенью, тем ярче излучался наколдованный им свет. Истинная вера не терпит Сомнений. В свете, исходящем из глубины сердца, которое любит, верит и надеется, Черви растаяли. Осталась одна лишь сеть, на которой, раскачиваясь, как маятник, висел старик. С его уставшего лица не сходила счастливая улыбка.

Глава 61.

Штопаем дыру, или Подари одну слезу

Чёрная дыра, получив неожиданно достойный отпор, предпочла избежать решительного боя и улизнуть в какой-нибудь иной сказочный мир. Трусливо убегать для неё было не впервый. Но на этот раз всё пошло не так, как обычно.

Ангелодракон растопырил, словно шипы, перья и со скоростью молнии ударил хвостом дыру по её разинутому чёрному рту. Светящиеся перья прожгли в ней фиолетовые проплешины. Дыра взмыла, попыталась дать задний ход, но дракон не пустил, глубже погрузил в неё хвост, да ещё провернул пару раз, чтобы не ускользнула. Задыхаясь, дыра судорожно

глотала. Сама того не желая, она затягивала в свою трясину дракона, который настойчиво причинял ей боль, разбавляя черноту ангельским светом.

- Пфевосходно! Дфузья, наш выход! – торжественно объявил мастер Фло и прибавил газу, направляя яблоколёт на дыру. – Дамы, пфиготовьте нитки. Будем шить!

- Ёй, командир, мы всегда готовы, – Ёлочка выпрямила спинку и хлопнула в ладоши, вызывая волшебные иголки. – Вставайте, кумушки. Поднимайтесь, мастерицы. Пора, милые, вам поработать.

Несколько десятков корзин, которыми были заставлены яблочные кабинки, перевернулись набок. Иголки, собранные в Лесу Совести, выкатились на середину салона. Приободряемые Ёлочкой, волшебницей вязально-пошивочного искусства экстра-класса, они выстроились в ряд и одна за другой прыгали из открывшегося с глухим хлопком люка в космос. За ними тянулись серебряющиеся паутинки. На лету они вдевались в игольчатые ушки, завязывались узелками.

- Вяжем, повяжем, свяжем, привяжем, запутаем, заплетём, притянем, затянем, заштопаем, застрочим, заметаем, зашьём, – приговаривала буковка «Ё», которая всё хлопала в ладоши, отбивая весёлый марш: два хлопка, три хлопка, хлопок и снова два.

Дыра, поперхнувшаяся драконом, зашлась кашлем. Ангельский свет заметно ослабил её. Замешкавшись, она позволила иглам совести прошить свою мантию, сделать первые стежки – гладью и крестиком. Не успела опомниться, как уже готов аккуратный шов. Нити, сотканные паучихами-ткачихами, и утраченная людская совесть, приправленные буквенной магией, основой любого волшебства, сотворили чудо, которое не подвластно было даже ангелам, – задели чёрную дыру.

- Закрепляем, узлом завязываем – тройным, – колдовала Ёлочка, трижды ударила в ладоши.

Нити заплелись, закрутились, запутались… И вот незадача – закончились. Чуть-чуть не хватило для закрепляющего узла.

- Ёй? – растерялась Ёлочка, потерявшая нить волшебства.

- Я… Я помогу, сестрица, – утешила её Яхтар, обняла за плечи и мягко отстранила.

Распустив волосы, буковка «Я» отдала заколку Машеньке, которая смотрела на неё испуганно, поскольку начинала понимать, что принцесса собирается сейчас сделать. Яхтар спустила косы в окошко и подмигнула пилотам: мол, режьте. Нервно сглотнув, Эхо выпустил из яблоколёта ножницы на пружинке. И уже через мгновение копна шелковистых волос золотым журавлём полетела к заскучавшим без работы иголкам.

- Закрепляем, тройным узлом завязываем, – повторила заклинание Ёлочка, едва сдерживая слёзы. Хотя и знала она, что роскошные волосы Яхтар быстро отрастут, ей всё равно было жаль их.

Локоны разделились на волоски, которые вделись в ушка сотен иголок. По мановению пальчика буковки «Ё» иглы принялись строчить, нанося последние стежки, закрепляя магию последними узелками.

– Омоем свежую рану чистыми человеческими слезами, чтобы швы быстрее зарубцевались? – предложил колдун Сморчок, который парил верхом на Тени, принявший облик крылатой лошади.

– Фах, дельное предложение, дельное, фах… Если бы не одно «но»… – потёр переносицу мастер Фло. – Мы использовали все слёзы радости во время факетной атаки…

– Ой ли? Неужели все? – спросил, подбоченясь, Сморчок.

Фло не знал, что сказать, переглянулся с учениками, ища у них поддержки, но они молчали, пожимали плечами и неуверенно кивали в сторону Машеньки. В конце концов, среди присутствующих она единственная представляла человеческий род. Только её слёзы могут иметь исключительную магическую силу.

– Одну слезу. Одну слезинку? Подари, маленькая девочка с Чистым Сердцем?! – попросил колдун и склонил голову набок. Шапка перепрыгнула ему на плечо и просительно растопырила усики.

Маше стало неловко из-за того, что внимание друзей приковано к ней. Она ёрзала в кресле и с излишним рвением натягивала на коленки подол платья, до тех пор, пока не послышался подозрительный треск.

– Ну вот, мало того, что испачкала платье красным песком в Сумеречной Долине, – пожаловалась девочка, – мало того, что оторвался карман… Мало мне дырок, что ли? А тут ещё и это… Что скажет мама? Мамочка…

– Я дома, я пришла, – послышался вдруг маминый голос, рядом, будто за стенкой. – Где моя доченька? Почему мой Солнечный Зайчик меня не встречает? Почему молчит? Ау?!

Глаза Машеньки радостно засияли, а сердце её учащённо забилось, счастливым перестуком своим отвечая маме. Но выдавить из себя хотя бы одно слово девочка, как ни старалась, не сумела. От волнения у неё пересохло в горле, нестерпимо захотелось пить.

– Зайчик? Солнышко моё, ау?! – ласкал слух маминый голос. – Где ты? Ну не сердись. Я задержалась немножко… Зато купила тортик. Сейчас придёт папа, и мы все вместе будем пить чай.

Машенька молчала, зажмурилась, представляя себе, как мама ходит по кухне, ставит на плиту чайник.

– Эх ты? – говорит она, по обычаю своему перепутав конфорки. Спичка догорела, ужалила ей палец.

В иллюминатор космолёта постучали. Девочка вздрогнула. На неё смотрели два круглых, молочно-белых глаза колдуна Сморчка. Смотрели точно так же, внимательно, не моргая, как и в тот тёплый сентябрьский день, когда сказка для неё только начиналась.

– Ну же? Смелее?! – подбодрил старик, беззвучно шевеля губами, но Машенька его отлично поняла.

Лицо колдуна стало расплывчатым, поскольку стекло иллюминатора постепенно покрывалось паром.

– Солнечный Зайчик?! – настойчивее позвала мама, в голосе которой появились взволнованные нотки.

– М-а-ам? Это ты? – вопросом на вопрос ответила малышка, всё ещё не веря, что разговаривает с мамой.

– А то кто же?

– Мам, я соскучилась, – плаксиво призналась Маша.

– Ах, солнышко моё, я так тебя люблю… Люблю! Люблю!

Сил больше нет. Слёзы брызнули из глаз. Слёзы любви – всеобъемлющей, всепоглощающей, всепрощающей…

Глава 62. Возвращение

Мокрые реснички слиплись. Дорожка из слёз, добежав до пухлых детских губ, раздвоилась. Одна капелька задержалась на верхней губке, спрыгнула на нижнюю, где растеклась и растворилась, сдобрив солёным привкусом своим ощущение близкого счастья. Вторая слезинка отказалась отдыхать. Движимая любопытством, она соскользнула на подбородок, а там… А там её слизал тёплый шершавый язык. Не Машенькин… Вопреки стараниям учителей – Яшки с Вовкой, тех ещё кривляясь, доставать языкком до подбородка малышка так и не научилась. Нет, определённо этот язык был чужим.

Машенька открыла глаза. Яблоколёт вместе с пилотами исчез. Девочка не испытывала по этому поводу ни страха, ни удивления. После стольких приключений её, пожалуй, трудно было напугать и удивить. Оглядевшись, малышка поняла, что держится на клубах пара, который быстро заполнял космос и выталкивал её вверх – туда, где растянулся, щеголяя аккуратными стежками, свежий шов.

«Волшебный пар – это, кажется, души умерших фантазий и желаний? – Маша наморщила лоб, вспоминая, что рассказывали ей друзья. – Что же получается? Их так много умирает? Так-так… Из-за чего умирают мечты? По-моему, из-за того, что о них забывают. А забывают, потому что теряют веру в чудо. Теряют люди… Ах, неужели так сложно верить?»

– Нэузели? – переспросил волк, прочитавший Машенькины мысли. – Нэузели так сложно веить?

Его голова высветилась рядом с малышкой. Говорил Хранитель странно, будто ему что-то мешало. Впрочем, так оно и было. Из зелёного тумана выпелился язык, который волк держал высунутым. На кончике его блестела слеза девочки с Чистым Сердцем. Хранитель бережно нёс её к шву, который предстояло обработать. Сделав рывок, он обогнал Машеньку. Гр-р-р… – прогромыхала мимо, спрятавшись за пеленой пара, связка ключей.

Груз утраченной веры невероятно тяжёл. Порой даже для крепкой шеи Ключника. Был момент, когда волк отступил, повалился набок. Машина слеза счастья слетела с его языка и начала испаряться, смешиваясь с волшебным паром и тем самым наделяя его своей целебной силой. Космос Надмира, получив такой редкий дар, сам себя лечил. Шов на глазах затягивался, рубцевался, рассасывался. Будто никакой чёрной дыры здесь и в помине не было.

Тысячи сиреневых голов склонялись перед девочкой, тысячи сиреневых рук отдавали ей честь. Так ангелодракон благодарил детёныша с Чистым Сердцем за исцеление своего мира. Ангельский звон больше не резал слух, стал тише, нежнее – дзон, дzon, дzon!

Уносимая паром малышка видела, как вернулись зонты. Изрядно пожёваные дырой, но целые. Работали даже светильники на зонтичных ручках, маяком освещая парной космос.

Видела девочка также новорожденных Червей, которые прогрызали себе путь в сказки, росли и тучнели. Это наблюдение расстроило её. Действительно, Человеческим Сомнениям нет конца и края... И всё же в глубине сердца своего она чувствовала, что её друзья из сказочного мира справятся с паразитами, сколько бы их ни было. Ведь они знают самый верный, самый правильный секрет – вера любые сомнения побеждает. А веры у настоящих антресолек не занимать. Веры в человека!

– Не забывай нас?.. – попросил Хранитель.

Голос звучал рядом, хотя самого волка не было видно, даже его туманистой головы.

– Не забуду, – пообещала Маша. – Разве такое забывается?

– Ах-х-х... – горько вздохнул волк, – и не такое забывается.

– Я... Я... – малышка всхлипнула. – Я буду стараться не забыть. Очень-очень буду!

– Верю, что будешь. И всё же маленькая девочка когда-нибудь перестанет быть маленькой, и ей придётся забыть.

– Нет! Не забуду! Не хочу забывать! Не хочу, не хочу!

– Но даже если забудешь, – голос Хранителя стал глуше, звучал будто за стеклом, – сказки не забудут тебя. Я не забуду. Я всегда буду рядом.

Волчья голова испариной отпечаталась на окне. Машенька сидела, обхватив коленки руками, на подоконнике в своей комнатке.

– Что здесь было?! – в один голос спросили изумлённые мама с папой.

Оба стояли на пороге, не решаясь войти. Мама покраснела от гнева, хотела что-то сказать, явно неприятное для Маши, но от волнения лишь смешно закудахтала:

– Откуд... куда? К...как? Так... кое??!

Папа успокаивал маму, целовал в шею, а сам нервно поглаживал свою лысину, будто причёсывал несуществующие волосы.

Машенька непонимающе вздрогнула бровью, окинула взглядом комнату и оцепенела. И впрямь, было из-за чего ругаться. Посреди комнаты небрежно развалился распахнутый чемодан. Вокруг разбросаны игрушки вперемешку с

одеялом и подушками. Но это полбеды. Мамины цветочные горшки разбиты, перевёрнуты! Сверху всё это безобразие прикрывает сорванная штора. Рядом валяется карниз...

– Это... Ну-у... – пытался оправдать дочку папа, подбиравший нужные слова, а подбиравая, тёр виски. – Нечего было оставлять ребёнка без присмотра. Будет нам наука. И вообще, дорогая, твоя лилия уцелела. Только земля немножко рассыпалась. А карниз я прибью!

Глава 63. Пост сдан – пост принят

Прошёл год. Машенька подросла, похорошела. Ей уже купили школьную форму. Роскошные волосы Солнечного Зайчика теперь струились до середины спины. Бабушка научила внучку заплетать их в косы. А это нелёгкое, надо отметить, занятие – заставить плести волосок к волоску непослушные Машенькины кудри. Но школа требует дисциплины!

– Не вертись, Зайчик. Нигде не жмёт? Подними руки. В плечах не тянет? Рукава впору? Стой смирно, я тебя прошу. Дай мне посмотреть на тебя, дай поправлю бантик, – сутилась мама вокруг Маши, собирая её первый раз в первый класс.

Девочка послушно подняла руки, понурила голову. Выглядело так, будто её ведут на расстрел. Нет, вы не подумайте чего-нибудь плохого! Машенька давно с трепетом в сердце ждала того заветного дня, когда её по праву будут называть школьницей. Здесь дело в другом... Школа-то элитная. Мама сама выбирала... А вот Машины друзья – ребята обычные. Им входа в элитную школу нет.

«Как же я без вас? Как же я сама? – малышка от переживаний закусила губу, а мама подумала, что слишком тую затянула бант и со вздохом принялась перевязывать. – Как Вовка там будет без меня? Совсем ведь пропадёт... Без друзей... Он – хороший мальчик, но мало кто это знает. Просто... Просто Вовка не показывает, какой на самом деле он душка. Нет, надо ему как-то помочь. Надо как-то поддержать. Подарить что-то? Что-то такое... необычное?»

Мимопрошёл папа с большим мусорным пакетом, из которого выглядывала старая коробка из-под пластилина. Маша вскрикнула, потянулась за коробкой, ненароком выдернула из маминых рук недовязанный бант. Праздничная косичка колоском безнадёжно растрепалась.

– Что за фокусы?! – возмутилась мама, у которой испортился безупречный маникюр – ноготь, зацепившись за бант, сломался.

Папка стоял как вкопанный, наблюдая за дочкой, перебиравшей мусор. К рукаву её новенькой тщательно выглаженной школьной формы уже успели прилипнуть лимонная корка и мокрый листик мяты.

- Что за фокусы?!! - грозно повторила мама, выковыривая из банта отломанный ноготь.

- Извольте, леди, объяснить, - вежливо поинтересовался пapa, - что вы с таким энтузиазмом ищите? Хм... в мусоре?

- Буковки, - коротко объяснила Маша.

Вернее, думала, что объяснила. Родители же придерживались иного мнения. Назревала гроза... К счастью, в непростую для семьи Журавлёвых ситуацию вмешалась бабушка. Хитро сощурившись, она склонилась над пакетом, половина содержимого которого вывалилась на пол. Внучка невозмутимо продолжала перебирать мусор.

- Может, лучше я буду искать? - предложила помочь бабуля. - На мне формы нет, тем более новой. Лимонные корки не страшны. Только скажи мне, что искать?

- Не что, а кого, - деловито буркнула Маша, не отрываясь от процесса.

- Хм, тараканов, что ли? - искренне полюбопытствовал пapa.

Мама, хихикнув, предпочла удалиться - вместе с бантом.

- Я же сказала, - малышка стряхнула с рукава лимонную корку, подковырнула листик мяты, - буковки! Я ищу пластилиновые буковки. Были вот в этой коробке. Наверное, выпали....

- Они очень важны? - спросила бабушка совершенно серьёзно.

- Конечно, ведь они живые! Это ключ от сказки, которую я хочу подарить одному мальчику. Он в этой сказке очень нуждается. Очень-очень! Понимаешь, бабуль?

- Не совсем, но попробую, - кивнула бабушка, аккуратно доставая из-под молочного пакета букву «А».

Терпение мамы лопнуло. Она вернулась с веником и совком. Папа преградил ей дорогу:

- Не мешай. Они буквы ищут. Это очень важно!

- Буковка «Б»! - обрадовалась Машенька, обнаружив Бурундуна в картофельных очистках.

Рядом с ним, на огуречной шкурке, притаились Вьюн и Гагатун. Осталось найти буковку «Д». Был обследован весь мусор, но она будто сквозь землю провалилась. Девочка приуныла. Без пятой буквы не сработает заклинание, а значит, и не откроется дверь в сказку...

- Всё, хватит, надоело, - мама оттолкнула папу, прошлась веником по мусору, подняла коробку. Оттуда выпала вылепленная из голубого пластилина Дзинь-да-да.

- Спасибошки, мам! Цём-цём тебя! - выпалила Машенька, собрала буковки и, нарочно громко топая, поскакала на кухню.

Бабушка следовала за внучкой по пятам. Не отставали пapa. Заинтригованный, он забыл о мусоре, который выносить довелось маме. На кухне состоялся семейный совет.

- Ну, что делать будем? - задал вопрос отец. - Как-то неприлично дарить пластилин без коробки?

- Ха, прилично ли вообще дарить старый, использованный пластилин? - бросила через плечо мама.

Она грозно прошествовала к умывальнику. На папу не глядела, показывая тем самым, что обиделась на него из-за невынесенного мусора. Тем не менее, найти новую упаковку для старого пластилина мама помогла, достала из шкафчика конфетную коробку. Конфетную, но без конфет...

Вечером Машенька гуляла во дворе. Местные кумушки-старушки обсуждали у подъезда последние новости. По мнению бабушкиного большинства, открытие нового учебного года прошло достойно. И погода не подкачала - весь день играло лучиками солнышко.

Вовку Заречного Маша нашла быстро. Коротко стриженный мальчуган сидел на автомобильнойшине, наполовину вкопанной в землю, и напевал себе под нос мелодию из какого-то мультфильма.

- Это когда-то была клумба? - спросила малышка, не зная, с чего начать разговор. - Теперь же здесь растут одни сорняки...

- Сорняки? - нахмурился Вовка. - Сорняками взрослые называют растения, которые растут не на своём месте. Но знает ли кто на самом деле, где чьё место? Хы-хы, интересно было бы спросить у самих растений, что они думают по этому поводу. Может, на их взгляд, это мы, люди, как раз и есть сорняки? Хы...

Девочка пожала плечами. В чём-то Вовка, безусловно, прав, но не о растениях она пришла с ним говорить.

- Послушай, - Машенька присела на шину рядом с мальчиком и положила ему на колени коробку. - Я вот... Я вот... Одним словом, это тебе.

- Конфеты?! - воскликнул Вовка, не ожидавший такой щедрости, и тут же сник, поскольку под цветастой, обещающей сладкий сюрприз крышкой не обнаружил ничего, кроме пластилина. - Не понял?

- Некогда объяснять, - хлопнула его по плечу Маша. - Но ты не расстраивайся. Поверь, пластилин лучше, чем конфеты. Скоро сам в этом убедишься. Только...

- Что только?

- Только нужно знать пароль, без которого сказка не начнётся.

Машенька наклонилась к Вовке и что-то прошептала ему на ухо. Мальчик слушал, улыбался и не верил. Сказать об этом Солнечному Зайчику он не решался, поэтому подарок принял, небрежно засунул его за пазуху, вскочил с шины и был таков.

- Пока, сказочница! - крикнул мальчик, уже стоя на другой стороне улицы.

За его спиной, на краснокирпичной стене заброшенного дома, расплылась двукрылая Тень. Чёрным пальцем она указала на мальчика, словно спрашивала: «Это он?»

Маша кивнула. Посчитав, что кивок Солнечного Зайчика предназначался ей, Вовка помахал в ответ. Сразу обеими руками. Коробка выскользнула из-под футболки, упала на асфальт. Дзо-о-он!!! - раздался пронзительный

звон, будто что-то внутри неё разбилось. Испугавшись, мальчик присел на корточки, осторожно открыл картонную крышку.

— Всё в порядке? — спросила Машенька. Чтобы Вовка её услышал, пришлось кричать, приложив ладони ко рту.

— Ага, ага, — вполголоса отвечал мальчик, совершенно не заботясь о том, слышат ли его.

Он бережно разделял буквы, слипшиеся во время падения в цветной комок. Тень плясала вокруг него. Ей не терпелось поиграть с мальчиком в новую сказку.

— Пост сдан, ах, — прошептала Маша и вздохнула.

Жаль было расставаться со сказкой. Но малышка понимала... Нет, она сердцем чувствовала, что Вовке сказка нужнее. Главное — ОНИ приняли его. Хотя могло ли быть иначе? Если сердце чистое, если оно открыто чуду, сказка не сможет обойти его стороной. Это закон, который знают все антресольки...

30 августа 2013 – 21 апреля 2014

АЛФАВИТ

А	Б	В	Г	Д
Е	Ё	Ж	З	И
Й	К	Л	М	Н
О	П	Р	С	Т
У	Ф	Х	Ц	Ч
Ш	Щ	ТЬ	Ы	Ь
Э	Ю	Я		